
РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ «ТЕОРИЯ ЯЗЫКА. СЕМИОТИКА. СЕМАНТИКА»

Денисенко Владимир Никифорович — академик МАН ПО, доктор филологических наук, профессор, Российский университет дружбы народов, Москва, Россия — *главный редактор*

Красина Елена Александровна — доктор филологических наук, профессор, Российский университет дружбы народов, Москва, Россия — *заместитель главного редактора*

Маслова Валентина Авраамовна — доктор филологических наук, профессор, Витебский государственный университет им. П. Машерова, Витебск, Республика Беларусь — *заместитель главного редактора*

Новоспасская Наталья Викторовна — кандидат филологических наук, доцент, Российский университет дружбы народов, Москва, Россия — *ответственный секретарь редколлегии*

Члены редколлегии

Бахтикиреева Улданай Максutowна — доктор филологических наук, профессор, Российский университет дружбы народов, Москва, Россия

Беднарoва-Гибoва Клаудиа — доктор филологических наук (PhDr), лектор Института британских и американских исследований гуманитарного факультета, Университет г. Прешов, Республика Словакия

Владимирова Татьяна Евгеньевна — доктор филологических наук, профессор, Центр международного образования МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Джусупов Маханбет — доктор филологических наук, профессор, Заслуженный профессор, Узбекский государственный университет мировых языков, Ташкент, Республика Узбекистан

Нижников Сергей Анатольевич — доктор философских наук, профессор, Российский университет дружбы народов, Москва, Россия

Новикова Марина Львовна — доктор филологических наук, профессор, Российский университет дружбы народов, Москва, Россия

Петров Александр Владимирович — доктор филологических наук, доцент, Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, Симферополь, Республика Крым, Россия

Синячкин Владимир Павлович — доктор филологических наук, доцент, Российский университет дружбы народов, Москва, Россия

Тарасов Евгений Фёдорович — доктор филологических наук, профессор, заведующий отделом психолингвистики, Институт языкознания РАН, Москва, Россия

Темиргазина Зифа Какбаевна — доктор филологических наук, профессор, Павлодарский государственный педагогический институт, Павлодар, Республика Казахстан

EDITORIAL BOARD
BULLETIN OF PEOPLES' FRIENDSHIP UNIVERSITY
series THEORY OF LANGUAGE. SEMIOTICS. SEMANTICS

Prof. Vladimir N. Denissenko — Peoples' Friendship University of Russia, Moscow — *Editor-in chief*

Prof. Elena A. Krassina — Peoples' Friendship University of Russia, Moscow — *Vice-editor-in chief*

Prof. Valentina A. Maslova — Vitebsk State University n.a. P.M. Masherov, Vitebsk, Republic of Balarus — *Vice-editor-in chief*

Dr. Natalya V. Novospasskaya — Peoples' Friendship University of Russia, Moscow — *Managing Secretary*

Editorial Board Members

Prof. Uldanay M. Bakhtikireeva — Peoples' Friendship University of Russia, Moscow

Prof. Klaudia Bednárová-Gibová — Institute of British and American Studies at the Faculty of Arts, University of Prešov, Prešov, Republic of Slovakia

Prof. Tatyana Eu. Vladimirova — Centre of International Education, Moscow State University n.a. M.V. Lomonosov; Moscow

Prof. Makhanbet Dzhusupov — Honored Professor of the Uzbek State World languages University, Tashkent, Republic of Uzbekistan

Prof. Sergey A. Nizhnikov — Peoples' Friendship University of Russia, Moscow

Prof. Marina L. Novikova — Peoples' Friendship University of Russia, Moscow

Prof. Alexander V. Petrov — Crimean Federal University n.a. V.I. Vernadsky, Simferopol, Republic of Crimea, Russia

Prof. Vladimir P. Sinyachkin — Peoples' Friendship University of Russia, Moscow

Prof. Evgeniy F. Tarasov — the Head of the Psycholinguistic Sector, Institute of Linguistics, the Russian Academy of Sciences, Moscow

Prof. Zifa K. Temirgazina — Pavlodar State Pedagogical University Pavlodar, Republic of Kazakhstan

ВЕСТНИК Российского университета дружбы народов

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в 1993 г.

Серия

ТЕОРИЯ ЯЗЫКА.
СЕМИОТИКА. СЕМАНТИКА

2016, № 1

Серия издается с 2010 г.

Российский университет дружбы народов

СОДЕРЖАНИЕ

СИСТЕМНОСТЬ ЯЗЫКА И МЕТОДОЛОГИЯ ЗНАНИЯ

- Омельченко В.В.** Выявление, систематизация и анализ истоков происхождения универсальных операций познания, отраженных в древних писаниях и в древнерусском языке 7
- Lunkova L.N.** Explicit and Implicit Negation in the Natural Language 19
- Липатова Т.В.** Словообразование и функциональная мотивированность семантики единиц языка 25
- Баталов А.А.** Определяющие признаки и функции средств речевого этикета 32

СИМВОЛИЧНОСТЬ В ЯЗЫКЕ И ТЕКСТЕ

- Бочкарев А.Е.** О семантической триаде как основании теории значения 43
- Шумбасова С.С.** Цветы: язык английского искусства или искусство английского языка? 52

ТЕКСТ, СВЕРХТЕКСТ, ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕКСТ

- Волкова Зл.Н.** Текст и сверхтекст в эпосе 59
- Никашина Н.В., Супрун Н.Д.** Аллюзия как стилистический прием в англоязычной литературе 68

Щербинина П.А. Детский взгляд на мир как форма самопрезентации в автобиографической прозе рубежа XX—XXI вв.	75
---	----

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС

Джигоева А.А., Стрельникова О.Ф. Глобальность метафоры <i>семья</i> в политическом дискурсе	83
Буцык Е.Д. Особенности формирования имиджа политика в предвыборной гонке: гендерный аспект	91
Быкова Г.И., Никулина Е.Ф., Петрова Е.Э. Концепт «двойные стандарты» в дискурсе социолингвистики	100
Алиева Е.Н. гызы. Некоторые стилистические особенности официальной дипломатической переписки (теоретико-практический обзор)	108

КОНЦЕПТЫ И КОЦЕПТОСФЕРА

Медведева Д.И. Концептуализация запаха в русской и сербской лингвокультурах	115
Чулкина Н.Л., Колышева О.Н. Семантические особенности концепта «немец» (на материале фронтовых писем Великой Отечественной войны)	126

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ, ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ И ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЯЗЫКОВЫХ ЯВЛЕНИЙ

Бредис М.А. <i>БЕРЕЖЛИВОСТЬ</i> и <i>СКУПОСТЬ</i> в паремиях (на материале русского, латышского, немецкого, английского и таджикского языков)	131
Мамонтов А.С., Морослин П.В. Зоометафоры как лингвокогнитивная составляющая процесса межкультурной коммуникации (на материале русско-турецких сопоставлений)	139
Болотина К.Э. Лингвистические параметры антропонимикона квебекцев	144
Гамов А.Н. Сравнительный анализ общего и специального сленга в макросистеме английского просторечия	151
Красильникова Е.П. Лексико-грамматический аспект изучения русских приставочных глаголов	164

НАУЧНАЯ ХРОНИКА

Осокина Е.А. «Слово Достоевского. 2014. Идиостиль и картина мира»: презентация книги	172
XI Международная научная лингвистическая конференция «Языковые категории и единицы: синтагматический аспект», г. Владимир, Владимирский государственный университет им. А.Г. и Н.Г. Столетовых (ВлГУ) 28 сентября — 1 октября 2015 г.	176

НАШИ АВТОРЫ	178
--------------------------	-----

BULLETIN

ACADEMIC JOURNAL

of Peoples' Friendship University of Russia

Founded in 1993

Series

**THEORY OF LANGUAGE.
SEMIOTICS. SEMANTICS**

2016, N 1

Series founded in 2010

Peoples' Friendship University of Russia

TABLE OF CONTENTS

LANGUAGE CONSISTENCE

AND METHODOLOGY OF KNOWLEDGE

Omelchenko V.V. Identification, Systematization and Analysis of the Origins of Cognition Universal Operations Reflected in Ancient Manuscripts and Ancient Language	7
Lunkova L.N. Explicit and Implicit Negation in the Natural Language	19
Lipatova T.V. The Formation of Meaning and Functional Motivation of Language Units' Semantics	25
Batalov A.A. Determining Features and Functions of Speech Etiquette Means	32

SYMBOLISM IN LANGUAGE AND TEXT

Bochkarev A.E. On the Semantic Triad as a Basis of the Theory of Meaning	43
Shumbassova S.S. Flowers: The Language of the English Art or the Art of the English Language?	52

TEXT, SUPERTEXT, LITERARY TEXT

Volkova ZI.N. Epic Text and Supertext	59
Nikashina N.V., Suprun N.D. Allusion as a Stylistic Device in the English Language Literature	68

Shcherbinina P.A. Children's View of the World as Self-Presentation Form in Autobiographical Prose of the turn of the XX—XXI centuries	75
POLITICAL DISCOURSE	
Joeva A.A., Strelnikova O.F. Globality of <i>Family</i> Metaphor in Political Discourse	83
Butsyk E.D. Peculiarities of Creating a Political Image in a Pre-Election Campaign: The Gender Aspect	91
Bykova G.I., Nikulina E.F., Petrova E.E. The Concept of “Double Standards” in the Sociolinguistics Discourse	100
Aliyeva Ye.N. gyzy. Some Stylistic Features of Formal Diplomatic Correspondence (Theoretic and Applied Aspects)	108
CONCEPTS AND CONCEPT SPHERE	
Medvedeva D.I. Conceptualization of Smell in Russian and Serbian Linguistic Cultures	115
Chulkina N.L., Kolyseva O.N. Semantic Features of the Concept “German” (the case of Letters of the Great Patriotic War period)	126
COMPARATIVE, LINGUOCULTURAL AND LINGUODUIDACTIC ANALYSES OF LANGUAGE PHENOMENA	
Bredis M.A. <i>FRUGALITY</i> and <i>COVETOUSNESS</i> in Proverbs (based on Russian, Latvian, German, English and Tadjik)	131
Mamontov A.S., Moroslin P.V. Zoometaphors as Linguocognitive Component of Cross-Cultural Communication: Russian Turkish Comparative Study	139
Bolotina K.E. Linguistic Features of Quebec Anthroponymicon	144
Gamov A.N. A Comparative Analysis of General Slang in the Macrosystem of Sub-Standard English	151
Krasilnikova E.P. Lexical and Grammatical Aspect of Studying Russian Prefixal Verbs	164
SCIENTIFIC CHRONICLES	
Osokina E.A. «Slovo Dostoyevskogo. 2014. Idiostyle and Worldview»: Book Presentation .	172
XI INTERNATIONAL SCIENTIFIC LINGUISTIC CONFERENCE “LANGUAGE CATEGORIES AND UNITS: SYNTAGMATIC PLANE”. Vladimir, Vladimir State University n.a. A.G. and N.G. Stoletovy (VISU), September, 28 – October, 1, 2015	176
OUR AUTHORS	178

СИСТЕМНОСТЬ ЯЗЫКА И МЕТОДОЛОГИЯ ЗНАНИЯ

УДК 811.16:003

ВЫЯВЛЕНИЕ, СИСТЕМАТИЗАЦИЯ И АНАЛИЗ ИСТОКОВ ПРОИСХОЖДЕНИЯ УНИВЕРСАЛЬНЫХ ОПЕРАЦИЙ ПОЗНАНИЯ, ОТРАЖЕННЫХ В ДРЕВНИХ ПИСАНИЯХ И В ДРЕВНЕРУССКОМ ЯЗЫКЕ

В.В. Омельченко

Государственный НИИ системного анализа
Счетной палаты Российской Федерации
ул. Усачева, 64-1, Москва, Россия, 119048
omelchenko.vv@niisp.ru, omvv@yandex.ru

В статье рассмотрены методические аспекты выявления, систематизации и анализа истоков происхождения универсальных операций познания, отраженных в древних писаниях и в древнерусском языке. Выявление и анализ исходного множества универсальных операций познания проведен с учетом его разделения на два противоположных класса — нисходящие и восходящие операции, по каждой из которых проведена классификация по основаниям: родовой корень, образ, смысл, происхождение. Для одной из операций приведена классификационная система словообразования, в которой показана логика формирования двузначных и трехзначных родовых корней или слогокорней древнерусского языка.

Ключевые слова: анализ, выявление, древнерусский, класс, истоки, корень, образ, родовой корень, различие, система, слово, смысл, тождество, язык.

ВВЕДЕНИЕ

С целью выявления истоков происхождения слов любого языка требуется проведение системного исследования их родовых корней, которые являются основой или базой образования (создания) этих слов. Основным признаком *родового корня* является наличие *классификационной системы* тождественных или родственных слов, представленных в этой системе по тому или иному основанию систематизации. Соответственно, в этой системе родовой корень является базой, от которой и образовано (создано) это множество родственных слов. Как показали исследования [7], чем более многосторонней и разветвленной является классификационная система конкретного родового корня языка, с одной стороны, и чем более мощным является множество слов этой системы, с другой стороны, тем

с большей вероятностью рассматриваемый родовой корень относится к родовому корню праязыка, т.е. ближе стоит к истокам.

Таким образом, если рассматриваемое конкретное слово имеет родовой корень, то это слово, можно сказать, имеет свою *предысторию образования* (появления на свет), которую можно «вычислить» или определить, зная логику словообразования и используя соответствующие толковые словари древних языков.

Соответственно, если рассматриваемое конкретное слово не имеет родового корня, то это слово не имеет своей *предыстории образования*, т.е. оно является неродственным или чужим словом рассматриваемого языка. По меткому выражению нашего великого соотечественника В.И. Даля, такие иностранные, по сути, безродные слова являются «чужеродными наречиями, которые засоряют живой великорусский язык» [2].

Так, в словаре иностранных языков 1988 г. приведено около 19 тысяч иностранных слов, которые считаются «заимствованными русским языком» [10. С. 2]. Действительно, такие безродные иностранные слова в русском языке являются не только без родовых корней и без смыслового образа, но и, заменяя истинные русские слова, тем самым делают речь ненаблюдаемой, т.е. непрозрачной, мутной, непонятной. Отсутствие родовых корней в таких словах приводит к тому, что они «выпадают» из совершенной классификационной системы русского (древнерусского) языка.

Например, используемые операции *расчленение* и *сочленение*, или *разъединение* и *соединение*, являющиеся древнерусскими словами, сегодня все чаще заменяются иностранными словами *анализ* и *синтез*, не имеющих родовых корней. Эти иностранные слова являются относительно новыми, поэтому их нет ни в канонических, ни в других древних текстах. С другой стороны, имеющие свои родовые корни слова *расчленение* (*сочленение*) и *разъединение* (*соединение*) во всех древних писаниях самых разных собраний представлены весьма множественно и разнообразно.

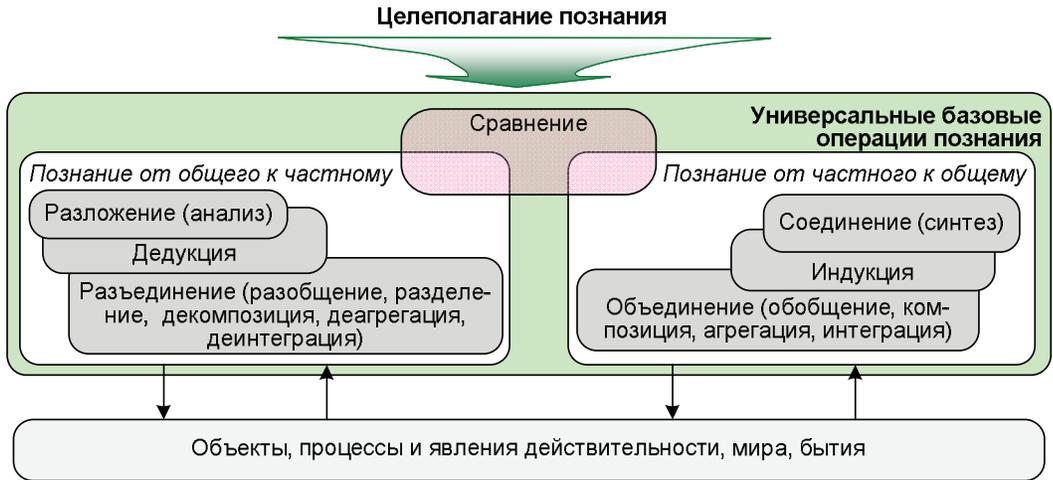
Рассмотренные особенности исследования родовых корней целесообразно использовать в языкознании, например, при распознавании и проведении оценки истинности (верификации) неизвестных древних текстов.

СИСТЕМАТИЗАЦИЯ БАЗОВЫХ ОПЕРАЦИЙ ПОЗНАНИЯ

С целью выявления истоков происхождения универсальных базовых операций познания, которые сегодня представляются как русскими, так и иностранными словами, проведем их систематизацию по принципу двойцы противоположных, соразмерных (симметричных) и равновесных сущностей (рис. 1).

С точки зрения системного рассмотрения логики познания мира, действительности, бытия, следующего из древних писаний, выделяются такие классы универсальных операций мышления:

- исходные операции познания — *сравнение* и *отражение*;
- нисходящего характера движения мысли по принципу: *от общего к частному*;
- восходящего характера движения мысли по принципу: *от частного к общему*.

Рис. 1. Общая систематизация универсальных базовых операций познания

Для последних двух классов приведем классификацию свойств и характеристик операций мыслительной деятельности (рис. 2).

Рис. 2. Классификация основных операций познания

В рамках названных классов операций познания сегодня существует ряд операций, которые представляются как русскими (древнерусскими), так и иностранными словами. Чтобы глубже понять сущность универсальных операций и отношений познания, выявим их истоки, для чего используем древние писания и древнерусский язык с его большим словарным запасом.

С учетом предлагаемого подхода [7; 8] проведем выявление истоков происхождения универсальных операций познания мира, действительности, бытия, в основу которого положим всестороннее рассмотрение родовых корней.

Систематизация универсальных операций познания. Классификацию основных универсальных *исходных* операций познания по следующим основаниям классификации: *родовой корень, образ, смысл, происхождение* представим в виде таблицы 1.

Таблица 1

Систематизация основных универсальных исходных операций познания по основаниям: образ, смысл, происхождение

Название операции	Истоки возникновения	Родовой корень	Образ, слово, смысл — как производные от родового корня
1	2	3	4
1. отражение ¹	древнерусское слово, имеющее тройкую структуру <i>от/РАЖ/ение</i>	<i>РАЖ, РОЖ</i>	<i>От/РАЖ/ение</i> — предлог-приставка <i>от</i> указывает «на источник, начало и направление чего-либо» [62]. Слово <i>от/раж</i> , таким образом, означает в древнерусском языке <i>рождение (РОЖ/дение, образ/ование)</i> новой сущности или нового образа <i>от/РАЖ/а</i> , которая по своей сути, соответствует (тождественна) первичной (родовой) сущности <i>РАЖ(э)</i>
2. рефлексия ²	<i>рефлексия</i> — относительно новое иностранное слово [и]	—	Родовой корень и смысловой образ отсутствуют
3. сравнение ³	древнерусское слово, имеющее тройкую структуру <i>с/РАВН/ение</i>	<i>РАВН</i>	Древнерусский глагол <i>РАВНый</i> (чему, с чем), одинаковый, один, во всем подобный, относительно величины, количества, качества, свойств и пр.; верста, ровня. Глагол <i>РАВНять</i> или <i>РАВНить</i> что чему, сравнивать, ставить в ряд, почитать <i>РАВНым</i> , одинаковым, или одних свойств, по количеству, по качеству [Д]
4. сличение ⁴	древнерусское слово, имеющее тройкую структуру <i>с/ЛИЧ/ение</i>	<i>ЛИЧ⁵, ЛИК</i>	Действие по глаголу <i>сЛИчать</i> означает сравнение (сравнивание, *сровнение) с <i>ЛИКом (обЛИКом, ОБРАЗом)</i> . <i>сЛИчие</i> — как сходство предмета с образом (ликом)

¹ *Отражение* — по глаголу *отражать*, ‘отразить кого, отбить силою, оружием, защищаясь отогнать, отбить нападение’; ‘отразить доводы, обвинения’; ‘опровергать словами, противными доводами’ [2].

² *Рефлексия* — (букв. лат. *отражение*), представляет собой ‘размышление, полное сомнений, противоречий’; ‘анализ собственного психического состояния’ [10. С. 433].

³ *Сравнение* — действие по глаголу *сравнивать, сравнять* что с чем, сверстать, сделать в одну меру, поравнять, укорачивать или удлинять, выравнивая между собой [2].

⁴ *Сличение* — действие по глаголу *сличать, сличить* (что, с чем); ‘ровнять, сравнивать, применять, сверять’ [2].

⁵ *Лик (лич)* м.р. — ‘лицо, облик, обличье’; ‘выражение лица, физиономия’; ‘полицье (арх.), портрет, изображение, образ’ [2].

Древнерусские слова *отражение*, *сравнение* и *сличение*, их сущность, точное определение (экспликация), систематизация тождественных (родственных) им слов, а также анализ применения их в древних писаниях авестийского, ведического, древнекитайского и древнерусского собраний подробно изложены в первых двух книгах [7].

Например, слово *сравнение* с родовым корнем *РАВН* употреблено: в Библии 163 раза, в Законах Ману — 146 раз, в Ригведе — 32 раза (!). При этом в Законах Ману сравниваются самые различные объекты и процессы, при этом сравнение проводится по разным признакам, в том числе: на важность, на греховность, на силу, на вину, на порочность, на объем наказания и т.д. Другой пример, родовой корень *ЛИК* (*ЛИЧ*) употреблен: в Библии — 752 раза, в Ригведе¹ — 406 (130) раз, в Законах Ману² — 103 (177) раз! С другой стороны, иностранное слово *рефлексия* появились относительно недавно, поэтому оно естественно отсутствует во всех древних текстах.

Итак, следует вывод: среди всех языков мира только в русском языке лежат истоки происхождения (образования) *исходных* операций познания, названных древнерусскими ключевыми словами *отражение* и *сравнение* (*сличение*). Эти слова содержат соответствующе знаковые *родовые корни* в центре их тройкой структуры, которые являются основой соответствующих разветвленных и многоуровневых систем классификации тождественных (родовых) слов древнерусского языка.

Истоки происхождения нисходящих универсальных операций познания. Принцип познания, основанный на переходе *от общего к частному* как общий *нисходящий* метод познания, обеспечивает движение познания от тождества предметов к их различию. При этом применяются операции *разъединения* (*анализа*, *разделения*, *разложения*, *разобщения* и др.), в основе которых лежит применение фундаментального отношения *различия*.

Систематизацию основных универсальных *нисходящих* операций познания по следующим основаниям классификации: *родовой корень*, *образ*, *смысл*, *происхождение* представим в виде таблицы 2.

Иностранные слова *анализ*, *дедукция*, *деагрегация* и *деинтеграция* появились относительно недавно, однако понятия, которые определяются этими словами, были широко известны в глубокой древности и весьма емко отражены в соответствующих древнерусских словах (см. табл. 1).

В результате применения этих понятий мыслители древности разделяли нечто целое на части, например, систему на подсистемы, цели — на подцели, задача — на подзадачи и т.д. В итоге получается некоторая структуризация исследуемого объекта в виде его конкретных структур — «деревя» (системы) целей, функциональных, информационных, логических структур и т.д. Исследование на основе *разъединение* (*разложения*, *расчленения*) предполагает иерархическое подчинение нижних уровней верхним, поэтому такое действие не меняет сути декомпозируемого объекта, процесса или явления, а лишь уточняет его, упрощает, помогает снять неопределенность или локализовать ее.

---

¹ Перевод с санскрита Т.Я. Елизаренковой [9].

² Перевод с санскрита С.Д. Эльмановича [3].

**Систематизация основных универсальных нисходящих операций познания
по основаниям: образ, смысл, происхождение**

Название операции	Истоки возникновения	Родовой корень	Образ, слово, смысл — как производные от родового корня
1	2	3	4
1. анализ ¹	современное греческое слово [10]	—	родовой корень и смысловой образ отсутствуют
2. дедукция ²	современное иностранное слово [10]	—	родовой корень и смысловой образ отсутствуют
3. деагрегация	современное иностранное слово [10]	—	родовой корень и смысловой образ отсутствуют
4. деинтеграция ³	современное иностранное слово [10]	—	родовой корень и смысловой образ отсутствуют
5. разъединение	древнерусское слово, имеющее тройную структуру <i>разь/ЕДИН/ение</i>	<i>ЕДИН</i>	<i>разъединение</i> — разделение целого на части, от слова <i>един</i> — м. связная часть целого, глагол — <i>разъединять</i> [2]. образ слова <i>разьЕДИНение</i> является противоположным, соразмерным и равновесным образу слова <i>обьЕДИНение</i>
6. разделение	древнерусское слово, имеющее тройную структуру <i>раз/ДЕЛ/ение</i>	<i>ДЕЛ</i>	древнерусский глагол <i>ДЕЛить</i> — означает что, <i>разДЕЛять</i> , <i>разЛАГать</i> на части, <i>ДРОБИть</i> , <i>разДРОБлять</i> , делать раздел [2]
7. разложение ⁴	древнерусское слово, имеющее тройную структуру <i>раз/ЛОЖ/ение</i>	<i>ЛОЖ</i>	древнерусский глагол <i>ЛОЖить</i> (также <i>ЛАГать</i>) означает класть, укладывать, употреб. только с предлогами [2]. например, <i>разЛОЖить</i> , <i>СЛОЖить</i> и т.д.
8. разобшение	<i>разобшение</i> (<i>раз/ОБЩ/ение</i>) — древнерусское слово [2]	<i>ОБЩ</i>	образ слова <i>разОБЩение</i> является противоположным, соразмерным (симметричным) и равновесным образу слова <i>обоБЩение</i>
9. расчленение	древнерусское слово, имеющее тройную структуру <i>рас/ЧЛЕН/ение</i>	<i>ЧЛЕН</i>	древнерусское слово <i>ЧЛЕН</i> ⁵ — м. связная часть целого, глагол — членить [2], отсюда <i>расЧЛЕНение</i> — членение целого на части

¹ *Analysis* — от греч. 'разложение', 'расчленение', 'мысленное или реальное разделение целого (объекта, класса) на части (признаки, свойства, отношения, классификационные элементы)'.
² *Дедукция* (лат. *deductio* — 'выведение') — 'логическое умозаключение от общего к частному, от общих суждений к частным или другим общим выводам' [10].
³ *де...* [лат. *de...*] — приставка, обозначающая: отделение, удаление, отмену последующего действия [10].
⁴ *Ложить* (также *лагать*) — 'класть, укладывать', употреб. только с предлогами [2].
⁵ *Член*, м. — 'связная часть целого', 'член животного тела', 'уд', 'снаряд', 'орудие, данное природой' (особ. *руки, ноги, пальцы*); иногда и *голова*, если членом зовут все, что наружно приставлено к телу [2].

Древнерусские слова *разъединение*, *разделение*, *разложение*, *разобшение*, *расчленение*, их сущность, точное определение (экспликация), систематизация тождественных (родственных) им слов, а также анализ применения их в древних писаниях авестийского, ведического, древнекитайского и древнерусского собраний подробно изложены в первых двух книгах [7]. Например, родовой корень *ДЕЛ* в смысле и в образе ключевого свойства *делимости* употреблен в Священных Писаниях: в Библии — 334 раза, в Коране¹ — 152 раза (!).

¹ Перевод с арабского языка И.В. Прохоровой [4].

Таким образом, можно сделать вывод: среди всех языков мира только русском языке лежат истоки происхождения *нисходящих* операций познания, названных древнерусскими ключевыми словами: *разъединение, разделение, разложение, разобщение, расчленение*. Эти слова включают соответствующие знаковые *родовые корни* в центре их тройкой структуры, которые являются основой соответствующих разветвленных и многоуровневых систем классификации тождественных (родовых) слов языка.

Истоки происхождения восходящих универсальных операций познания.

Мышление человека индуктивно движется от факта к обобщению, от явления к сущности. При овладении понятиями мы отвлекаемся от случайных и несущественных признаков и свойств объектов реального мира и выделяем лишь их существенные свойства.

В общем случае в философском плане обобщение предполагает нахождение общих свойств, связей, отношений и других характеристик в исследуемых объектах или процессах действительности, установления их *сходства*, свидетельствующего об их *принадлежности* к некоторому *классу* объектов (процессов).

В ведической логике под восходящим методом познания (обобщение, объединение) понимается переход от индивидуума к виду, от видового к родовому понятию, при этом содержание родового понятия оказывается более общим, так как из него исключаются видовые признаки. Получение обобщенного знания, таким образом, означает более глубокое отражение мира, действительности, бытия, проникновение в сущность вещей путем реализации познавательного процесса восходящих методов (операций) познания.

Принцип познания, основанный на переходе *от частного к общему* как общий *восходящий* метод познания, обеспечивает движение познания от различия предметов к их тождеству. При этом применяются операции *объединения* (*обобщения, сложения, сочленения, синтеза* и др.), в основе которых лежит применение фундаментального отношения *различия*.

Систематизацию основных универсальных *восходящих* операций познания по следующим основаниям классификации: *родовой корень, образ, смысл, происхождение* представим в виде таблицы 3.

Древнерусские слова *обобщение, объединение, сложение, сочленение*, их сущность, точное определение (экспликация), систематизация тождественных (родственных) им слов, а также анализ применения их в древних писаниях авестийского, ведического, древнекитайского и древнерусского собраний подробно изложены в первых двух книгах [7]. Например, *родовой корень ЕДИН* употреблен в Библии — 225 раз, в Ригведе¹ — 119 раз, в законах Ману² — 105 раз (!). С другой стороны, иностранные слова *агрегация, индукция, интеграция* и *синтез* появились относительно недавно, поэтому они, естественно, отсутствуют во всех древних текстах.

---

¹ Перевод с санскрита Т.Я. Елизаренковой [9].

² Перевод с санскрита С.Д. Эльмановича [3].

**Систематизация основных универсальных восходящих операций познания
по основаниям: образ, смысл, происхождение**

Название операции	Истоки возникновения	Родовой корень	Образ, слово, смысл — как производные от родового корня
1	2	3	4
1. агрегация ¹	современное иностранное слово [10]	—	родовой корень и смысловой образ отсутствуют
2. индукция	современное иностранное слово [10]	—	родовой корень и смысловой образ отсутствуют
3. интеграция ²	современное иностранное слово [10]	—	родовой корень и смысловой образ отсутствуют
4. обобщение	древнерусское слово, имеющее тройную структуру <i>об/ОБЩ/ение</i>	<i>ОБЩ</i>	древнерусский глагол <i>ОБЩать</i> — означает <i>ОБЩить</i> (что, чему), <i>приОБЩать</i> , <i>соЕДИНять</i> , смешивать; считать [2]
5. объединение	древнерусское слово, имеющее тройную структуру (<i>обь/ЕДИН/ение</i>)	<i>ЕДИН</i>	древнерусское слово <i>ЕДИНый</i> или <i>ЕДный</i> — означает один, или единственный; <i>ЕДИНость</i> , ж.; <i>ЕДИНство</i> , ср. свойство единого, составляющего одно целое [2]
6. синтез ³	современное греческое слово [10]	—	родовой корень и смысловой образ отсутствуют
7. сложение	древнерусское слово, имеющее тройную структуру <i>с/ЛОЖ/ение</i>	<i>ЛОЖ</i>	Образ слова <i>сЛОЖение</i> является противоположным, соразмерным и равновесным образу слова <i>разЛОЖение</i> или <i>выЧИТание</i>
8. сочленение	древнерусское слово, имеющее тройную структуру <i>со/ЧЛЕН/ение</i>	<i>ЧЛЕН</i>	Образ слова <i>соЧЛЕНение</i> является противоположным, соразмерным и равновесным образу слова <i>расЧЛЕНение</i>

¹ *Агрегация*, глагол *агрегировать* — 'объединять, суммировать какие-л. однородные показатели (величины) с целью получения более общих, обобщенных, совокупных показателей (величин)' [10].

² *Интеграция* [лат. *integratio* 'восстановление, восполнение'; *integer* 'целый'] — 1) 'объединение в целое каких-л. частей, элементов (противоп. дезинтеграция); 2) эк. процесс взаимного приспособления и объединения национальных хозяйств двух и более государств с однотипным общественным строем' [10].

³ *Synthesis* (греч. 'соединение'; 'мысленное или реальное соединение частей в единое целое').

Следовательно, среди всех языков мира, только русском языке лежат истоки происхождения *восходящих* операций познания, названных древнерусскими ключевыми словами *обобщение*, *объединение*, *сложение*, *сочленение*. Эти слова включают соответствующие знаковые *родовые корни* в центре их тройной структуры, которые являются основой соответствующих разветвленных и многоуровневых систем классификации тождественных (родовых) слов языка.

Обобщение результатов анализа истоков происхождения универсальных операций познания.

По своей сути нисходящие и восходящие методы познания базируются на применении операций отождествления и различения объектов или процессов действительности, в основе которых лежат фундаментальные отношения тождества и различия.

Все приведенные древнерусские слова (табл. 1—3) имеют свои значимые родовые корни, каждое из которых является основой, от которой образованы значительные множества родственных им слов по тем или иным основаниям систематизации. Так, например, в первых двух книгах [7] приведена классификационная система словообразования на базе родового корня *ЕДИН*, которая представлена двумя подсистемами:

- предметно-ориентированное направление систематизации;
- системно-методологическое направление систематизации.

Предметно-ориентированное направление систематизации представлено классификационной системой родственных по родовому корню *ЕДИН* слов, которая представлена соответствующими частями по следующим основаниям [7. Кн. 2. С. 114—118]: 1) вид родового слова — часть речи в древнейшем ведическом письменном памятнике Законы Ману; 2) по алфавиту простых и сложных слов Толкового словаря живого великорусского языка, содержащих родовой корень *ЕДИН*; 3) по тождественным словам Толкового словаря живого великорусского языка с родовым корнем *ЕДИН*, в том числе: простые слова однокоренные и разнокоренные, сложные слова однокоренные.

Системно-методологическое направление систематизации представлено классификационной системой словообразования на базе родового корня *ЕДИН*. Эта система представлена соответствующими фрагментами по следующим основаниям [7. Кн. 2. С. 272—283]:

- 1) путем прибавления к родовому корню *ЕДИН* приставок;
- 2) путем добавления к родовому корню *ЕДИН* букв азбуки;
- 3) по виду классификационных отношений, отражаемых родовым корнем *ЕДИН*;
- 4) по направленности и виду процессов *объединения* и *разъединения* с родовым корнем *ЕДИН* (системно-смысловой аспект);
- 5) по обобщенному представлению логики классификации объектов или процессов действительности на базе родового корня *ЕДИН*;
- 6) по используемым методам (способам) *объединения* и *разъединения* с родовым корнем *ЕДИН* (методологический аспект).

В первых двух книгах [7] также представлены классификационные системы словообразования на базе других родовых корней древнерусских слов. Здесь следует отметить один весьма важный методологический аспект.

Как показывают исследования, значимые родовые корни древнерусских слов, даже являясь, по сути, родовыми корнями праязыка (первозыка), который был известен до Вавилона, не являются первичными функциональными элементами этого праязыка. Первичными функциональными элементами праязыка являются звуки и соответственно буквы этого языка. Для пояснения этого положения ввиду важности рассматриваемого вопроса приведем классификационную систему словообразования, в которой показана логика формирования двузначных и трехзначных родовых корней или слогокорней древнерусского языка (рис. 3).

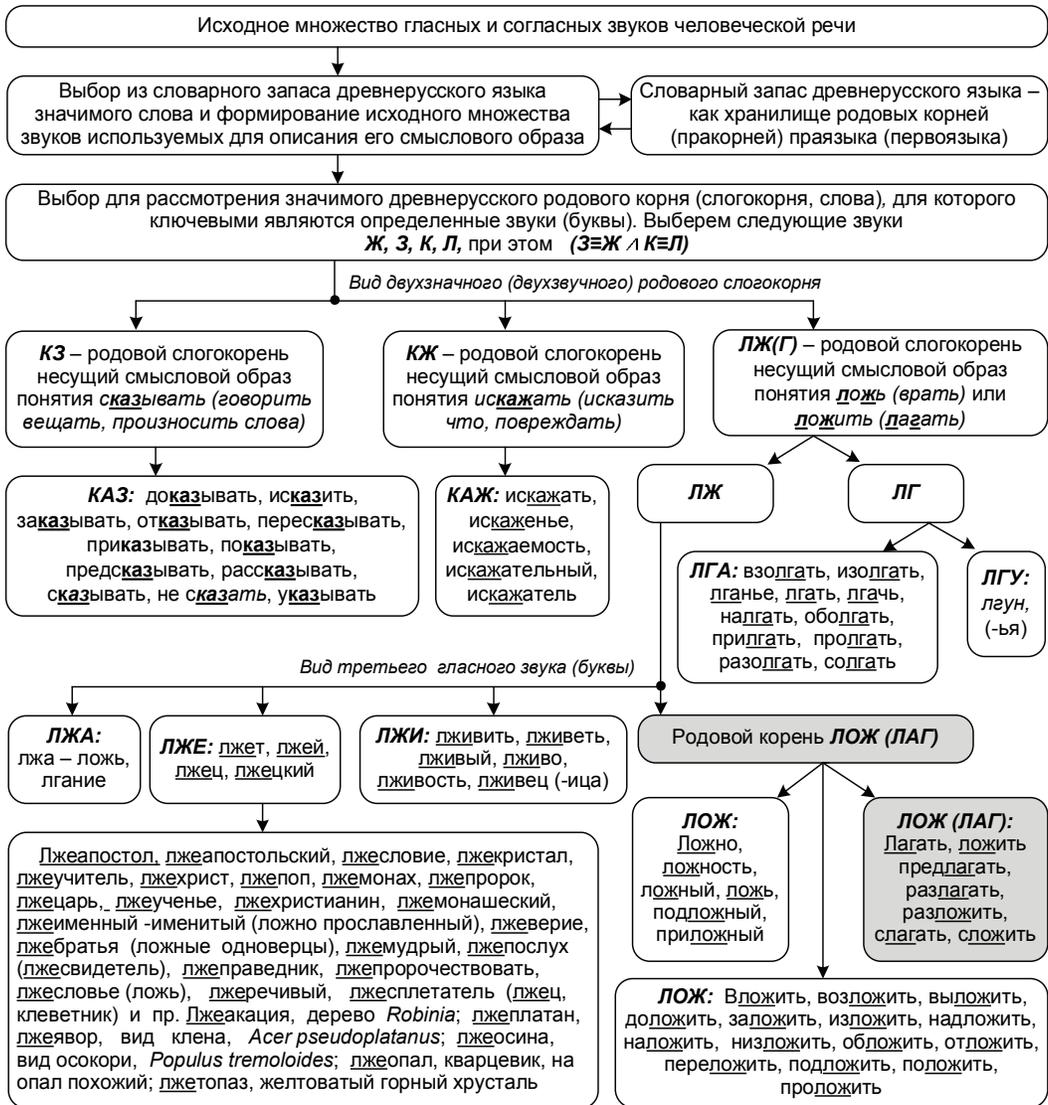
В литературе [7; 8] предложенная классификационная схема представлена весьма подробно, поэтому рассматривать ее не будем. Однако отметим с точки зрения рассматриваемого вопроса главное. Это роль и место родового слова *ЛОЖ* в общей классификационной системе словообразования древнерусского языка — как праязыка человечества. В природе нет больше других древних языков мира, имеющих такой большой словарный запас как древнерусский язык [2; 11].

Это важно, но это в данном случае не самое главное. Самое главное — это тот факт, что только в древнерусском языке существует удивительно стройная классификационная система значимых родовых слов (слоγοкорней), объединяющая,

по сути, бесчисленное количество слов и наречий. И это удивительное творение — классификационная система древнерусского языка, построенная еще в глубокой древности, соответствует всем требованиям и правилам строгой систематизации и классификации, которые, к сожалению, и сегодня мало кто знает, даже имея высшее образование.

Комплексное познание и систематизация объектов и процессов действительности на основе системного подхода предполагает выделение двух основных принципов мышления:

- от общего к частному (нисходящие методы познания);
- от частного к общему (восходящие методы познания).

Рис. 3. Пример классификации словообразования двузначных и трехзначных родовых слов (слогкорней) древнерусского языка для согласных звуков Ж, З, К, Л

Первый вид системного представления, основанный на применении нисходящих методов познания, представляет собой целенаправленный процесс получения *истинных* заключений (суждений, умозаключений, диагнозов и т.д.).

Второй вид системного представления, основанный на применении восходящих методов познания, представляет собой целенаправленный процесс получения *субъективно обоснованных* (вероятностных, правдоподобных) заключений (суждений, умозаключений, прогнозов). В этом случае получаемые заключения, в отличие от первого подхода, не могут быть по своей природе истинными, так как имеют случайный характер, опираются на субъективные оценки, предположения и интуицию.

Таким образом, можно утверждать, что при системном подходе без дедукции нет и индукции, без анализа нет и синтеза, без разделения нет и обобщения, их единство — как единство нисходящих и восходящих методов познания (суть системного мышления) позволяет комплексно описать главные онтологические категории познания. И это описание, как показано в настоящей статье, базируется на применении фундаментальных понятий *тождества* и *различия*. Очевидно, что единство рассматриваемых сторон комплексного (системного) мышления, которое проявляется в единстве рассматриваемых нисходящих и восходящих операций, отношений, методов позволяет познавать и понимать мир, действительность, бытие во всем их многообразии и разнообразии.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Библия (1991). Книги священного писания Ветхого Завета и Нового Завета. Перепечатано с Синодального издания [Bible. Books of scripture of Old Testament and New Testament. Reprinted from Synod edition]. Москва.
- [2] *Даль В.И.* (2011). Толковый словарь живого великорусского языка [Dal, V.I. Defining Dictionary]: В 4 т. М.: РИПОЛ-классик.
- [3] Законы Ману (1992). [Many Laws / Translation from the Sanskrit] / пер. с санскрита С.Д. Эльмановича, пров. и испр. Г.Ф. Ильиным. М.: Наука — Глав. ред. восточной литературы НИЦ «Ладомир».
- [4] Коран (2013). Перевод смыслов и комментарии [Koran. Translation of senses and comments] И.В. Пороховой. Изд. 12-е. М.: РИПОЛ-классик.
- [5] *Омельченко В.В.* (2008; 2010; 2012). Общая теория классификации: Часть I. Основы системологии познания действительности [General theory of classification: Part I. The basics of systemology in gnoseology] М.: ООО «ИПЦ Маска»; Часть II. Теоретико-множественные основания [Part II. Multiple theoretical Basics] // предисл. Д.А. Ловцова. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ».
- [6] *Омельченко В.В.* (2012). Основы систематизации [The basics of systematization]. В двух частях. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ».
- [7] *Омельченко В.В.* (2015). Системные основы древних писаний и древнерусского языка [Systemic bases of ancient manuscripts and Old Russian] / Кн. 1. Загадки Ригведы — Веды гимнов и древнерусского языка [Book I. Rigveda Enigmas — Veda of Hymns and Old Russian]. Кн. 2. Системные аспекты представления знаний в древних писаниях и в древнерусском языке [Book 2. Systemic aspects of knowledge representation in ancient manuscripts and Old Russian]. М.: ЛЕНАНД.

- [8] *Омельченко В.В.* (2015). Методические аспекты комплексного анализа корневой системы и образно-смыслового содержания слов разных языков [Methodical aspects of complex analysis of rootage and figuratively-semantic maintenance of words of different languages] // Вестник РУДН. Серия «Теория языка. Семиотика. Семантика». № 3. С. 146—158.
- [9] Ригведа (1999). [Rigveda] (в трех книгах). 2-е изд., испр. / перевод и подготовка издания Т.Я. Елизаренкова. М.: Наука.
- [10] Словарь иностранных слов (1988) [Dictionary of foreignisms]. 15-е изд., испр. М.: Русский язык.
- [11] *Старчевский А.В.* (1899). Словарь древнего славянского языка, составленный по Остромирову Евангелию [Old Slavonic Dictionary composed on the bases of Ostromirovo Gospel]. Издание А.С. Суворина. С.-Петербургъ.

**IDENTIFICATION, SYSTEMATIZATION AND ANALYSIS
OF THE ORIGINS OF COGNITION UNIVERSAL OPERATIONS
REFLECTED IN ANCIENT MANUSCRIPTS
AND ANCIENT LANGUAGE**

Victor V. Omelchenko

State scientific-research Institute of Systemic Analysis,
The Chamber of Accounts of the Russian Federation
Usacheva str., 64, build. 1, Moscow, Russia, 119048
omelchenko.vv@niisp.ru, omvv@yandex.ru

The article treats methodical aspects of exposure, systematization and analysis of sources of origin of universal operations of cognition as reflected in the ancient manuscripts and Old Russian language. An exposure and analysis of initially great number of universal operations of cognition are taken into account thus presenting two opposite classes of descending and ascending operations, while each of those classifications is conducted on the grounds of family root, character, sense and origin. For each operation the classification system was elaborated based on word-building, logic of forming of two-digit and three-digit family roots of the Old Russian language.

Key words: analysis, Old Russian, classification, character, family root, distinction, sanskrit, word, sense, identity, language.

EXPLICIT AND IMPLICIT NEGATION IN THE NATURAL LANGUAGE

Larisa N. Lunkova

Moscow Region State Institute of Social Studies and Humanities
Zelyonaya str., 30, Kolomna, Moscow Region, Russia, 140410
loralu@list.ru

The article deals with the phenomenon of negation in language and speech. Their logic, psychology and linguistic features are being discussed, as well as the functional aspect and stylistic potential of the phenomenon are under analysis. The study also reveals some important formal characteristics of the explicit and the implicit modes to express the negation. Further research directions are put forward.

Key words: negation, pleonastic negation, explicit negation, implicit negation, litote.

As is known, Charles Caleb Colton, an English writer and collector, once claimed, *“Knowledge is two-fold, and consists not only in an affirmation of what is true, but in the negation of that which is false.”* Indeed, negation is one of the grammatical categories that have existed in almost every language since ancient times. Therefore, it occupies a special place in the traditional and contemporary studies of language and speech as one of the basic mechanisms of conceptual knowledge. However, although some aspects of this problem have already been considered in scientific literature, it still requires further elaboration and systematization.

As it follows, the topicality of our investigation is determined by the necessity to identify the basic patterns and principles of the use of words and phrases serving as negation indicators in the natural language. The aim of the present paper is to analyze the possible means of explicit and implicit negation in language and speech.

Establishing the theoretical basis, we proceed from the works by L.G. Babenko, L.S. Barkhudarov, N.N. Boldyrev, I.R. Galperin, A.I. Gorshkov, Y.V. Kazarin, L.M. Koltsova, Yu.M. Lotman, O.A. Lunina, N.S. Valgina and other acknowledged linguists.

For many centuries of the intellectual life of the humanity and up to now negation has been the study object for a number of sciences — philosophy, formal logic, linguistics. Possibly, it is due to this multiplicity of approaches that there is still no universal and definite answer on the nature of a negative statement, as well as the negation category on the whole.

Negation in philosophy is accepted as “a philosophical category expressing a particular type of relations between two consequent stages and states of a developing object” [7. P. 471]¹. In other words, according to the Philosophical Encyclopedic Dictionary, youth is opposed to maturity which is in its turn replaced by the old [6]. The term

---

¹ Translation here and on is done by the author of an article. — *L.L.*

itself was introduced to philosophy in the 18th century by Georg Wilhelm Friedrich Hegel. He treated the notion idealistically saying that the nature of negation lies predominantly in the development of an idea, of a thought. Later on in the 19th century, the materialists Karl Marx and Friedrich Engels suggested that negation is in itself an integral part of the material reality, meaning that the old is succeeded by the new, the dying is replaced by the emerging and so on, which makes the so-called dialectical negation.

In formal logic negation is defined “as the logical equivalent of the pattern *it is wrong that...*, or just of the particle *not*; also as a process formalizing the logical properties of those words” [5. P. 947]. Besides, it can be described “as a logical operation setting the untrue judgment against true, the false judgment against genuine, it is an operation revealing the discrepancy between the predicate and the subject” [2. P. 8]. The theory goes further on saying that the absence of a definite feature, the non-existence or the lack of some feature, in an object are existent in the objective reality. Consequently, the non-existence of some feature is the essential property of the object in question alongside with the possible antagonistic existence of the same feature in the same object (which is in fact typical of a statement). It follows that knowing that something exists as well as knowing that something does not exist are both informative and actually encourage the true understanding of an object or an event. Though there is nothing intrinsically wrong with it, still, the important fact is that the most of the human cognitive activity is normally practice-focused. It is directed towards discovering the object nature, in the first place the object properties which are existent and not non-existent. It aims at understanding of what the object, or event is characterized with instead of what the object, or event, is not characterized with [2].

In this way we conclude that in terms of philosophy negation is interpreted as the process of the development of the society and the process of its transition to the state opposite to previous. In terms of formal logics negation is a mechanism for making one sentence out of the other one. The latter sentence is true only when the former is untrue and vice versa. Linguistics is not satisfied with either definition. For language constructions with a negation are found not only in affirmative sentences but also in interrogative sentences and commands which do not actually operate with the true-untrue criteria. Moreover, it is the basic principle of the formal logics for a statement (no matter whether it is a negation or not) that it can have only one precise meaning, whereas in the language study the statement with a negation is polysemantic thus leaving the door open for alternative interpretations.

The structure and semantic specifics make negation one of the most complicated concepts shaping it as a special tool for knowledge representation by means of natural language. Besides, there is no language in the world where there is no negative forms. This fact, according to V.A. Plungyan, predetermines the role of negation as one of the components of the so-called “universal grammatical set” [4. P. 94—100]. In fact, numerous linguistic schools and scholars define the idea and the meaning of negation quite differently. And there is only one point out of question: negation belongs to the notions that originally need no interpretation and make the semantic primitives’ corpus.

The most universal and widely accepted among linguists is the definition of negation suggested by A.M. Peshkovsky, which is “expressing through all possible language

means (morphological, lexical, syntactical, etc.) that there is no actual connection between the elements of a given statement” [3. P. 386—391]. A little bit further from the purely linguistic understanding is Ch. Bally’s interpretation. He says that a negation is when a given affirmative sentence is rejected by the speaker as a false statement [1. P. 354—355]. Negation is treated as a speech act here. The criticism is that it is not only simple affirmative sentences that may include a negation. A negation is found in conditionals, compound sentences, various other parts of a speech act which do not fulfill any communication tasks of the sender.

While in modern linguistics there is still no precise and overall definition, a set of basic characteristic features and the part it plays both in language-as-a-system and in language-in-action can be described. The predominant function of negation is obviously to express the speaker’s attitude towards the world of things and events. It may be equally well done within a whole sentence, its part, a separate phrase or even within a word. Moreover, the potentials are varied from one language to another. In particular, the Russian language mainly operates through the *multiple (cumulative)* negation meaning the agreement of a negative pronoun, adverb or conjunction and a negative predicate, e.g., Russ. *В наших магазинах никогда ничего не найдешь* [1. P. 534—555]. Contrary to it, in other languages (in English, for instance) multiple negation is a deviation from the linguistic norm and is not correct, e. g., Eng. *I watched it for a moment, but nobody emerged, so I got down again*. Important is that the rule of a single negation is true within a single sentence. If there are two or more simple sentences making a complex or a compound sentence the negation may be expressed in each of those, e.g., Eng. *This is no doubt another reason why she never went into films...; This was impossible for the simple reason that there was nowhere where we could inquire*. Undoubtedly there are certain exceptions. A double negation is grammatically allowed in verbal collocations, e.g., Eng. *When I am away from her I feel sure that she cannot be so naive as not to have some sort of appreciation of what is going on under her nose*. But a too complicated sentence may cause quite unexpected and unpredictable semantic effects (allegoric, ambiguous, unclear, etc.)

One more semantic peculiarity of the negation lies in the logic rule that negation of a negation equals a confirmation. The idea is that two negations put together produce an opposite confirmative effect, e.g., Eng. *She has a speaking voice not unlike Anna’s*. Still, it must be taken into account that two negations don’t fully neutralize each other. In terms of stylistics, such a combination is analyzed as a particular expressive means (see: I.V. Arnold, I.R. Galperin, V.A. Kukharenko and others) — *litote*, which serves to lessen the degree of the quality described (V.V. Gurevitch) for a compound statement is, as a rule, weaker than a simple one (M.M. Filippova), e.g., Rus. *нередкий ≈ довольно частый и частый; не без страха ≈ с некоторым страхом и со страхом*; or Eng. *not impossible и possible, not uncommon и common*. To be fair, those syntactical constructions are rather rare.

A particular type of negation is made by the so-called pleonastic negation normally expressed in a subordinate clause through verbs with an inherent negation, e.g., Rus. *отрицать, запрещать, сомневаться, удерживаться, бояться и т.п.*; or Eng. *deny, forbid, doubt, hold back, fear, etc.*

Besides, Linguistic Encyclopedia points out a special group of paired words linked by steady semantic equalities. Here belong pairs like in Russian: *разрешаю — требую: не разрешаю... = требую не...; разрешаю = не требую не; не требую = разрешаю не; требую = не разрешаю не*. Among other parts of speech examples of paired words are *возможно — обязательно, могу («имею разрешение») — обязан («должен»), все — некоторые («хотя бы некоторые»)* и др. А.М. Peshkovsky illustrated this phenomenon by the equality *не могу не признаться = должен признаться* [1. P. 354—355].

Syntactically speaking, there is similar diversity and almost unlimited potentiality as well: the semantics of negation may be conveyed through both main and secondary members of the sentence. From the morphological viewpoint words expressing negative semantics may be any part of speech. In fact, one conceptual characteristic is represented in all the above cases. This is the *absence or lack of some object, thing, quality*, etc. The means and mechanisms involved are obviously far too different, and the negative message appears at either syntactical, or morphological, or semantic, or other language level.

The enigmatic nature of the negation also lies in the fact that the idea of *negativeness* is not expressed explicitly alone through formal grammatical means. Actually implicit negative meanings may arise through the use of the hidden non-grammatical mechanisms. No doubt the former models and patterns are well studied and fully described, while the latter demand an accurate, systematic and multidimensional analysis.

It can't be argued that a negative message or an idea does not necessarily require negative grammar markers. At the semantic level it is often materialized quite indirectly, implicitly. It is particularly the case if there is a necessity to make a hint, to reflect the author's emotional and evaluative attitude towards an events or statements. Remarkable is that in the case of implicit negation it's not one linguistic level that it operates upon, it is the complex interaction of all means of the meaning expression (lexical, morphological, syntactical, semantic and so on).

Regularly implicit negation forms are made up by verbs, adverbs, nouns, adjectives, and even prepositions and conjunctions as well. They all may contain negative components in the semantic structure, e.g., Rus. *избегать, почти не, недостаток, нехватка, немногие, мало, против, но*, etc. and Eng. *avoid, scarcely, lack, few, against, but*, etc.

Implicit negation is also revealed in rhetorical questions with a negative underlying theme, in unreal conditionals reflecting the incongruence between the desired and the real, in a few set expressions like Eng. *used to*, Rus. *бывало*. Though very conventionally but such patterns may compose a category of an implicit negation. Since even despite the lack of formal (grammatical) markers the degree of the quality they originally name is obviously too low and may be treated as irrelevant.

Still, there is some criticism of the implicit negation theory. It runs that non-grammatical (implicit) means can not be considered a special class, or a group, for the general negative meaning in those structures is not directly (explicitly) stated, it does not involve any formal grammatical markers. The crucial argument is that the negative meaning here is constituted by means of various communication conditions and contexts (I.V. Andreeva, E.V. Paducheva).

Summing up, the implicit modes of expressing negation are not sufficiently studied in contemporary linguistics, and the causes are quite simple — the complexity of the phenomenon. First, it demonstrates no direct markers of negation like *not*, *neither... nor*, etc., which really make the perception of a negative concept much easier. Second, the semantics of such utterances fully depends on the linguistic micro-context. The contents of an utterance with an implicit negation may be deciphered only as a part of particular conditions of communication. It is a reflection of subjective and limited judgments of the speaker (in a literary text — of an author, narrator, character) about the world, about himself, about his emotional state.

To interpret adequately an utterance with an implicit negation is not a simple task. What is more, it's vitally important for the right and correct interpretation of a real communicative situation, or the one depicted in a literary text, for the proper interpretation of the speaker's or author's message. Furthermore, the crucial significance of the implicit negation phenomenon in the modern world is rooted in its internal psychological potential. The contemporary civilization discovered a powerful tool to manipulate human minds and behaviour. It is neurolinguistic programming, propaganda, hidden advertising and the like. In this connection linguists are granted the privilege and the responsibility to study, to analyze, to learn the linguistic mechanisms of those, to discover and to interpret the hidden senses. The first step to succeed in it is the attentive and thoughtful perception of the oral and written speech, and then comes the scientific approach.

The research horizons of the problem discussed are even broader. No profound research has been held yet in terms of comparative and contrasting linguistics within two or more languages, in terms of linguaculturology, in terms of theoretical and practical translation. For the human society today is multicultural, multilingual, the society which needs the mutual adaption of a variety of linguistic and cultural phenomena, it looks sensible and beneficial for the linguistic science to study such complicated notions.

Thus, having regarded the essence of our research work, it seems logical to point out the general conclusions of the whole investigation. we came to the conclusion that the category of negation possesses a number of characteristics: *absence*, *lack of smth.*, *negative evaluation*, etc. and is present at different layers of language (most often lexical, but also sometimes morphological and syntactical). In addition, it can be expressed with the help of various linguistic means (both grammatical and ungrammatical) to communicate the author's idea about a character, a situation or a problem considered in the work of fiction. Therefore, the research work under consideration makes a complete picture of the concept of negation functioning in modern linguistics and in modern English literature in particular. These are the results of my modest investigation. Thus, we consider the tasks of our final research paper complete.

REFERENCES

- [1] ЛЭС (1980): Лингвистический энциклопедический словарь [Linguistic Encyclopedic Dictionary] / Под ред. В.Н. Ярцевой. Москва.
- [2] Петрова Ю.Н. (2008). Коммуникативно-семантическое моделирование конструкций с кумулятивным отрицанием [Communicative-and-semantic modelling of constructions of cumulative negation]: Дисс. ... канд. филол. наук. Москва.

- [3] *Пешиковский А.М.* (2001). Русский синтаксис в научном освещении [Russian Syntax Through Scientific Interpretation] Москва: Языки славянской культуры.
- [4] *Плунгян В.А.* (2011). Введение в грамматическую семантику: Грамматические значения и грамматические системы языков мира [Introduction to Grammatical Semantics. Grammar Codes and Grammar Systems of Languages Worldwide]. Москва.
- [5] СЭС (1985): Советский энциклопедический словарь [Soviet Encyclopedic Dictionary] / под ред. А.М. Прохорова. Москва.
- [6] ФЭС (1983): Философский энциклопедический словарь [Philosophic Encyclopedic Dictionary] / под ред. Л.Ф. Ильичева, П.Н. Федосеева. Москва.

ЭКСПЛИЦИТНОЕ И ИМПЛИЦИТНОЕ ОТРИЦАНИЕ В ЕСТЕСТВЕННОМ ЯЗЫКЕ

Лунькова Лариса Николаевна

Московский государственный областной социально-гуманитарный институт
ул. Зеленая, 30, г. Коломна, Московская обл., Россия, 140410
loralu@list.ru

Статья посвящена анализу феномена отрицания в языке и речи. В работе обсуждаются характеристики отрицания в естественном языке с точки зрения логики, психологии и лингвистики, рассматриваются функционально-стилистические особенности отрицания как лингвистического явления. Особое внимание уделяется формам и механизмам выражения отрицания эксплицитно и имплицитно, предлагаются дальнейшие направления исследования проблемы.

Ключевые слова: отрицание, плеонастическое отрицание, эксплицитное отрицание, имплицитное отрицание, литота.

СМЫСЛООБРАЗОВАНИЕ И ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ МОТИВИРОВАННОСТЬ СЕМАНТИКИ ЕДИНИЦ ЯЗЫКА

Т.В. Липатова

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10-2а, Москва, Росси, 117198
lipatova60@hotmail.com

Статья посвящена вопросу формирования смыслов в сознании носителей языка под влиянием основной семантической функции единиц языка — раскрытие его внутренней формы. Автор ставит задачу рассмотреть отдельные детали процесса коммуникации в том ракурсе, в котором его исследует системная лингвистика.

Ключевые слова: внутренняя форма языка, минимальные единицы внешней формы языка, минимальные единицы внутренней формы языка, наименьшие значения.

Системная лингвистика* развивает идеи и понятия ее основоположников, В. фон Гумбольдта, И.И. Срезневского, А.А. Потебни и И.А. Бодуэна де Куртене, уточняя различия между языковыми уровнями, планами и стадиями. Системная лингвистика исходит из того, что формы сознания и механизмы мышления, то есть планы внеязыкового сознания, первичны по отношению к языку и к речевой деятельности, а язык является лишь частью внутренней психической среды, то есть «сознания вообще», включая подсознательную деятельность. Внутренняя психическая среда специализирована для социализации знаний, накапливаемых отдельными членами языкового коллектива. Социализация же протекает благодаря тому, что формируемые говорящим субъектом с помощью языка **знаки речевого потока**, образующие высказывание, только направляют мыслительный процесс в сознании слушающего по «определенному руслу». Слушающий же сам, своей логикой и творческим воображением должен сформировать в своем внеязыковом сознании такое новое знание, которое в определенной мере будет близко к коммуникативному замыслу говорящего.

Исходя из того, что главными единицами планов языкового сознания являются двусторонние знаковые формы — **морфемы** (по Бодуэну), т.е. **минимальные единицы внешней формы языка** и **минимальные единицы внутренней формы языка** (по Гумбольдту) или **наименьшие значения** (по Потебне), то есть абстрактные образы, через которые морфемы ассоциируются по **сходству** со смыслами, как единицами плана субстанции означаемых. Те из значений, которые способны ассоциироваться по сходству со своими смыслами, намекать на них **не-**

---

* В предыдущей статье, вышедшей в третьем номере журнала «Вестник» за 2015 г. [6], автор поместила таблицу «Планов выражения и планов содержания речевой деятельности», описав детально сущность единиц упомянутых планов, а также их взаимодействие в процессе коммуникации.

посредственно, являются **вещественными**, и тогда смыслы по отношению к вещественным значениям и к связанным с ними морфемам оказываются ближайшими [4. С. 20].

Основатель системной лингвистики проф. Г.П. Мельников, анализируя пути уточнения представлений Гумбольдта о природе языка А.А. Потебней и И.А. Бодуэном де Куртенэ, приходит к следующим заключениям:

— каждый элемент внутренней формы, ассоциированный по смежности со своим элементом внешней формы, имеет образную природу;

— любой такой элемент означенного и, следовательно, **конечно** в цепи ассоциации, внеязыкового содержания может, будучи образом, намекать на некоторые черты какого-либо последующего элемента внеязыкового содержания, становясь **предконечным** посредником по отношению к тому новому конечному;

— такая цепь намеков может быть и **многоступенчатой**, и **ветвящейся**;

— любой такой «удачный намек на подлежащий названию элемент можно сравнить с метким прозвищем этого содержания», особенно если оно получило «общенародное признание» и стало «воспроизводимым», что и позволило А.А. Потебне расценивать его как «продукт **поэтического** творчества»;

— когда же «мотив выбора» этого знака и «ощущение образных ассоциаций от внешней формы знака до конечного содержания ослабляется», то он становится «прозаическим продуктом речевой деятельности» [3].

Г. Штейнталь, последователь В. Гумбольдта, еще до А.А. Потебни заявлял:

— что «на определенном этапе развития языка народ — его творец теряет способность поэтического созидания и употребления языковых знаков, поэтому многоступенчатые цепи намеков могут быть реконструированы только лингвистами-этимологами»;

— «в зрелом» языке внутренняя форма представлена «лишь **предконечным** элементом», который в недавнем прошлом из намекаемого звена «перешел в число намекающих», так что «в наиболее типичных случаях внутренняя форма языковых знаков с течением времени существенно изменяется, ощущение... исторически более **ранних звеньев** внутренней формы угасает, их сменяют новые звенья, новые образы, сложившиеся лишь в недавние предшествующие эпохи» [4. С. 19].

А.А. Потебня представлял этот процесс иначе:

— «внутренняя форма может быть предельно уменьшена до того элемента, который непосредственно намекает на конечное выражаемое содержание»;

— иногда она совсем редуцируется, так что знак может быть употреблен и как **условный ярлык** этого конечного звена;

— но это редуцированное возбуждение отнюдь не есть следствие стирания в памяти носителей языка всех звеньев внутренней формы;

— все промежуточные звенья внутренней формы, например, речь мастеров слова, народно-поэтическая речь, образная речь, речь, связанная с «игрой словом» (в каламбурах и шутках), когда нужно, снова оживляются в языковом подсознании носителей языка, слово снова становится элементом **поэтического** творчества;

— если «ветвящаяся цепь намеков одного содержания на другое, представляющая внутреннюю форму знака, включает в себя много элементов, причем на про-

тяжении истории языка эта цепь может удлиняться и усложняться, то все равно звено внутренней формы, непосредственно, по смежности, ассоциированное с внешней, т.е. с образом знака, остается неизменным, **инвариантным** и продолжает быть **исходным мотивом** всех остальных звеньев намека и, следовательно, ключом для понимания внутренней формы всех промежуточных и конечных элементов внеязыкового мыслительного содержания, обозначаемых с помощью данного знака;

— речь, конечно же идет о том подсознательном понимании, которое называется **чувством родного языка** и обостряется лишь при необходимости «поэтического», максимального творческого использования потенциальных возможностей языковых знаков;

— этот особенный, самый первый, непосредственно ассоциированный по смежности с элементом внешней формы, элемент внутренней формы А.А. Потебня называл «**ближайшим** значением», или «этимологическим минимумом внутренней формы» [3], подчеркивая, что «лишь этот элемент является выразителем собственно **языкового** содержания, и следовательно, только ассоциация **по смежности** этого минимума внутренней формы с элементом внешней формы есть единица собственно **языковая**, тогда как произнесенный знак представляет единицу **речевого** потока, а все «дальнейшие» звенья языковой цепи, как их называл А.А. Потебня, звенья внутренней формы, хотя и выполняют ту же функцию намека, что и «ближайшие», относятся уже к внеязыковому мыслительному содержанию, как и **конечное** намекаемое звено, выразителем которого в конечном счете оказывается произнесенный речевой знак;

— идея В. Гумбольдта о существовании внутренней формы **знака** как основы для разграничения внеязыкового мыслительного содержания и собственно языкового получила в трудах А.А. Потебни уточнение: «внутренняя форма знака может содержать много звеньев, но собственно языковым является **лишь ближайшее**, наименьшее значение, тогда как остальные „дальнейшие“, только функционально близкие „ближайшему“, как намекающие на конечное звено», и они, как и само это конечное, относятся к сфере **внеязыкового** мыслительного содержания [4. С. 20].

Подобно А.А. Потебне, Г.П. Мельников называл «ближайшее значение» (или «этимологический минимум внутренней формы», «наименьшее значение») просто **значением**, а все **дальнейшие**, то есть элементы **внеязыкового** мыслительного содержания, — **смыслами**, цепь которых состоит из **конечного** смысла, как намекаемого элемента, и **промежуточных**, как намекающих. Среди промежуточных важно обозначить крайние звенья. Первое из них, то, на которое непосредственно намекает значение знака, называется **ближайшим** смыслом (по отношению к значению), а последнее, непосредственно намекающее на конечный смысл, то есть на смысл, подлежащий выражению с помощью языкового знака, **предконечным** смысловым звеном внутренней формы знака, употребленного для выражения данного **конечного** смысла [4. С. 20].

В некоторых употреблениях сам «ближайший» смысл может быть и конечным, то есть он имеет в качестве внутренней формы лишь одно звено — значение. А поскольку функция значения — намекать на смысл, понятно, что у любого зна-

чения может быть лишь один **узуальный** (общеизвестный) смысл, и — не один **окациональный** (мотивированный контекстом).

Отсюда вывод: собственно языковой единицей оказывается лишь ассоциация внешней формы с минимумом внутренней, то есть со значением. Последующие звенья, то есть смыслы, хотя и играют важную роль в общении с помощью языка, но принадлежат к сфере **внеязыкового** мыслительного содержания: **намекаемого**, то есть конечного, либо **намекающего**, то есть промежуточного.

Г.П. Мельников уделил большое внимание в созданном им учении — в системной лингвистике понятию **языкового знака, формантам** слов, а конкретнее бодуэновому понятию **морфемы** [4. С. 21], которая ассоциирована с минимумом внутренней формы, то есть со **значением**. Морфемы редко «своим значением самостоятельно намекают непосредственно на ближайший смысл». Чаще всего «целая последовательность, **блок морфем** и **блок их значений** (являясь «воспроизводимым») выступает в роли «коллективного намекателя» на тот или иной определенный ближайший или дальнейший смысл, после чего любой из «намекнутых» смыслов может стать **начальным** звеном в цепи дальнейших намекающих на замысленный конечный.

Намек на начальный смысл осуществляется так, что значение каждой из морфем блока намекает на характеристики определенного **компонента** начального смысла, как говорил И.А. Бодуэн де Куртенэ, «высвечивает» лишь один из участков этого смысла, а обо всем смысле, как о самостоятельной единице мыслительного внеязыкового содержания данного блока морфем, слушающий может **догадаться** лишь тогда, когда значения остальных морфем блока помогут «высветить» такое число других компонентов начального смысла, которое достаточно для того, чтобы слушающий мог догадаться о содержании и «невывеченных» участков этого смысла и, следовательно, о начальном смысле целиком. Один и тот же блок морфем, через посредство их значений, в состоянии выступать в качестве «коллективного намекателя» на несколько начальных смыслов, выбор определенного из которых требует учета, например, контекста, как дополнительного источника сведений.

Так, Г.П. Мельников считал, что «семантические системы различных языков отличаются не только на «поверхностном уровне» при тождестве единиц глубинного уровня. Своеобразие состава знаков и их значений, а также мотивы объединения выражаемых смыслов в определенные семантические поля и категории, — все это является следствием своеобразия потребностей каждого языка выражать наиболее простыми знаковыми средствами лишь **некоторые** типы содержания. При этом существование самых глубоких и устойчивых отличий в этих потребностях становится причиной возникновения четырех общеизвестных гумбольдтовых «морфологических классов» языков мира с их своеобразными и семантическими, и звуковыми, и грамматическими системами» [4. С. 21].

Обоснованием справедливости этого положения является анализ функциональной мотивированности особенностей семантики единиц языка как представителя определенного «морфологического класса». Опорой для решения этой задачи являются **общесемиотические** понятия **внешней** и **внутренней** формы отдельных знаков высказывания, их сочетаний и языковой системы в целом.

В системной лингвистике каноном внутренней формы языков флективного типа является представление **внешней формы** любого сообщения в **образе развивающегося события**. Поэтому «смысловые поля русских лексем, вещественные и грамматические значения морфем, синтаксические связи между словоформами предложения и т.п. — все это обусловлено потребностью дать слушающему возможность догадаться, образ какого развивающегося события имел в своем замысле говорящий» [4. С. 58].

Поскольку язык — это специализированный и социализированный психический механизм, или «языковое сознание», в его «внеязыковом» существовании формируется социализированная «картина мира» субъекта. Благодаря языку субъект создает, воспроизводит и опознает «высказывания», которые представляют собой последовательности минимальных материальных артикуляционно-акустических или графических знаков. Их психические образы в языковом сознании — **морфемы** («внешние формы» знаков), ассоциированы по смежности с такими же образными означаемыми, или «внутренними формами» артикулируемых знаков. Артикуляционно-акустические или графические материальные знаки высказываний имеют «следы» своих «внешних форм» в психических характеристиках соответствующих им морфем, чего не скажешь о значениях («внутренних формах»), которые никак не отражаются на «внешних формах», поскольку морфемы ассоциированы со значениями **по смежности**, а не по сходству. Эти внутренние формы знаков (значения) вступают в ассоциации по сходству с единицами внеязыкового мыслительного материала: с впечатлениями, обобщенными образами и абстрактными понятиями из внеязыковой картины мира в психике человека, по А.А. Потбне: «Эти единицы внеязыкового сознания, вступая в ассоциацию по сходству со значениями морфем знаков высказывания, становятся теми самыми «ближайшими» **смыслами** этих значений и, соответственно, их морфем и их артикуляционно-акустических и графических знаков, а знаки — означающими для „вещественных“ морфем и смыслов» [3]. Так говорящий, воздействуя знаками высказывания на слушающего, возбуждает в его языковом сознании соответствующие морфемы, то есть «внешние формы» этих знаков, а через возбуждение морфем возбуждает их значения, то есть «внутренние формы» употребленных знаков, а через ассоциации по сходству между значениями и компонентами внеязыковой картины мира слушающего возбуждает и ближайшие смыслы, то есть намекает с помощью знаков высказывания на эти смыслы. Но намеки эти могут быть не только непосредственными, «ближайшими», Смысл значения знака может быть и «дальнейшим», если он возбужден значением опосредованно, через ассоциацию с уже возбужденным ближайшим смыслом и с некоторыми **промежуточными смыслами**.

Благодаря этой системе **намеков** через ассоциации языковых и внеязыковых единиц психики говорящий, в процессе общения, направляет творческую мыслительную деятельность слушающего на разгадку своего **номинативного замысла** как того конечного **номинативного смысла** в этой цепи намеков, который он имел в виду, выбирая знаки для данного высказывания с целью возбуждения в сознании слушающего либо уже сложившегося образа, либо желая сформировать новый.

Говорящий также разными способами (интонационно, позиционно, через контекст) намекает слушающему и на то, какая часть высказывания является **коммуникативной темой**, а какая — **ремой**, то есть какая часть номинативного смысла задумана как **предиканд** коммуникативного суждения, а какая как **предикатор**. И вот в этом случае **высказывание** для слушающего становится **сообщением**.

Суждение представляет собой возбуждение двух психических образов, представляющих элементы знания в сознании субъекта, **предиканд**, который подвергается воздействию **предикатора** и в результате этого воздействия превращается в обновленное знание — в **предикат**. А сам вышеназванный процесс и есть процесс **предикации**. Предикация в системной лингвистике трактуется как **логическая** (во внеязыковом сознании без речевого воздействия) и как **речевая** (под воздействием речи говорящего).

Если под влиянием предикации в сознании слушающего в его языковую картину мира вносятся изменения, то этот ее вид называется **коммуникативной предикацией**, а если не вносятся — это вид **номинативной предикации**. Коммуникативная предикация есть результат целого ряда предшествующих номинативных предикаций. Все перечисленные характеристики предикации в системной лингвистике помогают лучше разобраться в механизме цепочной предикации, которую представляют как использование ремы предшествующего высказывания в качестве темы последующего, хотя фактически имеет место использование предиката как результата предшествующего воздействия предикатора на предиканд, в качестве предиканда последующей предикации, и, значит, в качестве смысла темы последующего высказывания [8].

В свете данного понимания процесса предикации можно уточнить различия между морфемами **вещественными** и **словообразовательными грамматическими**. Словообразовательные морфемы специализированы выполнять функцию предикатора по отношению к уже выраженному морфемой с вещественным значением, номинативному «производящему» смыслу как к номинативному предиканду. Знаки производящего смысла являются в высказывании номинативной темой, знак словообразовательной грамматической морфемы — номинативной ремой, а предикат, созданный взаимодействием ремы и темы, становится номинативным смыслом результирующего знака, возникшего после наращения производящей основы словообразовательным аффиксом.

Такой «производный» номинативный смысл может оказаться «производящим», то есть предикандом следующей номинативной предикации, если к слову будет добавлена еще одна словообразовательная морфема. Так в механизмах словообразования синтетических языков с их многоморфемными словоформами можно наблюдать одну из разновидностей цепочной предикации. Из вышесказанного следует, что каждый последующий словообразовательный аффикс словоформы, выступает в роли преобразователя номинативного смысла производящей основы по отношению к производному номинативному смыслу как к «дальнейшему» относительно того смысла, на который (по сходству) намекает морфема с вещественным значением. И если вещественное значение ассоциируется по сходству

с «ближайшими смыслами», то значение грамматических морфем указывает на **характер отношений между смыслами**.

Отличие **словообразовательных** грамматических морфем от **словоизменительных** заключается в том, что словообразовательное значение указывает на отношение **последующего смысла к предыдущему** в словообразовательной цепи, а словоизменительное значение указывает на **распределение ролей двух предшествующих смыслов** по отношению к возникновению **общего** для них **последующего**.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Бодуэн де Куртене И.А.* (1963). Избранные труды по языкознанию [Selected Works on Linguistics]. М.: Изд-во АН СССР. Т. I. С. 103—107.
- [2] *Гумбольдт, В. фон.* (1984). Избранные труды по языкознанию [Selected Works on Linguistics]. Москва.
- [3] *Потебня А.А.* (1862). Мысль и язык [Thought and Language]. Москва.
- [4] *Мельников Г.П.* (2000). Системная типология языков. Синтез морфологической классификации языков со стадияльной Systemic Language Typology. Synthesis of morphological and stadial classifications]. М.: изд-во РУДН.
- [5] *Мельников Г.П.* (2003). Системная типология языков. Принципы, методы, модели [Systemic Language Typology. Principles, methods, models]. М.: изд-во Наука.
- [6] *Липатова Т.В.* О приоритетах системной лингвистики // Вестник РУДН. Серия «Теория языка. Семиотика. Семантика». № 3. М.: Изд-во РУДН, 2015. С. 17—25.
- [7] *Липатова Т.В.* (2015). К вопросу о планах языковой деятельности [Topic of language activity planes] // Вестник РУДН. Серия «Теория языка. Семиотика. Семантика». № 1. М.: Изд-во РУДН. С. 32—37.
- [8] *Липатова Т.В.* (2011). К вопросу о разграничении предикативных процессов и этапов номинативной предикации в системной лингвистике [On the delimitation of predicative processes and stages of nominative predication in systemic linguistics] // Сборник материалов Второй Международной научно-методической конференции «Русский язык в полицентричном мире, проблемы и перспективы». М.: Изд-во МГИМО. С. 240—257.

THE FORMATION OF MEANING AND FUNCTIONAL MOTIVATION OF LANGUAGE UNITS' SEMANTICS

T.V. Lipatova

Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklaya str., 10/2, Moscow, Russia, 117198
lipatova60@hotmail.com

The article appeals to the formation of mental doubles of pronounced and written units reflected in psyche. This formation is governed by “the inner form of a language as a whole”, according to W. von Humboldt.

Key words: language as a whole, the inner form, the outer form, minimal language units, minimal meaning.

ОПРЕДЕЛЯЮЩИЕ ПРИЗНАКИ И ФУНКЦИИ СРЕДСТВ РЕЧЕВОГО ЭТИКЕТА

А.А. Баталов

Российский университет дружбы народов
Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6, 117198
7000travel@gmail.com

Статья посвящена исследованию характеристик средств речевого этикета, под которыми здесь понимаются средства языка, способствующие соблюдению языковых норм.

Ключевые слова: средства речевого этикета, конститутивный признак, конвенциональный признак, окказиональный признак.

Средства речевого этикета (СРЭ) подчеркивают в произведениях художественной литературы согласно своему назначению лишь то, что вызывает или может вызвать чувство прекрасного в отличие от других средств языка, которые в зависимости от назначения могут оказывать отрицательный эффект на воспринимающего.

Конститутивные признаки СРЭ делятся на конвенциональные, т.е. отражающие наиболее общее, существенное и типичное для всех СРЭ, и окказиональные, обеспечивающие выполнение коммуникативных задач в конкретных ситуациях.

Конвенциональные признаки связаны с системным характером языковых единиц, выражающих присущие им логические значения и экспрессивные оттенки. Благодаря конвенциональному признаку способности участвовать в отражении внешнего мира СРЭ вычленяют разнообразные формы мышления, психические состояния, эмоции.

СРЭ всегда проявляют зависимость от окружения. Чем больше по размеру речевые образования, в состав которых входят СРЭ, тем легче и полнее можно идентифицировать эту зависимость. Таким образом, наблюдается двойная зависимость: контекст влияет на реализацию информации, заложенной в СРЭ, с другой стороны, СРЭ связаны со следующими за ними отрывками. Синсемантика становится неотъемлемой характеристикой СРЭ, их конвенциональным признаком, служащим подкреплением мысли автора.

Поскольку СРЭ обладают контекстно-зависимым значением в конкретной речевой ситуации или в контексте целого произведения, включение прагматики в их лингвистическое описание становится релевантным. Это подтверждает способность СРЭ реализовывать прагматический компонент высказывания, быть его существенным конвенциональным признаком.

Еще один конвенциональный признак СРЭ, выделяемый в статье — апеллятивность. В отличие от адресованности, которая выполняет лишь функцию приветствия, апеллятивность предполагает кроме приветствия просьбу или предложение

ние и использует также другие СРЭ. В художественной литературе персонажи редко ограничивают общение приветствием, поскольку адресованность нетипична ни для британской, ни для американской национальной традиции в сфере общения. Отсутствие приветствия объясняется тем, что диалог начинается задолго до цитируемого в работе текста. Зато предложение и реакция на него представлена как инициальными, так и ответными репликами. Вместе они указывают на положительный результат диалога, расположение собеседников друг к другу очевидно.

The Count turned to Larry. "Perhaps I could show Catherine some of the sights until you are able to join us."

"That would be great", Larry said. "If you're sure it wouldn't be too much trouble."

"It would be my pleasure." the Count replied. He turned to Catherine. "Would you mind having me as your guide?"

"I'd love it," she replied sincerely [10].

СРЭ представлены здесь предложениями и сочетаниями слов *That would be great, If... it wouldn't be too much trouble, It would be my pleasure, I'd love it, I could show... Would you mind...* подчеркивающими вежливое обращение. Содержание чередующихся СРЭ свидетельствует о наличии в них признака апеллятивности.

Конвенциональный признак предсказуемости трактуется в работе как ожидание появления СРЭ в определенном стиле и в определенной точке диалога. Естественно, что наиболее часто СРЭ используется в художественном стиле, где СРЭ как и другие изобразительные средства служат для более образной и точной характеристики действующих лиц, поскольку «лишь диалогическая речь в художественной прозе и драматургии близка разговорной речи...» [2] СРЭ в художественном произведении являются одним из наиболее лаконичных разговорных средств передачи прагматической заданности диалога и достижения коммуникативного эффекта.

Выявление конвенционального признака предсказуемости СРЭ, связанное с их появлением в определенных позициях в диалоге, позволяет установить некоторую последовательность расположения в нем СРЭ.

Конвенциональные признаки СРЭ носят обязательный характер, в отличие от них окказиональные признаки СРЭ выявляются благодаря ответным репликам слушающего и связи между всеми репликами. Возможно, выделить три окказиональных признака СРЭ как самых частотных: связующий, создающий импликацию и речеорганизующий. Первый признак является ведущим, т.к. СРЭ, обладающее этим признаком, выполняет функцию связи в диалоге, обеспечивает взаимозависимость отдельных сообщений, иногда изменяет их смысловые соотношения. СРЭ в качестве средств связи не совпадают с традиционными грамматическими средствами, т.к. они в основном представляют собой лексические единицы или определенные структуры предложения.

В силу вышесказанных причин СРЭ не могут служить формальным показателем синсемантии. Вместе с тем они есть те элементы высказывания, которые акцентируют внимание на его субъективном аспекте, поэтому связь можно трактовать только как чисто формально осуществляемую, а также как смысловую, выявляемую через соотношение досказываемой мысли и того, кто ее произносит.

Покажем это на примере:

“Herr Grabow?” asked Ashenden.

“At your service,” said Gustav.

“May I come in?”

“Come in, come in. I am very glad to see you” [3].

Составляющими смысл диалога являются пропозиции, основанные на значениях этикетных фраз, пресуппозиции (интуитивное представление действий) и прагматика (установка). В данном диалоге задействованы все его перечисленные параметры. Пропозиции конструируются как 1. Гость и хозяин дома незнакомы. 2. Приход гостя не является неожиданным для хозяина. Первая пропозиция выражена СРЭ Herr Grabow и At your service. Вторая — СРЭ I am very glad to see you. СРЭ позволяют выявить следующие пресуппозиции: 1. Встреча состоится. СРЭ May I come in и Come in, come in подтверждают это. 2. Предстоящий разговор будет душевным (СРЭ I am glad to see you). Прагматическая установка вытекает из первых двух составляющих и может быть сформулирована следующим образом: соблюдая этикет, произвести впечатление на собеседника, достичь контакта и добиться положительного результата в разговоре.

Еще одним окказиональным признаком СРЭ является их способность выражать имплицитность, что встречается, естественно, не во всех контекстах. Чаще всего это свойство СРЭ проявляется при замене непроизнесенных СРЭ авторскими словами, хотя содержание имплицитных СРЭ не декодируется во всем объеме значением этих слов. Признак неоднозначности всегда сопровождает имплицитность, поскольку она подразумевает словесно не выраженные значения, которые в то же время можно определить по ответным репликам слушающего или словам автора. В интерпретации имплицитных СРЭ значительную роль в авторских словах играют указания на прагматику поведения предполагаемого говорящего. Но, сосуществуя с вербальным выражением автора, сама имплицитность лишь позволяет подразумевать недостающие СРЭ с учетом личного или общественного опыта.

Имплицитные (подразумеваемые) СРЭ как бы реально существовали в описываемой ситуации, и поэтому, не выраженные словами, они, домысливаемые читателем, находятся в отношении дополнительности к авторским словам. Не будучи эксплицитными, они допускают варианты языкового выражения, но не двусмысленность толкования.

Авторские слова могут описывать диалог действующих лиц, но на самом деле описательный текст предполагает наличие двух диалогов, один из которых происходит между автором и читателем. Читатель, воспринимающий текст, пытается понять сообщение, и его мыслительная деятельность включает не только расшифровку имеющихся знаков, но и выводы, которые он делает на основании всего текста и фоновых знаний. Интересно проанализировать отрывок из текста, в котором нет явного диалога между двумя действующими лицами, а есть авторское описание обращения одного из персонажей к Богу в надежде быть услышанным.

It was then that he had fallen on his knees and prayed to God to protect him from sin and relieve him of temptation. And after a while, it seemed, the prayer was answered. His body drooped with tiredness. Later still, he slept [8].

Ключевым словом в авторской речи является глагол *to pray* в значении «говорить с Всевышним, произносить слова благодарности или просить о чем-то».

Молитва считается в религии этикетной формой поведения, и, хотя невозможно воспроизвести фразы, можно предположить, что, молясь, герой произносит слова, которые подобает произносить в такой ситуации.

В лингвистической терминологии это СРЭ, которые могут входить в текст молитвы, быть обращением, просьбой, благодарностью и т.д. Инфинитивы *to protect* и *to relieve* выполняют в предложении функцию обстоятельств цели и указывают на прагматику молитвы персонажа. Слова *the prayer was answered* позволяют предположить, что Аврил (имя персонажа) достиг желаемого эффекта, его слова дошли до Бога, что выражено глаголами *to droop* и *to sleep*. Глагол *to answer* (в пассиве *was answered*), по данным словарей, не всегда выражает эксплицитное речевое действие и в дальнейшем его значение может быть реализовано в событиях и фактах, как в нашем примере. Таким образом, глаголы *to pray* и *to answer* имплицитно подразумевают недостающие слова, которые в соответствии с этикетом всегда сопровождаются в речи определенными СРЭ. А предполагаемые СРЭ имплицитно подразумевают в полном объеме ситуацию.

Речеорганизующий признак применительно к СРЭ связан с проявлением эмоций, что является источником поведенческих реакций, в том числе и вербально выраженных. СРЭ, проявляя речеорганизующий признак, не идентифицируют определенный референт, т.е. материальный объект. Условия их употребления в речевых актах живого языка предполагают акцент внимания на психологическое состояние говорящих.

Рассмотрим реализацию окказионального речеорганизующего признака СРЭ в случае заполнения ими паузы в разговоре, понимаемой здесь как гипотетически возможную остановку диалога, способствующую или препятствующую его продолжению.

Nick: (Looks around, thinking of anything to keep her in the room) Shall I get you a cup of coffee, darling? [7].

Предстоящее расставание с девушкой вынуждает Ника произнести что-то, чтобы оттянуть расставание и заполнить паузу в тягостную для него минуту прощания. СРЭ, выражающее предложение, конвенциональный признак апеллятивности и одновременно организует речь в соответствии с правилами этикета.

Текст содержит богатый материал относительно существенных признаков СРЭ, реализуемых в речи. Текст целого произведения как продукт естественного последовательного развернутого коммуникативного процесса несет информацию о текстообразующих функциях СРЭ, их участии в реализации текстовых категорий и стилистической специфике. Анализ СРЭ на уровне текста влияет на интерпретацию этих проблем. Становится очевидным, что то или иное употребление СРЭ способствует приращению смысла художественного произведения, оформлению его целостности, распределению акцентов, т.е. СРЭ выступают в качестве частных систем в системе всего текста.

Употребленные в тексте, становясь способом коммуникации, СРЭ демонстрируют вариативность материальной формы и служат выражением многочисленных реакций говорящих на факты объективной действительности, художественно преломленные. Будучи синсемантическими единицами, СРЭ выполняют функции в соответствии с требованиями целого.

Рассматривая участие СРЭ в образовании категорий текста [1], мы будем говорить лишь о категории информативности как самой всеобъемлющей текстовой категории, в реализации которой оказываются задействованы все существенные признаки СРЭ, а также могут проявляться их некоторые окказиональные признаки.

Категория информативности есть обязательный признак текста. Сами СРЭ не имеют познавательной ценности, поскольку выражающие их слова употребляются в прямых значениях, понятных всем. В этом смысле СРЭ выполняют в тексте вспомогательную функцию. Являясь частью предложения или диалога в зависимости от ракурса рассмотрения, они испытывают влияние большего пространства текста и затем, по принципу бумеранга, отдают тексту возможные варианты своего смысла. Другими словами, СРЭ опосредованно выявляют заложенную в них информацию, и, взятые в изоляции, они не могут вступать в соотношение с другими единицами языка, а именно это и воспринимается как источник информации всего текста.

Значительную роль в передаче информации играет форма, в которую заключены СРЭ, не только правила сочетания слов, предложений и т.д., но и организация, структурные особенности той единицы, в состав которой входят СРЭ. О месте СРЭ в структуре диалога мы уже говорили, когда рассматривали конвенциональный признак предсказуемости. Нарушение структурной оформленности диалога, помещение СРЭ в нетипичную для него позицию порождают дополнительные смыслы, дающие новый аспект явлениям. Таким образом, имея огромные потенциальные возможности для предоставления интерпретаций, СРЭ могут быть приписаны к смысловому уровню текста и категории информативности в нем.

В качестве примера приведем рассказ Эрнеста Хемингуэя «The Short Happy Life of Frances Macomber». Уилсон, охотник, сопровождает супружескую пару из уважаемого общества на охоте на львов, и хотя они ведут себя по отношению к Уилсону вполне доброжелательно, все говорит о неравенстве их иерархических рангов. Ситуация общения — охота, а пропозицией коммуникативного взаимодействия является любовный треугольник. Желание Маргарет и Уилсона быть ближе выражено с помощью многих языковых единиц, в том числе положительно окрашенных СРЭ: *I look forward to tomorrow; I'm so glad; All right; I'd like to; He's really very nice* и другими. Как видно, СРЭ разбросаны по всему тексту, их тональность обеспечивает его связность и информативность.

Художественное произведение предлагает несколько предпосылок, что дает возможность его разного прочтения. Одной из пресуппозиций рассказа является желание Уилсона принадлежать к социальной группе, на членство которой он претендует, но членом которой не является. Последнее объясняет малое использование им СРЭ, а употребляемые им СРЭ как в лексике, так и в синтаксических

структурах придают его высказываниям снисходительный характер: Well, here's to the lion; Forget the whole thing; As a matter of fact, you know, perhaps you'd better not go. It might be much better; Keep behind me... do exactly as I tell you. Вместе с тем, не используя в большом количестве СРЭ, Уилсон чувствует необходимость приблизить манеру говорения к тому, как говорят его уважаемые клиенты. Структура его предложений становится не такой отрывистой, краткой, он старается придать своей речи большую выразительность, мягкость, то есть соблюдая РЭ в общении как его собеседники: You wouldn't like to drop my beauty as a topic, would you?; You are merry, aren't you?

Высказывания, употребленные для речевой характеристики Уилсона, становятся стилистически маркированными, СРЭ реализуют конвенциональный признак предсказуемости, что вносит дополнительную информацию в повествование.

Еще одна предпосылка рассказа — желание Уилсона унижить Марго, подчинить ее волю. Это происходит после убийства Марго своего мужа. Прагматическая направленность заключительного диалога очевидна: заставить Марго относиться к Уилсону с уважением. Это выражается в том, что, для того, чтобы он прекратил рассуждения о случившемся, Уилсон вынуждает Марго произнести слово “please”.

“Stop it. Stop it. Stop it,” the woman cried. Wilson looked at her with his flat blue eyes.

“I'm through now,” he said. “I was a little angry. I'd begun to like your husband.”

“Oh, please stop it,” she said. “Please, please stop it.”

“That's better,” Wilson said. “Please is much better. Now I'll stop.”

Произнесенное под давлением Уилсона это слово становится экспрессивным и благодаря повтору стилистически маркированным. Конвенциональный признак апеллятивности в СРЭ please выражает просьбу и употребляется в речи Марго для достижения результата. Мы также трактуем that's better как СРЭ, где вместо that's good употребляется сравнительная степень прилагательного good, что не меняет статуса СРЭ. Анализ показывает, что трактовка СРЭ способствует интерпретации целого текста и выявлению в нем категории информативности.

Способность СРЭ быть носителем дополнительной информации и тем самым влиять на распределение смысловых акцентов в тексте определяет следующую классификацию функций СРЭ, в основу которой положен принцип зависимости употребления СРЭ от установки автора.

Сказанное выше позволяет разделить прагматические функции на:

- 1) нейтральные;
- 2) усилительные;
- 3) стимулирующие.

В данной статье рассматриваем лишь две функции СРЭ из выделенных нами: усилительную и дифракционную. Нейтральная функция СРЭ, хотя и открывает список, не является главенствующей, она сводится в основном к фиксации уже установленных отношений между собеседниками. Нейтральные СРЭ подтверждают их и не вносят в их описание нового осмысления.

Стимулирующая функция СРЭ в художественном произведении заключается в побуждении друг друга собеседниками к физиологическому действию или к мыслительному процессу. Будучи обязательной для всех единиц текста, стимулирующая функция СРЭ сопровождает все остальные прагматические функции, выступая по отношению к ним ведущей в каждом отдельном случае.

Усилительная функция СРЭ способствует тому, что высказывания, которые они сопровождают, становятся более убедительными и емкими в смысловом отношении и могут частично или полностью видоизменять свои онтологические структурно-семантические свойства. Поясним сказанное на примере:

«...Didn't you admire the stewardess? I thought she was pretty cute» [8].

Аспекты семантики и синтактики направлены на внутреннюю форму СРЭ, на лексические значения семантических единиц и правила адаптации предложений, формирующих СРЭ-высказывания к развертывающемуся контексту.

Лингвистический анализ позволяет определить, какие процессы в употреблении СРЭ могут приводить к появлению новых знаков в динамике текста. Все языковые изменения происходят под влиянием контекста, приводящего к появлению трех типов СРЭ:

- 1) абсорбирующий;
- 2) транспозиционный;
- 3) дифракционный.

Дифракционные СРЭ имеют решающее значение для образования смысла текста и существуют в двух видах. В одном случае дополнительная информация, вносимая этими единицами в текст, может содержать сведения о нарушении правил РЭ и даже о превращении этикета в свою противоположность. Однако это не оказывает разрушающего действия на личность и лишь приостанавливает соблюдение персонажем правил РЭ и СРЭ, которые оказываются ненужными в ситуации, носящей по замыслу автора временный характер. В этом заключается функция антиэтикета.

Второй случай связан с переосмыслением образа персонажа, проявлением им новых часто отрицательных качеств. В данном случае употребление СРЭ обязательно, и они эксплицитно указывают на необратимые изменения. Иллюстрацию этого явления наблюдаем в примере из рассказа Хемингуэя «The Short Happy Life of Frances Marcomber».

Переходя к стилистическим функциям, следует отметить, что «стилистический подход предполагает изучение функционирования (способов использования) текста и его единиц...» [3]. СРЭ выполняют в тексте регулятивную функцию, обуславливая требуемый эффект. Часто не будучи стилистическим явлением в системе языка, они под влиянием прагматики текста всегда становятся маркированными единицами, выражающими уважительное и дружеское отношение к адресату.

Отношения адресант — адресат, определяемые в том числе СРЭ, предполагают их устную репрезентацию. Особенности литературного произведения всегда заключаются в том, что устная речь персонажей со всеми ее закономерностями

включена в письменное повествование. И та и другая речь оказываются элементами художественного стиля. СРЭ как и другие средства языка, используемые в произведениях художественной литературы, отражают индивидуальное употребление автором лексики и синтаксиса и одновременно представляют типичные свойства устного варианта литературного языка.

Вместе с тем согласно классификации, представленной Гальпериним [1], можно заключить, что часть СРЭ относится к нейтральным средствам языка, в которых в системе языка не заложена стилистическая окраска (например, ЕРЭ), другая часть (восклицания, некоторые синтаксические структуры и др.) имеет определенные стилистические ассоциации. Но и те и другие могут выполнять различные стилистические функции, что зависит не от свойств той или иной группы СРЭ, а от их функционального взаимодействия со всеми языковыми единицами, описывающими ситуацию общения, от потребностей коммуникации. Даже будучи экспрессивно нейтральными, СРЭ эффективно реализует авторский замысел, передают тончайшие оттенки межличностного общения, т.е. функционируют как стилистические компоненты текста.

Разнообразие возможных стилистических функций СРЭ продемонстрируем на материале книг Дж. Фаулса «The Ebony Tower» и «The Enigma».

Хотя присутствие в тексте стилистических функций объективное явление, не зависящее от индивидуального стиля автора, их вариативность и частотность определяются творческим своеобразием писателя. Фаулс обладает редким даром отображения духовного мира человека в его неоднозначности и сложности. Ему присуще высокое мастерство владения выразительными средствами языка, которыми становятся под его пером и все СРЭ. Ни одно стилистическое явление, созданное СРЭ, не кажется неуместным. Широкий охват этической и эстетической проблематики достигается Фаулсом и с помощью СРЭ, предназначенных для этого.

Начать иллюстрацию разнообразных стилистических функций СРЭ в произведениях Фаулса считаем необходимым с отрывков, описывающих этикет в его широком понимании. Этикет может трактоваться как форма социального поведения, и тогда в его сферу попадает такое явление, как мода. Как и всякое явление, мода и отношение к ней может эксплицитно передаваться в тексте и СРЭ и имплицитно авторской речью. Фразы Фаулса в произведении «The Ebony Tower» при описании дома Бресли «...an oak table beside an ancient wooden staircase» и «This is fifteenth century» подчеркивают изысканность обстановки, вкус хозяина дома, его отношение к старинной мебели как искусству.

В нижеприводимом примере в авторских словах имеется указание на РЭ, СРЭ не произносятся, однако имплицитно присутствуют в описании:

...But in general the obsinities were reduced as they talked... [7];

...taste and intelligence seemed after all much more plausible... [7].

На то, что это был полилог, указывает местоимение 3 лица множественного числа *they* и глагол *talked*. Слова *obsinities* и *were reduced* подчеркивают вежливый уважительный тон разговора, что предполагает употребление говорящими СРЭ.

Это подкрепляется также существительными *taste*, *intelligence* и прилагательным *plausible* в значении «благопристойный». Все перечисленные слова свидетельствуют о соблюдении участвующими в разговоре правил РЭ, что является дополнительной информацией о действующих лицах.

Наконец, в двух диалогах стилистические функции СРЭ обнаруживаются на языковом уровне при употреблении их в речи.

Первый пример иллюстрирует реализацию в высказываниях двух персонажей разных значений выражения *to be afraid*. В естественной речи собеседники обычно избегают прибегать к полисемии употребляющихся слов и делают это только с целью достижения стилистического эффекта. Так происходит в диалоге между Бресли и его новым знакомым художником Вильямсом. Одна из девушек передает Вильямсу вопрос Бресли о том, увлекается ли тот абстрактным искусством. Далее следует короткий диалог:

«Well yes. I'm... afraid I do.»

«And why are you afraid, dear boy?»

В высказывании Вильямса употребляется *I'm afraid*, чтобы соблюсти вежливость в разговоре и выразить сожаление, т.е. как СРЭ. В ответе Генри Бресли оттенок насмешки и издевательства появляется благодаря употреблению выражения *to be afraid* в прямом значении «бояться, что может произойти что-то неприятное или неловкое». Во втором случае значение выражения под влиянием контекста приобретает стилистическую окраску, создает иронию способствует передаче отношения старости к молодости. Полисемантический эффект выступает здесь как стилистический прием, что и является стилистической функцией употребления выражения *to be afraid* в реализации прагматики.

Во втором диалоге в речи персонажей инициальные и ответные реплики состоят только из СРЭ:

«Williams, my dear fellow.»

«Its a great honour to be here, sir.»

«Nonsense. Nonsense.» [7]

Хотя они и не несут содержание, их информативность в тексте произведения достаточно велика. Хозяин дома радушно, дружески встречает впервые приехавшего к нему гостя, стараясь завуалировать свое высокое по сравнению с ним положение в обществе, не принимать важный вид. Об этом говорит его приветствие, в которое включено прилагательное *dear* и неофициальное обращение *my fellow*. Гость, напротив, демонстрирует уважение и почтение. Это находит выражение в высказывании *It's a great honour to be here, sir*, на что Бресли отвечает словом *nonsense*. Это слово звучит несколько фамильярно, и это неслучайно. Ответ, выраженный восклицанием *nonsense*, под влиянием контекста приобретает значение «не заслуживать внимания, быть преувеличением». Это позволяет причислить слово *nonsense* к СРЭ, выполняющим в диалоге характеризующую функцию.

Употребление в речи Бресли нетипичных для него слов позволяет увидеть новые неожиданные черты проявления его бунтующего характера, его мироощуще-

ния, психологии. Став старым и лишившись всех радостей жизни, Бресли, желая скрыть свое отчаяние, начинает много пить и употреблять нецензурные, вульгарные слова *bloody, fuck, bumboy*, речь становится отрывистой жесткой *Sold out; Experimental, my arse*. Все это заставляет говорить о преднамеренном отказе Бресли от привычного стиля общения, от соблюдения этикетных норм поведения во всех проявлениях. Сознательное исключение СРЭ из речи выполняет здесь стилистическую функцию антиэтикета, не свидетельствуя о деградации интеллекта Бресли.

Примеры из произведения Фаулса «*The Enigma*» подтверждают зависимость употребления тех или иных СРЭ от ситуации общения.

Следователь Майкл Дженнингс беседует с несколькими свидетелями об исчезновении м-ра Филдинга, и каждая беседа проводится в определенной тональности, соответствующей положению свидетеля и отношению к нему Дженнингса. На это указывают СРЭ. Так, на всем протяжении разговора с женой Филдинга сохраняется официальная тональность, демонстрируется уважение и такт. Структура предложений соответствует этому, синтаксические нормы не нарушаются. Как СРЭ они служат соблюдению строгого этикета в разговоре с незнакомым человеком: «*How did he usually spend his free time here?*», «*Did he say anything that Friday morning...?*». В процессе разговора степень официальности снижается, что проявляется в структуре предложений-СРЭ, в частности происходит нарушение порядка слов: «*He gave no indication of any bitterness... that Thursday evening?*», «*So he wasn't disappointed by the way Peter had turned out?*». И наконец, разговорный стиль окончательно настраивает миссис Филдинг на откровенность, чему способствуют и подхваты:

«*Well. He did drive himself very hard*».

«*And?*»

«*I think...*»

«*Yes?*»

Слова *and* и *yes* можно расценивать как СРЭ, поскольку они усиливают речевое воздействие на адресата, показывают заинтересованность Дженнингса, вызывают доверие, инициируют продолжение разговора, побуждают адресата к высказываниям, т.е. оказывают положительный эффект.

В разговоре с членом парламента официальная тональность находит проявление в ЕРЭ *sir* и СРЭ, выраженных глаголами предположения *suggest* и *think*, «*You're suggesting he cracked in some way?*»; «*...You think he was disillusioned with Tory politics?*». Стилистические функции СРЭ заключаются в том, что они, проявляя соотносительность с назначением и целью коммуникации, участвуют в создании характеристик персонажей, наделяя Дженнингса сообразительностью и дальновидностью, показывая члена парламента как человека неглубокого ума, а миссис Филдинг как доверчивую, но недалекую женщину.

Невозможно предложить классификацию стилистических функций СРЭ. Они зависят от мироощущения автора, от того, что он хочет сказать читателям, а это неподвластно никаким домыслам. Тем не менее можно сделать заключение, что если благодаря стилистическим функциям СРЭ декодируется, например импли-

цитность, сами стилистические функции становятся разнообразнее в плане выражения и в плане содержания. Что касается прагматических функций СРЭ, то писатели прибегают в основном ко всем способам выражения замысла. Однако дифракционная функция более типична для писателей, в произведениях которых на столкновении этикета и антиэтикета часто строится конфликт в сюжетной линии, но здесь уже пересекаются интересы лингвистики и литературоведения.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Гальперин И.П.* (1981). *Stylistics*. М.: Высшая школа.
- [2] *Кожина М.Н.* (1988). *Стилистика русского языка [Stylistics of the Russian language]*. М.: Просвещение.
- [3] *Солганик Г.Я.* (2000). *Стилистика текста [Stylistics of Text]*. М.: Наука.
- [4] *Fitzgerald F. Scott* (1941). *The Last Tycoon*. Harmondsworth, Middlesex, England, Penguin Books.
- [5] *Fowles J.* (1980). *The Ebony Tower, Eludic, Enigma*. Moscow, Progress Publishers.
- [6] *Hailey A.* (1975). *The Moneychangers*. New York, Bantam Books.
- [7] *Hellman G.* (1972). *The Autumn Garden. Three American Plays*. Moscow, Progress Publishers.
- [8] *Hemingway E.* (1996). *The Short Happy Life of Frances Macomber. American Story*. М.: Менеджер.
- [9] *Maugham, W. Somerset* (1951) *The Traitor. Collected Short Stories. V. 3*. Harmondsworth, Middlesex, England, Penguin Books.
- [10] *Sheldon Sidney* (2003). *The Other Side of Midnight*. Bell Books.

DETERMINING FEATURES AND FUNCTIONS OF SPEECH ETIQUETTE MEANS

A.A. Batalov

Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklay str., 10-2a, Moscow, Russia, 117198
7000travel@gmail.com

The article investigates into the characteristics of speech etiquette means which are seen as language means helping to observe the rules of speech etiquette.

Key words: speech etiquette means, constitutive attribute, conventional attribute, occasional attribute.

СИМВОЛИЧНОСТЬ В ЯЗЫКЕ И ТЕКСТЕ

УДК 81'37

О СЕМАНТИЧЕСКОЙ ТРИАДЕ КАК ОСНОВАНИИ ТЕОРИИ ЗНАЧЕНИЯ

А.Е. Бочкарев

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики» (Нижний Новгород)
ул. Большая Печерская, 25/12, Нижний Новгород, Россия, 603155
abotchkaev@hse.ru

Статья посвящена сложившимся в научном обиходе моделям значения, независимо от предлагаемой модели, основанием значения слова служит восходящая к Аристотелю триада *слово — понятие — вещь*, а точнее сфокусированное в интересах анализа отношение. В отношении к вещи значение анализируемого именного выражения сводится к обозначению; в отношении к понятию — к объективированным в научной практике специальным научным знаниям или не всегда достоверным мнениям и представлениям. Так анализ значения сопрягается попеременно с истиной и референцией, таксономическими или обыденными знаниями, схемами повседневного опыта, ментальными репрезентациями, прототипами, социальными стереотипами, субъективными переживаниями и т.д. При этом наиболее адекватной моделью может быть признана с очевидностью лишь такая модель, в которой учитываются по возможности все или почти все виды значения.

Ключевые слова: значение, знание, истина, референция, семантическая триада, схемы повседневного опыта.

Значение слова, прежде всего имени, обычно определяют в рамках семантической триады *vox — conceptus — res*, а анализ знака сводят к отношениям внутри триады: (i) слова к вещи: знак обозначает предмет (значение знака), (ii) слова к понятию: знак выражает смысл (смысл знака), (iii) понятия к вещи: смысл знака задает значение [14. С. 221; 250—251; 489]. Эти отношения учитываются за редким исключением во всех теориях значения, и даже может возникнуть впечатление, что преобразованная схоластами, а затем популяризированная К. Огденом и А. Ричардсом [17] аристотелевская триада позволяет окончательно решить все связанные с лексическим значением проблемы.

Рассмотрим названные отношения как основания теории значения.

Отношение имени к вещи. В первом приближении семантическую триаду можно ограничить отношением имени к вещи, а значение всякого анализируемого

именного выражения свести к обозначению в определениях вида: «Имя обозначает объект. Объект — его значение» или «Имя в предложении представляет объект» [3. С. 12]. В таких определениях значение «не растворяется в вещи», а подтверждает разве только факт ее существования, знание о том, что именно эту вещь называют так-то, а не иначе. Но для сторонников экстенциональной семантики этого достаточно, чтобы гипостазировать функцию обозначения, а за основу анализа значения взять постулат вида «...обозначение во всех своих проявлениях первично по отношению к значению», по Г. Шухардту.

Основанием теории значения может быть в таком случае только референция. Анализ значения подчиняется изучению отношений между языковыми выражениями и обозначаемыми ими реалиями и с необходимостью сводится к установлению условий, которым должно удовлетворять, чтобы правильно обозначать, анализируемое языковое выражение [2. С. 166; 5. С. 99—120; 11. С. 56—57; 13. С. 44—51]. При этом особую трудность для экстенциональной семантики вызывают безденотатные имена вроде *химер*, *русалок* или *единорогов* да размытость экстенционала. Ибо если значение равнозначно обозначению, как поступать с выражениями с неопределенным или, хуже того, фиктивным референтом, с тем, что неопределенно или что вообще не существует? Чтобы выйти из затруднительного положения, не остается, в сущности, ничего другого, как признать эти выражения неопределенными или фиктивными, а их интерпретацию — непрозрачной и даже неоднозначной, и тем самым различать определенные и неопределенные дескрипции, а к определенным дескрипциям, вслед за К.С. Доннеланом, применять два вида толкования: атрибутивное или референтное [4. С. 139—144].

Указанные трудности не отменяют, конечно, отношение имени к вещи, но предъявляют к этому отношению особые требования главным образом в плане оформления субстанции «чувственности». Трансцендентальную философию здесь интересует прежде всего, как «материя ощущения» входит в априорные формы чувственности и рассудка [7. С. 15], а лингвистическую семантику — по каким признакам фиксируется референция имени в высказывании, почему в предикатных конструкциях избираются именно эти, а не какие-то другие признаки и, что не менее важно, насколько необходимы и достаточны эти признаки для идентификации обозначаемого словом объекта.

В зависимости от избираемого критерия отбора возможными становятся, в частности, такие решения:

— сообразуясь с «чувством реальности», отбирать в референции к объекту надлежит преимущественно такие признаки, свойства и состояния, по которым задается «референтное впечатление» (Ф. Растье), или «эффект реальности» (Р. Барт). В описании, например, какого-то строения референция к объекту задается по таким признакам, по которым можно воссоздать в привычных очертаниях обозначенный словом объект: дом, школу или магазин;

— сообразуясь с «эмпирическим опытом», отбирать в референции к объекту надлежит преимущественно такие признаки, свойства и состояния, которые соответствуют привычным для нас представлениям, как выглядит обычно обознача-

емая словом вещь. Например, в высказывании о плохо или хорошо прожаренном куске баранины референция к объекту опосредуется эмпирическим опытом, насколько прожаренным должно быть по обыкновению приготовленное и поданное к столу мясо;

— сообразуясь с субъективными переживаниями, отбирать в референции к объекту надлежит преимущественно такие признаки, свойства и состояния, которые соответствуют сиюминутным субъективным переживаниям говорящего. Например, в высказывании об истопленной с утра печке референция к объекту фиксируется главным образом на ощущении исходящего от печи тепла, а не на качестве побелки или размерах печки;

— сообразуясь с критерием релевантности, отбирать в референции к объекту надлежит преимущественно такие признаки, свойства и состояния, по которым данную нам в ощущениях вещь можно идентифицировать как тождественную самой себе и тем самым отличить от других подобных ей вещей. Например, в высказывании о некой корове как бодливой корове референция к объекту совершается через указание на особо примечательную индивидуализирующую деталь, по которой данная корова отличается от других коров;

— сообразуясь с требованиями ситуативного контекста, отбирать в референции к объекту надлежит преимущественно такие признаки, свойства и состояния, которые востребованы в текущем контексте. Например, в высказывании о женщине, поправляющей перед зеркалом шляпку или прическу, внимание фокусируется главным образом на отражательной способности зеркала, а не на его размерах, художественной ценности или материале, из которого сделана рама, а в высказывании о зеркале, выставленном на продажу на аукционе, — на художественных и прочих его достоинствах;

— сообразуясь с интенциональным состоянием говорящего, отбирать в референции к объекту надлежит преимущественно такие признаки, свойства и состояния, с которыми соотносится в данном контексте мнения намерение говорящего — намерение выделить этот, а не какой-то другой признак. Например, в высказывании *Там очень тонкий лед* выведение в фокус частнооценочного признака *тонкий* свидетельствует о намерении говорящего предупредить о грозящей кому-то опасности;

— сообразуясь со схемами повседневного опыта, отбирать в референции к объекту надлежит преимущественно такие признаки, свойства и состояния, по которым проще установить частичное или полное его соответствие какой-то извлекаемой из памяти когнитивной схеме — прототипу, образцовому представителю категории, социальному стереотипу и т.д. Например, когда героиня Чехова говорит: *Мой муж — Отелло*, референция к объекту совершается по аналогии с наиболее ярким образцом доходящей до безумия ревности.

Так референция к объекту приводится в соответствие с прагматическим окружением, условиями коммуникации, установкой мнения, эмпирическими правилами смысла, потребностями варьирования количества включаемой в сообщение информации, базовыми схемами восприятия, стереотипными представлениями,

субъективными переживаниями, интенциональными состояниями, пропозициональными установками, стремлением обозначить релевантные для говорящего признаки, свойства и состояния объекта и т.д.

Отношение имени к понятию. Семантическую триаду можно ограничить, кроме того, отношением имени к понятию¹, а в таком отношении усмотреть смысл знака как отраженное знание о вещи². Остается только договориться, что понимать под отраженным знанием о вещи, а заодно и под ассоциируемым с ним смыслом знака: специально-научное понятие или обыденное представление, совокупность наиболее примечательных сущностных свойств или данный нам в чувственном восприятии образ, сигнификативное значение или ментальную репрезентацию?

От ответа на такой, казалось бы, простой вопрос зависит как состав исследуемого значения, так, собственно, и способы его представления в металингвистическом описании. В онтологически ориентированной семантике «отраженное знание о вещи» отождествляется обычно с абсолютно достоверным знанием, так что к компонентам значения всякого анализируемого именованного выражения приходится заключать от объективных свойств вещи по формуле вида $P(t)$ истинно, если и только если объект, обозначенный именем t , выполняет свойство, названное именем p . Единственно возможной процедурой анализа становится в таком случае условно-истинностный анализ, наиболее приемлемым инструментарием — объективированные в общественной практике специально-научные системы знания, гарантом истинности значения — соответствие действительному положению вещей.

Например, чтобы определить, что означает франц. *corps* ‘тело’ в сочинении Ж. Ламетри «Человек-машина», П. Грайс обращается к «более или менее подробным знаниям» из популярной биологии, позволяющей ему установить в виде набора засвидетельствованных понятийных признаков так называемый «пучок объекта», а этот пучок — обозначить через *мускулы, кровь, движение, мозг и нейроны* [16. С. 11]. Так отраженные в понятии свойства вещи преобразуются в компоненты значения, а языковое значение отождествляется *implicite* с понятием.

Даже не вдаваясь в обсуждение, насколько исчерпывающим является пучок объекта, как установить адекватность входящих сюда компонентов значения и какие знания гарантируют наилучшим образом «правильное» истолкование, заметим только, что значение франц. *corps* «тело» в сочинении Ж. Ламетри расходится существенным образом с предлагаемым толкованием. В интерпретации П. Грайса игнорируются, во всяком случае, интерпретирующие возможности контекста (в котором *corps* ‘тело’ коррелирует с *âme* ‘душа’ в отношении к *machine* ‘машина’),

¹ «Представлению в душе» в определении Аристотеля.

² Аналогия между понятием и лексическим значением возможна, во-первых, потому что лексическое значение выводится, как и понятие, путем обобщения и абстракции; во-вторых, потому что лексическое значение определяется, как и понятие, как отраженное знание о предмете; в-третьих, наконец, потому что лексическое значение эволюционирует, как и понятие, вместе с познанием. Единственно принципиальное отличие заключается, пожалуй, только в том, что лексические значения не имеют четко очерченных границ: они диффузны, а порой и ошибочны [8. С. 14].

a *fibres du cerveau* ‘волокна мозга’ почему-то преобразуются в неведомые Ж. Ламетри нейроны. Такая несуразица, заключает Ф. Растье, плата за уподобление значения *corps* ‘тело’ (в тексте Ж. Ламетри), понятия тела (в популярной биологии) и тела как объекта, представленного понятием-пучком [12. С. 24—25].

Подобные примеры позволяют с очевидностью осознать, с какими трудностями сталкивается анализ значения по онтологическим свойствам обозначаемых словами вещей, а вместе с тем и высказать некоторые критические замечания в адрес онтологически ориентированной условно-истинностной семантики, итак:

— в сугубо онтологическом подходе лингвистическая семантика попадает в зависимость от специально-научного знания, а семантический анализ низводится *volens nolens* до проверки, насколько выделяемые компоненты значения соответствуют действительному положению вещей в той или иной области знания;

— лексическое значение, пусть некоторые компоненты значения и отражают соответствующие аспекты понятийного значения, не исчерпывается и даже не совпадает с понятийным значением;

— семантический анализ затрудняется, когда обозначаемая словом вещь расходится с объективным ее представлением, а предсказуемые в суждении признаки не соответствуют или даже противоречат сущностным свойствам вещи. Отсюда извечные вопросы, которыми задается онтологически ориентированная условно-истинностная семантика, остается ли, например, разбитая бутылка «бутылкой», нож без лезвия — «ножом». Если придерживаться понятийных признаков, а эти признаки возводить в достоинство необходимых и достаточных условий, которым должен удовлетворять знак, чтобы правильно обозначать, *разбитая бутылка* тогда и в самом деле уже не бутылка, *нож без лезвия* — не нож, поскольку не удовлетворяют необходимым требованиям: ‘быть сосудом для жидкости’ или ‘быть инструментом для резания’;

— в силу ограниченности знания пределами заданной предметной сферы нельзя с уверенностью утверждать, с каким преимущественно знанием должны соотнобразовываться исследуемые понятия, а вместе с тем и устанавливаемые на их основе компоненты значения;

— ограничившись отношением имени к понятию, приходится отказаться от обиходных представлений об окружающих нас в мире вещах в пользу сугубо специально-научных представлений.

Указанные трудности не отменяют, безусловно, отношение имени к понятию, но предъявляют к этому отношению, а заодно и к содержанию понятия, особые требования. Действительно, если под отраженное знание о вещи подводить не только специально-научные знания, но и обыденные представления, по которым определяются в когнитивной проекции окружающие нас в мире вещи, меняется тогда и содержание выводимого на их основе «понятия». Весьма примечательно в этой связи обращение к прототипам, социальным стереотипам, типичным примерам, идеалам и образцам как базовым «выводным схемам» в когнитивной семантике. Вместо анализа в терминах необходимых и достаточных условий понятие «птица», например, определяют в отношении к *воробью* как наиболее типичному представителю категории **птицы**, понятие **муж** — по стереотипным представлениям, как выглядят обычно мужья, а понятие **ревнивый муж** — в сравнении

с Отелло как наиболее ярким образцом ревнивых мужчин. Причем какой бы ни была когнитивная точка отсчета — объективным или субъективным, достоверным или непроверенным знанием, незыблемым в условиях переменного знания остается по-прежнему принцип *adaequatio rei et intellectus*: понятийно постигаемая вещь предстает в понимании такой, как ее задает понимание.

Таким образом, приходим к принципиальным для семантики установлениям:

- ◆ отношение имени к понятию опосредуется системой знаний;
- ◆ поскольку понятие ограничивается определенной сферой знания, отбор формулируемых в понятии признаков совершается по отношению к данной, а не какой-то другой области знания;

- ◆ в отборе понятийных признаков ограничиться возможно только признаками, достаточными для различения — «не более чем нужно для полноты понятия» [б. С. 547];

- ◆ в условиях переменного знания подводимое под понятие знание может быть только многозначным;

- ◆ в разных контекстах мнения под понятие как отраженное знание о вещи могут подводиться как объективированные в общественной практике специально-научные знания, так и не всегда достоверные мнения и убеждения. Эти системы представлений образуют в совокупности концептуальный фон, на котором оформляется понимание и на котором только и можно судить о признаках, свойствах и состояниях обозначаемых словами реалий;

- ◆ от фокусируемых в высказывании признаков, свойств и состояний объекта можно заключать к «представлению объекта в мысли», а по способу представления — еще и судить о производной системе знаний, мнений или убеждений;

- ◆ когда к обозначаемой словом вещи применимы сразу несколько систем знания, предпочтение отдается такой системе знания, которая отвечает оптимальным условиям понимания. Ибо если определять понятие в его границах, *стул* целесообразнее определять в рамках таксономии **предметы мебели** по отношению к другим предметам мебели, *кошку* — в рамках таксономии **семейство кошачьих** по отношению к другим представителям семейства кошачьих или **домашние животные** по отношению к другим домашним животным;

- ◆ каким бы ни был способ смыслополагания, общим остается моделирующий принцип: понимание не исчерпывается воспроизведением вещи **такой, как она есть**, а воссоздает ее в категориях какой-то определенной системы представлений;

- ◆ поскольку о соответствии понятия вещи самой вещи можно судить только в категориях соответствующей системы представлений, для семантики не так уж и важно, достоверны ли эти представления в смысле объективном; главное, что они отражают релевантное в данном контексте мнения знание, или «живое знание о предмете», К. Бюлеру;

- ◆ поскольку значение релятивизируется относительно системы представлений, в ином свете предстают и такие традиционные вопросы философии языка, как истина и референция:

— не будучи прямой, референция понимается отныне не как отношение репрезентации к вещам, а как отношение между обозначаемыми словами вещами

и системой представлений, относительно которой воспринимаются обозначаемые словами вещи;

— истинностное значение суждений релятивизируется относительно и системой представлений, с которым согласуется суждение о предмете;

◆ исследуемое семантикой лексическое значение коррелирует отчасти с понятием при условии, если отраженные в понятии знания о вещи преобразуются в семантической интерпретации в собственно-языковые компоненты значения;

◆ наиболее адекватной моделью значения может быть, по всей видимости, только модель, построенная на принципах эпистемологического консерватизма (С. Ору), то есть такая модель, в которой учитываются по возможности все или почти все виды отраженного в значении знания. С такой многозначностью смыкается, по сути, принципиальная установка гуманитарных наук на переменный характер значения-знания, на производные в контексте общественной практики переменные отношения между знаками, вещами и опосредствующими их представлениями.

Отношение понятия к вещи. Наконец, семантическую триаду можно ограничить и отношением понятия к вещи, а в таком отношении усмотреть примат смысла над значением в ключе намеченного Г. Фреге различия между смыслом (Sinn) и значением (Bedeutung) [14. С. 230—246]. Действительно, если под *значением* понимать референцию к объекту, а под *смыслом* — способ представления объекта в мысли, определяющим тогда будет смысл. Смысл задает значение, поскольку предопределяет, как фиксируется в речемыслительном представлении отношение имени к вещи.

Весьма примечательна в этой связи вариативность речевых номинаций того же объекта. Так, в обсуждаемом С. Крипке примере одного и того же человека можно назвать *Туллием* и *Цицероном*, а затем представить посредством фиксированных дескрипций как *непревзойденного римского оратора, обличавшего Катилину*, как *известного политического деятеля* или как *автора изучаемых в школе риторических сочинений* [9. С. 364—366]. Если знать, заключает С. Крипке, что *Туллий* и *Цицерон* суть имена того же человека и что приписываемые свойства ему действительно присущи, кореферентные имена можно тогда подставлять *salva veritate* по закону взаимозаменяемости: *eadem sunt, quae sibi mutuo substitui possunt salva veritate*.

Не вдаваясь в рассуждения, чем имя объекта отличается от предикатных дескрипций, заметим пока, что *Туллий*, *Цицерон*, *непревзойденный римский оратор*, *обличавший Катилину*, *известный политический деятель* и *автор изучаемых в школе риторических сочинений* в самом деле тождественны по значению, но различны по смыслу: в одном случае это имя собственное, в другом — дескрипции в виде приписываемых Цицерону свойств. При этом эвристически ценным становится, по сути, не тождество по значению, а различие по смыслу. Ибо в зависимости от того, как определяется в суждении Цицерон — как *непревзойденный римский оратор*, *обличавший Катилину*, как *известный политический деятель* или как *автор изучаемых в школе риторических сочинений*, меняется мнение об объекте, объект мнения, его выделение и спецификация. Ни о каком тождестве здесь не может быть и речи.

Таким образом, приходим к принципиальным для семантики установлениям:

- ◆ по отношению понятия к вещи устанавливаются фундаментальное различие между смыслом и значением: по отношению имени к вещи определяют значение, по отношению к понятию — смысл;

- ◆ смысл задает значение, поскольку предопределяет, по каким признакам, свойствам и состояниям фиксируется отношение имени к вещи;

- ◆ тождество по значению не влечет тождество смыслу;

- ◆ в эпистемологическом отношении эвристически ценным является скорее различие по смыслу, чем тождество по значению;

- ◆ закон взаимозаменяемости кореферентных имен не действует в отношении номинатов в функции семантического предиката. В семантическом отношении такие номинаты, пусть и соотносятся с тем же объектом, не могут быть тождественными, поскольку выражают разные признаки, свойства и состояния, по которым характеризуется объект в суждении.

Вместо заключения. По своему содержанию разные виды значения неравнозначны; и вряд ли кто удосужится сегодня отождествлять референтное значение с сигнификативным значением, обыденное представление со специально-научным понятием. Невольно напрашивается вопрос, какому значению отдавать предпочтение в толковании слов. Лексическая семантика оказывается, во всяком случае, перед дилеммой со всеми вытекающими отсюда последствиями: игнорировать или учитывать сопутствующие знания в значении слова?

Если по примеру дескриптивной лингвистики из толкования исключать всякого рода сопутствующие знания на том основании, что за ними тянется шлейф психологических, научных или житейских представлений, придется отказаться тогда от знания вообще, а лексическое значение, ограничив номинацией, сводить разве только к референции. Если же, напротив, включать такие знания в толкование, значение растворится тогда в понятиях, представлениях или ощущениях, а семантика, низойдя до отрасли психологии, социологии или антропологии, утратит полностью самостоятельность. В качестве промежуточного решения можно, наконец, полагать, что знания о мире встроены в язык и что житейские и научные представления входят в лексическое значение в виде прагматических пресуппозиций или, почему бы нет, когнитивных аналогов таких пресуппозиций. Достоверны или нет такие системы в смысле объективном, заранее нельзя знать, зато можно утверждать безусловную достоверность этих систем как данного коллективного сознания.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Айдукевич К. (1999). Язык и смысл [Ajdukiewicz K. Language and Meaning] // Логос № 7. Философско-литературный журнал. № 17. С. 67—93.
- [2] Вейнрейх У. (1970). О семантической структуре языка [Weinreich U. On Semantic Structure of Language] // Новое в лингвистике. Вып. V. Языковые универсалии. М.: Прогресс. С. 163—249.
- [3] Витгенштейн Л. (1994). Философские работы. Часть I. [Wittgenstein L. Philosophical works. Part I]. М.: Гнозис.

- [4] Доннелан К. (1982). Референция и определенные дескрипции [Donnelan K. Reference and Definite Descriptions] // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XIII. Логика и лингвистика (Проблемы референции). М.: Радуга. С. 134—160.
- [5] Дэвидсон Д. (1986). Истина и значение [Davidson D. Logical Analysis of the Natural Language] // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVIII. Логический анализ естественного языка. М.: Прогресс. С. 99—120.
- [6] Кант Э. (1999). Критика чистого разума [Kant E. Critique of Pure Reason]. М.: Наука.
- [7] Кассирер Э. (2002). Феноменология познания [Cassirer E. The Phenomenology of Knowledge] // Философия символических форм. Т. 3. М.; СПб.: Университетская книга.
- [8] Кацнельсон С.Д. (1986). Общее и типологическое языкознание [Katsnelson S.D. General and Typological Linguistics]. Л.: Наука.
- [9] Крипке С. (1982). Тожество и необходимость [Kripke S. Logic and Linguistics: Problems of Reference] // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XIII. Логика и лингвистика (Проблемы референции). М.: Радуга. С. 340—376.
- [10] Лосский Н.О. (1991). Обоснование интуитивизма. Избранное [Loskiy N.O. Foundations of the Intuitivism. Selected papers]. М.: Правда. С. 11—334.
- [11] Моррис Ч. (1983). Основания теории знаков [Morris Ch. Foundations of the Theory of Signs] // Семиотика. М.: Радуга. С. 37—89.
- [12] Растье Ф. (2001). Интерпретирующая семантика [Rastier Fr. Interpretive semantics]. Нижний Новгород: ДЕКОМ.
- [13] Уфимцева А.А. (1986). Лексическое значение. Принцип семиологического описания лексики [Ufimtseva A.A. Lexical meaning. Principle of the semiological description]. М.: Наука.
- [14] Фреге Г. (2000). Логика и логическая семантика [Frege G. Logic and Logical Semantics]. М.: Аспект Пресс.
- [15] Чейф У.Л. (1975). Значение и структура языка [Chafe W.L. Meaning and the Structure of Language]. М.: Прогресс.
- [16] Grize J.B. (1982). Introduction à la logique naturelle et approche logique du langage // Approches formelles de la sémantique naturelle. Toulouse: L.L. S.I.
- [17] Ogden Ch. & Richards A. (1923; reprint 1969). The Meaning of Meaning: A Study of the Influence of Language upon Thought and of the Science of Symbolism, London, K. Paul.

ON THE SEMANTIC TRIAD AS A BASIS OF THE THEORY OF MEANING

Andrey E. Bochkarev

National Research University

“Higher School of Economics” (Nizhny Novgorod)

Bolshaya Pecherskaya str. 25/12, Nizhniy Novgorod, Russia, 603155

abotchkarev@hse.ru

The article studies the approved in scientific discourse models of meaning while despite the type of a model proposed, meaning is often based on the relationship between the elements of the Aristotelian semantic triad: those of words to things, words to concepts, concepts to things. This way the theory of the meaning studied by semantics could be respectively combined with reference, knowledge and belief. Thus, meaning analysis is referred to the truth and reference, taxonomic or naïve knowledge, everyday experience, mental representations, prototypes, social stereotypes, individual feelings, etc. The only adequate model be recognized should obviously imply all or almost all of those types of meaning.

Key words: meaning, semantic triad, reference, knowledge, belief.

ЦВЕТЫ: ЯЗЫК АНГЛИЙСКОГО ИСКУССТВА ИЛИ ИСКУССТВО АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА?

С.С. Шумбасова

Государственный социально-гуманитарный университет
Зеленая, 30, Коломна МО, Россия, 140411
svetlana-kudinova@mail.ru

Названия цветов представляют интерес для филологов и изучающих английский язык прежде всего как носители номинативного значения. Рассмотренный в настоящей статье флороним *желтофиоль* представляет собой лексему, которая обладает различными типами значений, в том числе и символическим. Примеры функционирования флоронима взяты из произведений английской поэзии преимущественно XVII—XIX вв. Поэтические тексты наиболее наглядно демонстрируют ту значимость, которую придавали цветам в английской культуре в Викторианскую эпоху, когда особую популярность получил «язык цветов».

Флоронимы английского языка широко представлены в произведениях художественной литературы и являются определенными носителями элементов английской культуры. Анализ данной группы онимов как концептов, а также с точки зрения восприятия инокультурного реципиента позволяет привести исследование в соответствие с постулатами когнитивной лингвистики и лингвокультурологии, что определяет новизну настоящей статьи.

Ключевые слова: флороним, желтофиоль, символ, язык цветов, концепт.

ВВЕДЕНИЕ

Во все времена цветы, травы и растения в целом владели умами, да и, наверное, душами тоже, целых народов. И пальма первенства здесь принадлежит англичанам, для которых двести лет назад цветок значил, пожалуй, больше, чем для любого другого европейца. Ведь они не только использовали растения как лекарства, источник питания и сырье для изготовления одежды, не просто любовались цветами в своих знаменитых английских садиках, но и применяли их для общения между собой [4].

Особую популярность «язык цветов» приобрел в Викторианскую эпоху, а некоторые цветы и до сих пор сохранили свои символические, порой религиозные, иногда даже мистические значения, выраженные в необычных названиях или просто вызванные устоявшимися в сознании людей понятиями о том или ином растении.

Конечно, растения, в частности цветы, интересуют нас прежде всего с лингвистической точки зрения, то есть как их названия функционируют в языке, в данном случае — в английском.

Являясь своего рода *концептом*, флоронимы могут быть рассмотрены под разным углом: как некие понятия, которые обладают символическим значением (например, при составлении своеобразного послания в виде букета из определенных видов цветов); номинативным значением (то есть представляют интерес для

филологов, изучающих названия отдельных объектов — представителей растительного мира); наконец, стилистическим (имеют определенную художественную ценность и выступают в качестве яркого образа в разных видах искусства, в нашем случае — в литературе). Следует пояснить, что *флоронимами* мы называем концепты из мира флоры, которые могут быть выражены как лексическими, так и фразеологическими единицами, то есть обладать еще и идиоматическим значением. Трудно представить такой предмет исследования, который мог бы в полной мере обладать всеми оттенками значений, существующими в языке. Однако для британцев флора действительно всегда была и остается неотъемлемой частью жизни, что не могло не найти отражения в языке, в их языковой картине мира.

В данной статье представлен обзор поэтических произведений, посвященных отнюдь не королеве цветов и любимице не только англичан, но и большинства населения планеты — розе, а цветку, который достаточно редко встречается (нет, не в садах и на лугах) в художественных произведениях — желтушнику. Наряду с розами, лилиями и маргаритками английские поэты не обошли своим вниманием этот достаточно невзрачный желтый цветок расщелин старых замков и городских стен. Сквозь века он обрастал легендами и приобрел символическое и фразеологическое значения и, безусловно, занял свое место в поэтических произведениях авторов разных эпох.

ЭТИМОЛОГИЯ НАЗВАНИЯ

Желтушник, или желтофиоль, или лакфиоль (*Erysimum*) — род растений семейства крестоцветных (*Cruciferae*). Более 80 многолетних и однолетних видов этого рода распространены в северном полушарии. У хейрантуса чери, или лакфиоли (*Cheirantus cheiri* (иногда *Erysimum cheiri*)), типичные для семейства желтые цветы. А желтушник гибридный (*E. hybrid* “*Bowles’ Mauve*”) имеет насыщенные розовато-лиловые цветы и цветет поздней зимой. Сибирская желтофиоль (*E. X allionii*) ярко-оранжевая (*пер. наш* — С.Ш.) [7. С. 369].

Название *Erysimum* происходит от греческого *eryo*, что означает «вытягивать» из-за того, что многие виды этого растения оказывают раздражающее действие на кожу, порой вызывают даже нарывы. Это свойство используется в медицине для лечения более серьезных воспалений. Древние греки называли растение *эризимум*. Известно еще одно название *Cheiranthus* от греческого *cheir* — «рука» и *anthos* — «цветок»: растение часто использовалось в маленьких ручных букетиках (*пер. наш* — С.Ш.) [7. С. 369].

Надо отметить, что часто в литературных произведениях желтофиолью (*wall-flower*) называют любые цветы, растущие на стенах домов, замков и городских стенах. Иногда имеется в виду левкой (*gilliflower*), схожий по созвучию с «июльским цветком» (*July flower*), или просто любой «цветок в потрескавшейся стене», как назвал его Теннисон. Роберт Геррик (Robert Herrick (1591—1674)) описал любовную историю, давшую рождение цветку на стене замка в Шотландии (*пер. наш* — С.Ш.) [7. С. 369].

ПРИНЦИПЫ НОМИНАЦИИ

Рассматривая название данного растения, нельзя не упомянуть о принципах номинации, используемых как в ботанической номенклатуре, так и на бытовом уровне. Мотивационное направление изучения флоронимической номинации в качестве составной части входит в общую теорию номинации, в теорию оно-масиологии.

Научная систематика растений создается отдельными исследователями, которые подчиняют закономерности номинации решению логических и предметных проблем систематизации объектов своей науки. Обыденная номинация руководствуется другими принципами. Флоронимы как продукты обыденно-когнитивной номинации отражают особенности менталитета народа применительно к миру растений. Структура номинации показывает, что лежит в основе мотивации наименований растений. Мотивация может носить прагматический характер, то есть чаще всего название отражает морфологические свойства растения, очевидные и объективные. Так, оказывается, что форма растения является наиболее выделенной в систематике мотивировочных признаков номинации. Она указывает на те свойства растения, которые выделяют его среди других. Но мотивация может быть и оценочной, то есть характеризовать растение с точки зрения его эстетических и других эмотивно-оценочных признаков. В этом случае признаки более субъективны и не столь очевидны.

Следует отметить, что в процессе номинации, кроме мотивировочных признаков, выделяются и более общие категории — *способ номинации* и *принцип номинации*, при участии которых, наряду со *средствами номинации*, и формируется *единица номинации*. В зависимости от характера представления мотивировочного признака в названии выделяются два способа номинации: *прямой* и *косвенный* [1]. Каждая единица номинации (флороним) может быть представлена непосредственно, путем прямого указания на свойство, отношение или функцию (тогда средства номинации лексические), или опосредованно, ассоциативно, путем образного сравнения, то есть иметь, например, метафорическое или метонимическое название. В этом случае средством номинации будет служить соответствующий стилистический прием (метафора, образное сравнение, символ и пр.) или фразеологическая единица.

Понятие «принцип номинации» обобщает мотивировочные признаки, по которым происходит наименование. Оно достаточно широко используется в современной лингвистике при ономасиологическом описании различных тематических групп лексики, и в первую очередь лексики природы. По принципу номинации название может носить объективный или субъективный характер. Субъективная сторона принципов номинации проявляется прежде всего в сопоставлениях; скажем, при сопоставлении одной группы названий в разных языках или в разных функциональных сферах языка, например, народной номенклатуры и научно-биологической или с наименованиями искусственно выведенных сортов растений.

В данном конкретном случае и в русском, и в английском языках способ номинации является прямым, а принцип — объективным (указание на мотивировочный признак «цвет» (желтофиоль) и «место произрастания» (wall-flower)). Это в тривиальных названиях, то есть на бытовом уровне. Таким же образом можно

охарактеризовать и научное название цветка. Оно основано на свойствах самого растения, широко применяемых в медицине, т.е. вновь принцип номинации объективный, хотя мотивировочный признак и отличен от такового в народной номинации. То есть субъективная сторона не прослеживается ни в тривиальном, ни в научном названии. Образные средства также не использованы для названия данного растения. Однако ассоциативный перенос с «цветка на стене» на человека способствовал появлению сленгизма *wall-flower*, значения которого следующие: 1) застенчивый человек; 2) девушка, не пользующаяся успехом (во время бала/танцев сидит одна у стены) [3. С. 85].

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ В ПОЭТИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ

Вернемся к английскому названию «желтофиоли», которое является достаточно прозаичным, как было упомянуто выше (не имеет субъективной оценки, не является образным или ассоциативным наименованием), но, тем не менее, таит в себе немало загадок. На языке цветов желтофиоль означает верность, преданность, хранимую в тяжелые времена, в опасности или беде. Этот символ родился во времена странствования трубадуров, поющих о превратностях судьбы и тяжелых испытаниях, которые приходится переносить влюбленным в разлуке. Часто в лацканах уличные певцы носили цветы, сорванные на стене, которую они проезжали мимо (*пер. наш* — С.Ш.) [7. С. 370].

Р. Геррик в своем стихотворении «Как появилась желтофиоль и почему она так называется» (“How the *Wall-flower* came first, and why so called”) делает предположение о том, как появился этот цветок. Он рассказывает о молодой девушке, которая пытается бежать из своего заточения в замке на реке Твид к своему возлюбленному, но соскальзывает со стены в пропасть и погибает. Ее одежда превращается в листья, а ее чепчик в желтый венчик цветка, окропленный красными каплями крови:

*Up she got upon a wall,
Tempting down to slide withal:
But the silken twist unty'd,
So she fell, and bruis'd, she dy'd.
Love, in pity of the deed,
And her loving-luckless speed,
Turn'd her to this Plant, we call
Now, The Flower of the Wall!* [7. С. 370].

*Страстью к юноше полна,
Чтоб с ним встретиться, она
Поднялась на стену ловко,
Вниз скользнула по веревке,
Но веревка развязалась,
И она, упав, скончалась.
Полный жалости Эрот
За поступок смелый тот
Превратил ее в цветок,
Что цвести на стенах мог [2].*

Все эти метаморфозы послужили основанием для рождения легенды и о значении желтофиоли, ставшей эмблемой верности и преданности, самопожертвования в любви. В более прозаических версиях молодой любовник становится трубадуром и странствует, горюя и оплакивая свою потерю, а в петлице или на головном уборе обязательно носит желтый цветок.

Много хвалебных строк, посвященных этому цветку, вышло из-под пера поэтов. Альфред Теннисон (Alfred Tennyson (1809—1892)) увидел в нем корни познания (“Flower in the crannied wall”):

*Flower in the crannied wall,
I pluck you out of the crannies,
I hold you here, root and all, in my hand,
Little flower — but if I could understand
What you are, root and all, and all in all,
I should know what God and man is [5. С. 370].*

*Цветок в потрескавшейся стене,
Я вырываю тебя из трещины,
Держу тебя, с корнем и всем сущим, в руке,
Маленький цветочек...
Если бы я мог понять,
Что ты такое, с корнем и всем сущим, все во всем,
Я знал бы, что такое Бог и человек [8].*

В стихотворении «Желтофиоль» (“The Wallflower”) прослеживается как земная простота, так и божественность цветка:

*Cheerful ‘midst desolation’s sadness — thou —
Fair flower, art wont to grace the moldering pile,
And brightly bloom o’er ruin, like a smile
Reposing calm on age’s furrowed brow —
Sweet monitor! An emblem sure I see
Of virtue, and of virtue’s power, in thee.
For though thou cheerest the dull ruin’s gloom,
Still when thou’rt found upon the gay parterre,
There thou art sweetest — fairest of the fair; —
So virtue, while it robs of dread the tomb,
Shines in the crown that youth and beauty wear,
Being best of all the gems that glitter there [7. С. 371].*

Шотландский физик и писатель Дэвид Макбет Мир (David Macbeth Moir (1798—1851)), творивший под псевдонимом Дельта (Delta), даже иногда подписывавшийся Δ) в своем произведении «Желтофиоль» (“Wallflower”) в хвалебных речах превзошел всех:

*Sweet wallflower, sweet wallflower!
Thou conjurest up to me
Full many a soft and sunny hour
Of boyhood’s thoughtless glee;*
.....

*Of flowers first, last and best!
There may be grander in the bower,
And statelier on the tree,
But wallflower, loved wallflower,
Thou art the flower for me!* [5, 7. С. 371].

Прежде чем желтофиоль начали широко культивировать и выращивать в садах, цветок был широко распространен в заброшенных местах, на стенах старых развалин, поэтому и сохранил в своей семантике оттенок таинственности, уединенности и древности:

*The Wall-flower — the Wall-flower, how beautiful it blooms!
It gleams above the ruined tower, like sunlight over tombs;
It sheds a halo of repose around the wrecks of time; —
To beauty give the flaming rose, the Wall-flower is sublime.
Flower of the solitary place! grey ruin's golden crown!
Thou lendest melancholy grace to haunts of old renown;
Thou mentlest o'er the battlement, by strife or storm decayed;
And fillest up each envious rent Time's canker-tooth hath made* [6. С. 130].

Необходимо отметить, что свое концептуальное значение флороним *wall-flower* сохраняет только в английском языке. При переводе на русский он теряет значительную часть этого значения и вряд ли может восприниматься носителями русского языка или представителями русской культуры как что-либо отличное от цветка преимущественно желтого оттенка и неприхотливого в выращивании.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В общем смысле цветы можно рассматривать как один из ключевых образов английской культуры и в особенности художественной литературы. Красота и волшебная притягательность растительного мира вдохновляла скульпторов, художников, поэтов и писателей, которые постоянно обращались к цветам в своих произведениях, наделяя их особым символическим значением.

В перспективе планируется рассмотреть данный вопрос в рамках новой парадигмы лингвистики, а именно с позиций когнитивной лингвистики, в произведениях современных английских авторов.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Копочева В.В. (1985). Соотношение искусственной и естественной номинации (на материале названий растений). [Correlation of artificial and natural nomination (based on names of plants)]. Дисс. канд. филол. наук. Томск.
- [2] Лукьянов А. URL <http://www.poezia.ru/article.php?sid=56169> (Время доступа 13.10.2015).
- [3] Шумбасова С.С. (2012). Англо-русский словарь флористической фразеологии и сленга. [English-Russian Dictionary of Floral Phraseological Units and Slang]. М.: «Национальный книжный центр».
- [4] Bullen, Annie (2004). *The Language of Flowers*. Jarrold Publishing.

- [5] Bushnan, J. Stevenson Flowers and their poetry [verses]. URL <http://books.google.com/books?id=CV0CAAAAQAAJ&printsec=frontcover&hl=ru#v=onepage&q&f=false> (Время доступа 13.10.2015).
- [6] Powell, Claire. (1977). *The Meaning of Flowers. A Garland of Plant Lore and Symbolism from Popular Custom and Literature.* Jupiter Books (London), Ltd.
- [7] Ward, J. Bobby (1985). *A Contemplation upon Flowers. Garden Plants in Myth and Literature.* Timber Press.
- [8] Yogalib. ru. Электронная библиотека по йоге. URL <http://www.yogalib.ru> (Время доступа 13.10.2015).

FLOWERS: THE LANGUAGE OF THE ENGLISH ART OR THE ART OF THE ENGLISH LANGUAGE?

Svetlana S. Shumbassova

State University of Humanities and Social Studies
Zelyonaya, 30, Kolomna, Moscow Region, Russia, 140411
svetlana-kudinova@mail.ru

The names of flowers are of great interest for philologists and those studying the English language as they have nominal meaning. This article is devoted to the floral name *Wall-flower* that is a kind of lexeme which has different kinds of meaning, symbolic meaning in particular. The examples of its functioning in the language are taken from the works of English poetry predominantly of 17—19th centuries. Poetic texts vividly demonstrate the great significance inherent in flowers in English culture of the Victorian epoch, when “the language of flowers” became especially popular.

Floral names are widely represented in works of imaginative literature and become a kind of carriers of English culture elements. The analysis of the given group of units as concepts and from the point of view of the recipient of other culture allows correlating the research with the postulates of cognitive linguistics and cultural linguistics that is the novelty of the scientific article under discussion.

Key words: floral name, wall-flower, symbol, the language of flowers, concept.

ТЕКСТ, СВЕРХТЕКСТ, ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕКСТ

УДК 82-13:81'42

ТЕКСТ И СВЕРХТЕКСТ В ЭПОСЕ

Зл.Н. Волкова

Университет Российской академии образования
Краснобогатырская, 10, Москва, Россия, 107564
volkovazlata@yandex.ru

Изучение связанных между собой текстов (сверхтекста) относится к числу наиболее актуальных направлений современной лингвистики. Специфика функционирования языка и текста нередко наиболее рельефно высвечивается на историческом материале. Автором был проведен сопоставительный анализ структуры текста и сверхтекста средневековых французских эпических произведений — одного из крупнейших эпосов мира. Исследование показало параллелизм структуры эпического текста и сверхтекста: соотношение текстов, входящих в сверхтекст, аналогично соотношению эпизодов внутри одного текста. Целый текст или его части могут выступать в функции предтекста, посттекста и интеркалята на уровне сверхтекста. Аналогичные функции выполняют эпизоды на уровне отдельного текста. Эпический текст характеризуется открытостью, часто неопределенностью границ, а также способностью включаться в сверхтекстовые образования.

Ключевые слова: текст, текстовая история, сверхтекст, сверхтекстовое образование, эпический текст, предтекст, посттекст, интеркалят, ядерная структура сверхтекста, межтекстовая связь, текстообразующая функция, когерентность сверхтекста, компрессивное содержание.

ВВЕДЕНИЕ

Современный мир характеризуется огромным объемом текстовой продукции, и она постоянно увеличивается. Возрастает количество видов и жанров текстов как устных, так и письменных. Все это нуждается в осмыслении и научной систематизации. Несомненно, тексты в большей или меньшей степени связаны между собой. И характер этих связей различен.

Нередко явления и факты окружающего нас мира глубоко уходят корнями в историю. Также и научная проблематика, даже самая актуальная, может зародиться в отдаленные от нашего времени эпохи или же в значительной степени высвечиваться на историческом материале. Так, связь истории языка и истории народа — носителя этого языка — неразрывна. Поэтому целесообразно изучать

язык и его историю в культурно-историческом контексте его функционирования. Этот факт, давно известный в истории языка, нашел определенное отражение в теории и практике межкультурной коммуникации, получившей столь широкое распространение в последнее время.

Многие факты и явления, известные в истории языка или текстовой истории, могут содержать полезную информацию для выявления и последующего решения сложных вопросов современной лингвистики, в частности относящейся к научной проблематике в области структуры и функционирования как отдельного текста, так и нескольких связанных между собой текстов. В свете вышеизложенного считаем полезным сопоставить структуру текста и текстовых образований разной протяженности на материале эпической поэзии французского ареала, или одного из крупнейших эпосов мира.

Текст и сверттекст. Существует множество определений текста. Это зависит от взглядов ученых, от целей и задач исследования, от специфики анализируемого материала. В нашем случае текст — «ситуативно обусловленная коммуникативная единица социальной значимости, характеризующаяся семантическим единством, структурной (формальной и композиционной) и смысловой целостностью» [3. С. 97]. В лингвистике текста часто употребляются понятия семантики и структуры текста, хотя и не всегда однозначно. Не вдаваясь в подробности семантики эпического текста, довольно подробно описанной в наших монографических работах [3—5], остановимся на проблематике, соотносимой с изучением структуры текста.

Структура текста — одно из ключевых понятий филологии: оно трактуется как составные части текста, связанные в единое целое, которым является конкретное произведение. В лингвистике термин **структура** характеризует все сложные смысловые единицы.

В зависимости от подхода к изучению структуры текста проявляется некоторая неоднозначность в понимании этого термина, что выразилось в смене научных парадигм [6. С. 377]. Однако в любом случае структура текста — это «форма существования его содержания, которой свойственны определенность, упорядоченность, членимость и целостность» [11. С. 531]: это слова и словосочетания, предложения и фразы, а также объединенные единством темы свертфразовые единства разной протяженности. Последние в эпической поэзии соответствуют эпизодам. Некоторые из них выделены графически, например: абзац, рубрика, лесса (в эпосе).

Применительно к специфике эпоса под текстом будем понимать языковое образование, соответствующее эпическому памятнику, зафиксированному в конкретной рукописи. Критерии смыслового единства и коммуникативной значимости, как и другие характеристики текста, могут относиться и к более крупным, чем отдельный текст, образованиям, которые мы назвали сверттекстом или сверттекстовым эпическим образованием [3. С. 98]. Последнее предполагает наличие межтекстовых связей не менее двух самостоятельных произведений: $T_1 \rightarrow T_2$, характеризующихся семантическим единством, коррелирующим с более общим по-

нятием семантики эпического текста. Такое минимальное сверхтекстовое образование является ядерной структурой эпического сверхтекста.

В настоящее время в языкознании довольно широко освещается проблема межтекстовых связей, хотя до сих пор нет ни единого понимания некоторого множества взаимосвязанных текстов, ни единого термина для его обозначения. В этой связи исследования, посвященные проблеме сверхтекста, приобретают все большую актуальность. Принято считать, что внимание к тематически родственным текстам с общей установкой восходит к труду В.Н. Топорова «Петербургский текст русской литературы» [12]. Однако независимо от того, вызвало ли само исследование В.Н. Топорова последующую разработку проблематики сверхтекстовых образований или же она возникла независимо от его концепции, изучение взаимосвязанных текстов получило дальнейшее развитие не только в литературоведении, но и в лингвистике. Еще М.М. Бахтин писал, что текст «живет только соприкасаясь с другим текстом (контекстом). Только в точке этого контакта текстов вспыхивает свет» [2. С. 364]. В любом случае имеется необходимость уточнить определение термина, соотносимого с совокупностью взаимосвязанных текстов.

В филологических науках существует несколько терминов для обозначения текстовых объединений, систематизация которых приведена в работе Н.С. Найденовой [10. С.13—20]. Среди них отметим два наиболее общих и распространенных — **сверхтекст** и **гипертекст**, понимаемые неоднозначно в трудах разных исследователей. Термин **гипертекст** был введен Тедом Нельсоном в 1965 г. для обозначения текста «ветвящегося» или выполняющего действия «по запросу».

Идея гипертекста тесно связана с компьютерным представлением информации. **Гипертекст** — совокупность блоков информации, между которыми установлена система связей. В частности, гипертекст представляет собой принцип организации интернет-сайтов и, возможно, сети Интернет в целом. Гипертекст имеет свойства интерфейса и по сути является набором текстов, потенциально содержащих гиперссылки, выступающие как взаимосвязь данных. Этот термин употребляется также в работах по созданию искусственного интеллекта [13. С. 148—149].

В широком понимании термин **гипертекст** применим к тексту любого вида и жанра, включая словари и энциклопедии, где имеются отсылки к частям данного текста или другим текстам. Как справедливо отмечает М.А. Алексеева, «Под гипертекстовым (сверхтекстовым) единством в современной отечественной лингвистике понимается два, несколько или неопределенное множество текстов, объединенных единым смысловым заданием и коммуникативной значимостью» [1. С. 19].

С начала XXI в. термин **сверхтекст** находит довольно широкое употребление. Среди наиболее известных его определений приведем формулировку Н.А. Купиной и Г.В. Битенской: «сверхтекст — это совокупность высказываний, текстов, ограниченная темпорально и локально, объединенная содержательно и ситуативно, характеризующаяся цельной модальной установкой, достаточно определенными позициями адресанта и адресата, с особыми критериями нормального/анормального» [7. С. 215]. Развивая данное определение, Н.Е. Меднис писала: «Сверхтекст представляет собой сложную систему интегрированных текстов, имеющих общую внетекстовую ориентацию, образующих незамкнутое единство, отмеченное смы-

словой и языковой цельностью» [9. С. 21]. При этом разрозненные тексты объединяются в единый свертхтекст, когда их связывает прикрепленность к общей внетекстовой реалии, которая становится порождающим фактором свертхтекста.

Согласно А.Г. Лошакову «свертхтекст понимается как ряд отмеченных ассоциативно-смысловой общностью в сферах автора, кода, контекста, адресата автономных текстов, которые в культурной практике актуально или потенциально предстают в качестве целостного словесно-концептуального образования» [8. С. 100].

Обращаясь к более ранним определениям данного термина, отметим, что еще в 1983 г. нами были введены понятия свертхтекста, свертхтекстовых образований и текстовых сращений [3. С. 98—99] применительно к эпическим произведениям, что получило развитие в дальнейших исследованиях. Под **свертхтекстом** мы понимаем «совокупность отдельных текстов, характеризующихся функциональным критерием коммуникативной значимости и смыслового единства, общностью сюжетно-событийной линии, а также однопорядковостью основных текстообразующих и структурных параметров (средств текстовой связи, элементов структуры, характера эпических повторов и эпических противоречий и т.д.)» [5. С. 101]. Представляется, что понятие свертхтекста должно быть общим для всех видов текстов (авторских, принципиально неавторских и других), а не только относиться к некоторым из них.

Структура эпического текста. Структура текста эпического памятника представлена совокупностью составляющих его частей, которые могут быть в большей или меньшей степени гомогенны или довольно значительно различаться между собой и содержать отдельные противоречия в аналогичных эпизодах. Грани между этими двумя особенностями структуры весьма условны [16—17]. Рассмотрим структуру ранних эпических текстов, наименее подверженных влиянию произведений иных видов и жанров письменности.

Согласно Ж. Фрапье, И. Сичильяно, Ж. Ришнеру и другим ведущим исследователям французского эпоса структура древнейшего эпического памятника «Песни о Гильоме» характеризуется наличием двух относительно самостоятельных блоков, условно обозначенных исследователями G_1 и G_2 . Первый повествует собственно о Гильоме Оранжевом и заканчивается ст. 1980. Он имеет много общего с произведением «Подвиги Вивьена». Второй посвящен деяниям Ренуара и является своего рода аналогом поэмы «Алисканс». Каждый из них включает более подробные «подразделы», особенно первая часть Лондонской рукописи поэмы. Ж. Ватле-Виллем в «Песни о Гильоме» выделяет следующие составные части: 1 — Измена (предательство); 2 — Битва; 3 — Наказание язычников [18. С. 455].

По всей видимости «Песнь о Гильоме» является «сплавом» ранее самостоятельных эпических памятников, состоявших, в свою очередь, из объединения более древних эпических текстов. Схематически G_1 и G_2 могут быть представлены как последовательность, в которой T обозначает текст самого произведения; T_1 , T_2 и т.д. — его крупные блоки, или составные части; а T^1 , T^2 , T^3 , T^4 , T^n , T^m и т.п. — более мелкие «подразделы», как правило, соответствующие отдельным эпизодам:

$$T = T_1(T^1 + T^2 + \dots + T^n) + T_2(T^3 + T^4 + \dots + T^m).$$

«Песнь о Роланде» традиционно считается состоящей из четырех частей: 1 — Измена (предательство); 2 — Битва; 3 — Наказание язычников; 4 — Наказание Гвенелона [14. С. XLV]. Как явствует, первые три части «Песни о Роланде» и «Песни о Гильоме» тематически совпадают.

Древнейшая поэма жесты «Гильома Оранжского» — «Коронование Людовика» — объединяет пять довольно автономных частей: 1 — Коронование Людовика в Аахене, попытка Арнеиса Орлеанского завладеть короной, обещание Гильома защитить Людовика (ст. 1—227); 2 — Взятие Капуи и осада Рима сарацинами; битва Гильома, защищающего интересы Папы Римского, с великаном Корсольтом у стен Рима, избавление осажденного города от врагов, освобождение короля Капуи Гайфьера и помолвка Гильома с его дочерью (ст. 228—1380); 3 — Восстановление на престоле Людовика, которого после смерти Карла Великого преследует Ацелин Нормандский, пытавшийся захватить престол Франции; поражение Ацелина; наказание изменников и присоединение покоренных земель на юго-западе Франции (ст. 1380—2222); 4 — Освобождение Рима; сражение Гильома с Ги Нормандским, сокрушительное поражение последнего; коронование Людовика в Риме (ст. 2223—2649); 5 — Подавление вновь возникшего бунта вассалов против Людовика; его свадьба с сестрой Гильома и неблагодарность короля по отношению к Гильому (ст. 2650—2695).

Наличие пяти довольно различающихся между собой составных частей «Коронования» объясняется исследователями по-разному: поэма являет собой либо «сплав» существовавших ранее самостоятельных произведений, либо «ядерную» часть произведения «дополнили» более поздними повествованиями.

Как бы то ни было факт остается очевидным: структура данного текста представлена пятью частями, что схематически может быть представлено как:

$$T_1 + T_2 + T_3 + T_4 + T_5 \rightarrow T.$$

Большинство французских эпических поэм характеризуется отсутствием текстовой гомогенности и состоит из эпизодов разной протяженности: от довольно мелких фрагментов до значительных по размерам блоков или частей. Такой своеобразный «сплав», типичный для эпических произведений, затрудняет их подсчет. Так, считать ли краткую и весьма объемную версию одного и того же сказания о Гильоме Оранжском («Монашество Гильома I» и «Монашество Гильома II») одним произведением или разными? Дж. Дагген постулирует последнее [15. С. 30], но прав ли он? Ж. Ришнер считает некоторые эпизоды поэмы гетерогенными, так как они состоят из довольно автономных фрагментов, без явно выраженной каузальной связи. Вместе с тем существуют тексты, имеющие единый сквозной сюжет [17]. Подсчет эпических произведений затруднен также утратой начала или конца текста, как и всевозможными лакунами. Но само существование эпической поэмы не подлежит сомнению. Она бытовала не только в устной традиции, но и была записана. В таких случаях нижняя граница текста начинается с фрагмента эпического произведения, соответствующего одному или нескольким сверхфразовым единствам, а верхняя уходит в свертхтекст, или свертхтекстовые образования. Развитие сюжетно-событийной линии, происходящее на уровне одного

текста (эпического памятника), может проявляться и на уровне нескольких текстов, выступающих как взаимосвязанные элементы определенного текстового континуума.

Структура эпического сверхтекста. Эпические произведения, посвященные войнам франков в Испании, ранжируются следующим образом относительно Ронсевальского сражения как точки отсчета в развитии сюжетно-событийной линии: франко-итальянские поэмы «Вступление в Испанию» и «Взятие Памплоны», далее «Ги Бургундский», «Песнь о Роланде», «Гейдон», «Ансеис Картагенский». Обозначим отдельные поэмы, или компоненты сверхтекста как T_1 , T_2 , T_3 и т.д. Графически это может быть представлено так:

$$T_1 + T_2 + T_3 + T_4 + T_5 + T_6 \rightarrow \text{СТ (сверхтекст)}.$$

Поэма «Фьерабрас» состоит из двух достаточно автономных частей. В первой из них рассказывается о победе Оливьера над Фьерабрасом, а во второй — о любви Флорипас, сестры Фьерабраса, и Ги Бургундского. В конце поэмы содержится краткая проспекция «Песни о Роланде» — эпизоды предательства Гвенелона и гибели Роланда. В прологе «Фьерабраса» речь идет о нападении сарацин на Рим и похищении реликвий из Собора Святого Петра, что составляет канву повествования эпического произведения «Разорение Рима». Последнее является предтекстом «Фьерабраса», который, в свою очередь, выступает в функции предтекста «Песни о Роланде». Относительно «Фьерабраса» взаимосвязь текстов может быть передана графически как: T_1 «Разорение Рима» $\leftarrow T_2$ «Фьерабрас» $\rightarrow T_3$ «Песнь о Роланде».

Как уже было отмечено, существует некоторая сложность определения верхней границы текста, особенно, если речь идет о последовательности гомогенных текстов, объединенных единой сюжетно-событийной линией и составляющих таким образом сверхтекстовое образование.

До сих пор дискуссионным остается статус некоторых эпических произведений. Так, «Отъезд сыновей Эмери», небольшой текст в 300 строк, вместе с ранее считавшейся самостоятельной поэмой «Осада Нарбонна», по мнению некоторых исследователей, составил поэму «Нарбоннцы».

По сюжетно-событийной линии произведение располагается между «Эмери Нарбоннским» и «Юностью Гильома». «Эмери» заканчивается победой нарбоннцев над сарацинами, описанием доблести первых и их постоянной готовностью защищать Нарбонн от врагов. В произведении содержится переход к следующему за ним тексту. Последние строки поэмы являются компрессивной перспекцией «Отъезда сыновей Эмери» или «Нарбоннцев». Конец поэмы «Эмери Нарбоннский» выступает как предтекст следующего произведения, обеспечивая тем самым когерентность сверхтекста.

В рукописи «Отъезд» помещен за «Эмери» и перед «Юностью Гильома», что схематически может быть отражено как: $T_1 \rightarrow T_2 \rightarrow T_3$. Независимо от того, признается ли автономность «Отъезда сыновей Эмери» и «Осады Нарбонна» или же принимается положение о существовании единой поэмы «Нарбоннцы», нельзя не заметить, что сюжетно-событийная линия этих текстов частично совпадает

с «Юностью Гильома» и как бы вклинивается в нее: в начале «Юности» имеется компрессивный коррелят (2 лессы) «Отъезда». Следовательно, здесь имеет место партитивная, или частичная компрессивная инклюзия. «Отъезд» и «Юность Гильома» предстают как: $T_1 + T \rightarrow T$, где T_1 — «Отъезд», а T — «Юность Гильома». Спорный статус эпического памятника и условность его самостоятельности свидетельствует о важности понятия сверхтекста и о его приоритете, особенно в тех случаях, когда сложно или невозможно определить верхнюю границу текста.

Фрагмент текста, передающий его компрессивное содержание, может входить как в сам этот текст в качестве повтора, так и в другой текст (тексты). В последнем случае повтор выступает как средство межтекстовой связи на уровне сверхтекста. Интеркалят встречается в большинстве случаев в начале иного текста, иногда в его конце. Реже текстовая интеркаляция присутствует в середине памятника. В эпическом произведении «Аквин, или Завоевание Британии королем Карлом Великим» (сохранилось 3087 ст.; начало и конце памятника утрачены) в ст. 1832—1845 содержится компрессивное изложение поэмы «Аспремонт»: эпизоды посольства Аголанда; гибели Эаумонта; начала воинской карьеры Роланда, включая его посвящение в рыцари; гибель Роланда и т.д.

События, описываемые в «Аквине», происходят до войны в Аспремонте, которая, в свою очередь, предшествует Ронсевальской битве. Интеркалят компрессивного содержания «Аспремонта» имеет проспективный характер, исходя из хронологической перспективы развития сюжетно-событийной линии на уровне сверхтекста или ретроспективный, применительно к последовательности данных текстов, если взять за точку отсчета «Аквин». Компрессивная интеркаляция содержания поэмы об Аспремонте в «Аквине» начинается с представления боевых действий и заканчивается победой франков:

1832 *Et fut o Charles en Aspremont mené
Contre Agolant, l'anforcant amiré,
Et contre Eaulment son filz l'outrecuidié...*

1844 *Et y conquist Valentin l'abrivé,
Et Durendal o le plon d'or niellé.*

Графически интеркаляция компрессивного повтора одного текста в середину другого, не находящегося с первым в отношении непосредственного следования относительно развертывания сюжетно-событийной линии, может выглядеть так:

$$T_1 \leftrightarrow T_2 - T_1 - T_2.$$

↑—————↑

Межтекстовые связи определяют характер структуры сверхтекста, которая может быть: 1 — иерархической: гипертеме подчинены частные темы; 2 — линейной, характеризующейся последовательной прогрессией тем; 3 — пространственной, объединяющей первые два типа. Это подтверждается наличием разветвленной сети эпических референций. Реминисценция, представленная компрессивным повтором, связывает текст со сверхтекстовым образованием (одним произведением или несколькими) и выполняет текстообразующую функцию на уровне сверхтекста. На фоне единства сюжетно-событийной линии проявляется характер связей

ядерных сверхтекстовых структур $T_1 \rightarrow T_2$, находящихся в отношении непосредственного следования при линейной и/или иерархической связи. На уровне сверхтекста предшествующее произведение выступает в роли предтекста (или текста), в то время как последующее, соответственно, — в роли текста (или посттекста).

Ядерная, или минимальная сверхтекстовая структура, присутствует в линейных, иерархических и пространственно-структурированных сверхтекстах на уровне целых текстов в параллельных текстах («Осада Барбастра» и «Бевон де Коммарши») или в соположении: текст — фрагмент (как правило, компрессивный) другого текста, т.е. как отношение части к целому («Юность Ожье» как часть «Подвигов Ожье»). Ядерная сверхтекстовая структура представлена на уровне одного функционального стиля (эпос: «Берта и Милон» и «Большеногая Берта») или разных (эпос и миракль: «Большеногая Берта» и «Чудо о Берте»), в том числе разноязычных (эпос и так называемая латинская хроника: «Песнь о Роланде» и «Псевдо-Турпин»).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итоги рассмотрения структуры текста и сверхтекста, отметим, что соотношение текстов, входящих в сверхтекст, аналогично соотношению эпизодов внутри одного текста. Параллелизм структуры отдельного эпического памятника и сверхтекста отражен в формуле: $T_1 + T_2 \rightarrow T$. В том случае, когда T_1 и T_2 — части произведения, T является отдельным текстом, если же T_1 и T_2 самостоятельные произведения, то T квалифицируется как сверхтекст. Целый текст или его часть могут выступать в функции предтекста, посттекста или интеркалята.

В тех случаях, когда основные параметры, свойственные одному тексту, распространяются на группу текстов, можно говорить о сверхтексте, или сверхтекстовых образованиях различного характера. Существование сверхтекста свидетельствует об открытости текста, его способности включаться в более крупные объединения.

Проведенный анализ показал также спорный статус некоторых эпических памятников, определенную условность самостоятельности (автономности) эпического текста, сложность или невозможность в ряде случаев определить верхнюю границу текста, и, следовательно, приоритет эпического сверхтекста.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Алексеева М.А. (2015). Типологические особенности научного текста: гипертекстовая типология языка науки [Typological features of scientific text: hypertext typology of the language of science]. М.: Изд. Дом МИСиС.
- [2] Бахтин М.М. (1979). Эстетика словесного творчества [The Aesthetics of verbal art]. М.: Искусство.
- [3] Волкова З.Н. (2008). Истоки французского литературного языка [Origins of literary French]. М.: Высшая школа, 1983; 2-е изд., испр. и доп. М.: ЛИБРОКОМ.
- [4] Волкова З.Н. (2009). Эпос Франции. История и язык французских эпических сказаний [French Epics. History and language of the French Chansons de geste]. М.: Наука, 1984; 2-е изд., испр. и доп.; М.: ЛИБРОКОМ.
- [5] Волкова З.Н. (2004). Введение в теорию эпического текста [Introduction to the theory of epic text]. М.: изд-во УРАО.

- [6] *Жеребило Т.В.* (2010). Словарь лингвистических терминов [Dictionary of linguistic terms]. 5-е изд., испр. и доп. Назрань: Пилигрим.
- [7] *Купина Н.А., Битенская Г.В.* (1994). Сверхтекст и его разновидности [Supertext and its varieties] // Человек — текст — культура: коллектив. моногр. / под ред. Н.А. Купиной, Т.В. Матвеевой. Екатеринбург: ИРРО. С. 214—233.
- [8] *Лошаков А.Г.* (2008). Сверхтекст: проблема целостности, принципы моделирования [Supertext: The problem of integrity, principles of modelling] // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. Вып. № 66. С. 100—109.
- [9] *Меднис Н.Е.* (2003). Сверхтексты в русской литературе [Supertexts in Russian Literature]. Новосибирск: НГПУ.
- [10] *Найденова Н.С.* (2014). Лингвостилистический анализ этноспецифического художественного текста: сопоставительное исследование [Linguostylistic analysis of ethnic-bound literary text: a comparative study]. М.: Флинта-Наука.
- [11] Стилистический энциклопедический словарь русского языка (2003) [Stylistic encyclopedic dictionary of the Russian language] / под ред. М.Н. Кожинной. М.: Флинта-Наука.
- [12] *Топоров В.Н.* (2003). Петербургский текст русской литературы. Избранные труды [Petersburg text of Russian literature. Selected works]. СПб.: Искусство-СПБ.
- [13] Энциклопедия эпистемологии и философии науки (2009) [Encyclopedia of epistemology and philosophy of science] / под ред. И.Т. Касавина М.: Канон+.
- [14] *Brault G.* (1971). Structure et sens de la Chanson de Roland // The French Review. № 45. P. 1—12.
- [15] *Duggen J.* (1982). The Manuscript Corpus of the Medieval Romance Epic // Essays in Honour of David J.A. Ross. The Medieval Alexander Legend and Romance Epic. Millwood, N.-Y., Kraus International. P. 29—42.
- [16] *Rychner J.* (1955). La Chanson de Geste. Essai sur l'art épique des jongleurs. Genève, Droz.
- [17] *Rychner J.* (1955). Sur la Chanson de Guillaume // Romania, LXXVI, № 301. P. 28—38.
- [18] *Wathelet-Willem J.* (1975). Recherches sur la Chanson de Guillaume. Etudes accompagnées d'une édition. Paris, Les Belles Lettres. Vol. 1—2.

EPIC TEXT AND SUPERTEXT

Zlata N. Volkova

University of Russian Academy of Education
Krasnobogatyrskaya str., 10, Moscow, Russia, 107564
volkovazlata@yandex.ru

One of the most important areas of modern linguistics deals with interrelated texts (supertext). In some cases the specific features of language and texts become particularly obvious when they are viewed against the backdrop of historical materials. The author used the methods of comparative analysis in terms of texts and supertext structures when investigating French medieval Chansons de Geste, one of the world's greatest epics. The research revealed (showed) that the structures of the epic text and supertext are parallel to each other: the relationship of the episodes in one text is similar to that of the texts making up the supertext. The whole text or its parts may function as praetext, posttext or intercalate at the supertext level. The episodes of an epic text perform similar functions at the level of a separate text. The epic text has the quality of openness, its boundaries are not always clearly defined and it can be easily included in a supertext entity.

Key words: text, text history, supertext, supertext entity, epic text, praetext, posttext, intercalate, supertext nucl;^ear structure, intertextual link, text-forming function, supertext coherence, compressive content.

АЛЛЮЗИЯ КАК СТИЛИСТИЧЕСКИЙ ПРИЕМ В АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Н.В. Никашина, Н.Д. Супрун

Институт иностранных языков
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10-2а, Москва, Россия, 117198
nvnikashina@gmail; comsuprunnata@mail.ru

В статье рассматривается локализация и функционирование аллюзии, ее основные стилистические функции, механизмы возникновения.

Ключевые слова: аллюзия, прецедентный текст, интертекстуальность, имплицитная аллюзия.

Исследование аллюзии может иметь литературоведческое или лингвистическое направление, проводиться в сфере когнитивной лингвистики, изучения межкультурных связей или проблемы интертекстуальности. Круг вопросов, которых может касаться проблема аллюзии, является достаточно широким, а потому выделение конкретной смежной области исследования или проблемы прямо зависит от поставленных задач.

Происхождение термина «аллюзия» от латинского “alludere” ‘смеяться, намекать’ (“ludere” — играть) датируется серединой XVI в. и означает “an expression designed to call something to mind without mentioning it explicitly; an indirect or passing reference”.

Изучая ход исторического развития данного понятия, Г. Блум [14. С. 26] определяет термин «иллюзия» (illusion) как синоним понятия аллюзии.

В эпоху раннего Ренессанса аллюзия была тождественна каламбуру, или игре слов, и по этой причине она использовалась главным образом в сатирических произведениях.

Во времена Ф. Бэкона (1561—1626) данным термином называли какое-либо символическое сходство в аллегории, параболе или метафоре, поэтому критика выделяла наряду с «описательной», «репрезентативной» еще и «алюзивную» поэзию. И только с начала XVII в., по мнению Г. Блума, развивается единственное правильное значение аллюзии как непрямой, скрытой ссылки, которая содержит намек.

Активное изучение аллюзии начинается только в XX в., когда его отождествляли с любой явной, прямой ссылкой, и оно вызывало разные суждения и наибольшие споры большого количества исследователей.

Проблемам изучения аллюзии посвящены труды Е.Ю. Абрамовой, О.С. Ахмановой, И.В. Гюббенет, Е.М. Дроновой, А.С. Евсеева, М.И. Киосе, А.Г. Мамаевой, Л.А. Машковой, И.Г. Потылицыной, Е.В. Розен, И.Н. Софроновой, З. Порат и других лингвистов.

О.Е. Наумова обращает внимание прежде всего на когнитивный, прагматический, лингвокультурологический аспекты прецедентных текстов [10. С. 80]. По утверждению Е.М. Дроновой, исследование аллюзии может проводиться в пределах изучения межкультурных связей, проблем интертекстуальности, касаться сфер стилистики, фразеологии, переводоведения, а также иметь другие ориентиры [4. С. 83].

А.С. Евсеев отводит проблематике, связанной с разработкой этого вопроса, одно из центральных мест в таких лингвистических дисциплинах, как теория референции, теория собственного имени, стилистика, поэтика, риторика, лингво-страноведение, литературоведение [5. С. 3].

Вопросы литературных традиций и влияния на произведения писателей их литературных предшественников с давних пор представляют интерес для филологов. Литературных критиков всегда волновала зависимость творчества различных писателей от исторических событий или от произведений других авторов.

Так как культура, окружавшая писателя в течение его жизни, неизбежно налагает отпечаток на его произведения, сам автор бессознательно или осознанно пользуется ее достижениями в своем творчестве. Культурный опыт отмечается в разнообразных формах, преимущественно в форме текстов. По утверждению французского философа и литературного теоретика Ж. Дерриды, «мир есть текст» [3. С. 14]. Однако это не набор ничем не связанных между собой составляющих.

И.И. Ильин подчеркивает, что любой текст — это реакция на предыдущие тексты [6. С. 206]. Именно одной из таких реакций на предыдущие тексты и является аллюзия, которую рассматривают в свете теории интертекстуальности.

Аллюзия служит определенным «мостом», который соединяет предыдущее со следующим, представляет собой своеобразный способ обращения мыслей к прошлому и помогает осмыслить и категоризировать знания о мире.

Использование различных ссылок на литературные, библейские, мифологические факты существует в английской литературе с давних пор. Родоначальник английской литературы Джеффри Чосер свободно использовал аллюзии в своем творчестве.

Утонченная техника вкрапления аллюзий в контекст художественного целого является отличительной чертой творчества Д. Мильтона и А. Поупа (особый стиль последнего также иногда именуют «аллюзивным») [15. Р. 37].

Расцвет искусства аллюзии приходится на период классицизма, для литературных произведений которого характерно подражание античному творчеству. Небезразличной к употреблению аллюзий оказалась и эстетика романтизма.

Символы, аллегии, гротески, которые так часто встречаются в произведениях эпохи романтизма, зачастую используют аллюзию как базу для создания образа.

Также характерным, но менее распространенным является использование аллюзий для английского критического реализма XIX в. В произведениях авторов XX в. аллюзия как элемент образных средств наиболее активно употребляется в литературе. Авторы данного периода используют аллюзии на мифологические темы для освещения ключевых мотивов поведения людей.

Этот метод использовался в таких произведениях, как «Уллизс» Д. Джойса, «Кентавр» Д. Апдайка, много работ собственно Т.С. Элиота. Даже поверхностное изучение истории использования аллюзии говорит о ее широком приложении в английской литературе.

Аллюзия, вследствие выразительности и частого использования, а также способности особым образом передавать дополнительные сведения, заслуживала детального внимания исследователей.

В изучении аллюзии лингвисты тяготеют преимущественно к литературоведческому, лингвостилистическому и семиотическому подходам [7. С. 281].

Перед тем как предложить толкование аллюзии в рамках данного исследования, необходимо определить, что не является аллюзией в действительности. Аллюзия отличается от интертекстуальности, потому что она целеустремлена; от плагиаризма, потому что писатель не подает ссылки как на свое собственное; от цитации, потому что это — не цитата, которая берется в кавычки; и от клише, потому что у нее есть единственный источник [16. Р. 42].

По мнению И.Р. Гальперина [2], аллюзия — это литературный акт ссылки на любой предыдущий текстуальный референт, который предусматривает наличие фоновых знаний (совокупность свидетельств культурно- и материально-исторического, географического и прагмалингвистического характера, которые имеются у носителя определенного языка [1. С. 19]) у читателя об этом факте и вызывает у него соответствующие ассоциации [17. Р. 187].

Предыдущий текстуальный референт именуют прецедентным текстом, который является завершенным и самодостаточным продуктом рече-мыслительной деятельности, или сложным знаком, количество значений элементов которого не равно его сути.

По определению большого энциклопедического словаря, аллюзия (лат. *allusion* — намек, острота) — стилистическая фигура, намек, посредством сходно звучащего слова или упоминания общеизвестного реального факта, исторического события, литературного произведения [1. С. 142].

Она используется в художественном, ораторском, научном и будничном языке для более рельефного, более объемного очерчивания определенной реалии через соотношение ее с аналогом, который хорошо известен из хода исторических событий, жизни выдающихся людей, фольклора, литературных произведений и т.д.

Аллюзия особенно утверждается в художественном мышлении XX в., в частности в европейском неоромантизме, модернизме, латиноамериканском романе, в романах-утопиях, когда аллюзивные мифологемы, философемы и идеологемы, как правило, структурируют все произведение. Наивысшего пика алиюзийное изображения достигло в постмодернизме, получив неопровержимое право на понятийную автономию.

Современные зарубежные лингвисты в исследовании аллюзии отдают предпочтение именно литературоведческому подходу.

По мнению израильской исследовательницы-литературоведа З. Бен-Порату, литературная аллюзия содержит встроенный направленный сигнал или маркер,

который можно идентифицировать как элемент, который принадлежит к другому независимому тексту [13. Р. 108].

По определению К. Перри, литературная аллюзия является явной или неявной ссылкой на другой литературный текст, который легко распознать и понять компетентным читателям [18. Р. 290].

Вслед за М.И. Киосе аллюзия рассматривается как одновременно и стилистический прием и его результат. Метод аллюзии (намек, косвенное указание) довольно часто встречается и имеет большое значение в создании насыщенных образами текстов разных жанров, способствуя повышению их эмоционально-оценочного содержания [7. С. 19].

Целью использования аллюзии является обогащение элементарного высказывания и всего произведения сопутствующими знаниями и опытом [16. Р. 42—43]. Аллюзия при этом играет роль экономного способа актуализации истории, литературной традиции [12. Р. 9].

Поэтому аллюзия, которую используют авторы, может быть как общеизвестным фактом и отвечать фоновым знанием рядового читателя, так и может быть узкоспециализированная, значения которой могут понять читатели определенного круга.

Определение аллюзии наводится в разных словарях и энциклопедиях, в которых или приводится определение усложненных аллюзий в тексте, или представлена энциклопедическая информация о событиях и лицах, чьи имена используются аллюзивно [8. С. 23].

Согласно англоязычным словарям литературных терминов самая полная классификация видов аллюзии состоит из:

- 1) аллюзии — ссылки на недавние события (topical allusion);
- 2) личностной аллюзии — ссылки на факты биографии писателя (personal allusion);
- 3) метафорической аллюзии, целью которой является передача сопутствующей информации;
- 4) имплицитной аллюзии, которая имитирует стиль других писателей (imitative allusion);
- 5) структурной аллюзии, которая отображает структуру другого произведения (structural allusion) [12. Р.9; 16. Р. 42—43].

Русский исследователь М.Д. Тухарели выделяет три разновидности аллюзии:

- 1) антропонимы — имена собственные, космонимы — названия планет, звезд, топонимы — географические названия, зоонимы — имена животных, птиц, ктематонимы — названия исторических событий, праздников и т.д., и, наконец, теонимы — названия богов, демонов, мифологических персонажей и т.п.;
- 2) мифологические, библейские, исторические, литературные и другие реалии;
- 3) аллюзия может локализоваться в отзвуках цитат, контаминациях, реминисценциях и других аллюзивных цитатах [11. С. 167].

К примеру, “*Dear me! I'm not Hetty if I do look green. I'm just a poor little working girl*” (O'Henry), О. Генри наводит аллюзию на Хетти Гарт, самую богатую женщину Америки того времени. Содержание аллюзии — материальное положение ге-

роини — подчеркивается следующим предложением, которое повторяет суть аллюзивной информации [4. С. 85].

С.С. Алешко-Ожевская приводит примеры библейской аллюзии *old wives' fables*. Для сравнения в Библии: “But refuse profane and old wives' fables, and exercise thyself rather unto godliness (I Timothy IV, 7)” и в художественном произведении:

“Another of old wives' tales, Matteo! Nature intended you for a beginning friar”. — “I have often thought I have missed my vocation. With my brilliant gift for telling lies in a truthful manner, I should have my way in the Church to the highest dignities”. (W.S. Maugham. The Making of the Saint).

В этом случае значения библеизма дополнительно объясняется автором в следующей фразе: *brilliant gift for telling lies in a truthful manner* [1. С. 40].

Часто встречаются и примеры аллюзий на общеизвестные факты:

“The town itself was to the left, a straggling huddle of red roofs and white walls in the centre of which, raising a golden dome proudly skywards, stood the building which had made the place the popular resort it was — the Casino Municipal. For St. Rocque, once a tiny fishing village, has become in recent years a Mecca for those who enjoy watching their money gathered in with rakes by sad — eyed croupiers” (J. Woodhouse. Hot Water).

Автор использовал название широко известного городка Мекка, места паломничества мусульман.

В этом предложении аллюзия выполняет сразу две функции:

1) уподобление, чтобы читатель имел возможность лучше представить место действия;

2) имеет комический эффект, поскольку Мекка — святое место религиозного поклонения, а в указанном примере встречается поклонение деньгам и азартным играм [1. С. 59].

Использование аллюзий придает произведениям целостности и законченности, т.е. имеет отношение к эстетической стороне произведения. Аллюзивное слово выступает как знак ситуационной модели, из которой с помощью ассоциаций соотносится текст, который содержит аллюзию.

Таким образом, происходит взаимодействие между литературно-художественными произведениями, называемое аллюзивным процессом.

Пространство текста, которое ощущает на себе семантическое и стилистическое воздействие аллюзии, делает ее главным смысловым и структурным компонентом художественного целого.

Слежение за функционированием аллюзии помогает определить направление и силу воздействия стилистически маркирующих элементов высказывания на нейтральные части текста и в заключительном результате, объясняет формальные и семантические связки между отдельными частями целого произведения.

Основными стилистическими функциями аллюзии являются следующие: изучение времени, характеристика персонажей, создания местного колорита, изучения условий действия и т.д. Механизм создания и функционирования аллюзий обосновывается определенными законами и напоминает механизм превращения данных, которые хранятся в памяти человека.

Кроме того, аллюзии выступают в качестве основных средств реализации социально-исторического вертикального контекста. По мнению Л.А. Машковой, вертикальный контекст художественного произведения является сложной информационной категорией, которая в своей структуре объединяет две контекстуальных плоскости или два вида контекста: социально-исторический и филологический [9. С. 25].

Первый контекст информирует читателя о форме и средствах, которые автор использовал для отображения определенных фрагментов реальной или мнимой действительности. Второй предоставляет собственно филологическую информацию, т.е. анализ способов использования авторами содержания и форм литературных произведений предшественников [9. С. 25].

Анализ взглядов и утверждений исследователей в сфере литературной аллюзии показал, что исследуемое явление является сложным и многоплановым. Остается много противоречивых моментов относительно определения самой сущности аллюзии и ее основных характеристик.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Алешко-Ожевская С.С.* (2006). Фразеологический состав английского языка и проблемы аллюзивности художественного текста [Phraseological composition of the English language and the problems of allusively literary text]: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. Москва.
- [2] *Гальперин И.Р.* (1981). Текст как объект лингвистического исследования. [The text as object of linguistic research]. Москва.
- [3] *Деррида Ж.* (1999). «Голос и феномен» и другие работы по теории знака Гуссерля: Пер. с англ. СПб.: Алетейя.
- [4] *Дронова Е.М.* (2004). Проблемы перевода стилистического приема аллюзии в англо-ирландской литературе первой половины XX века [Problems of translation of the stylistic device of allusion in Anglo-Irish literature of the first half of the twentieth century] // Вестник ВГУ. № 1. С. 83—86.
- [5] *Евсеев А.С.* (1990). Основы теории аллюзии (на материале русского языка) [The Basics of the theory of allusion]: автореф. дис. на соискание ученой степени канд. филол. наук: спец. 10.02.04 «Русский язык». М.
- [6] *Ильин И.П.* (1989). Стилистика интертекстуальности. [Stylistics of intertextuality]. Теоретические аспекты // Проблемы современной стилистики. Москва. С. 186—207.
- [7] *Кюсе М.И.* (2002). Лингво-когнитивные аспекты аллюзии: На материале заголовков английских и русских журнальных статей [Linguo-cognitive aspects of allusions: On the material of English and Russian titles of journal articles]: дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.20. Москва.
- [8] *Машкова Л.А.* (1989). Аллюзивность как категория вертикального контекста [Allusivity as a category of vertical context] // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. № 2. С. 25—33.
- [9] *Наумова Е.О.* (2002). Прецедентные тексты в публицистическом дискурсе [Precedent texts in journalistic discourse] // Вестник РУДН. Серия «Русский язык нефилологам. Теория и практика». № 3. М.: Изд-во РУДН. С. 80—84.
- [10] *Тухарели М.Д.* (1984). Аллюзия в системе художественного произведения [The allusion in the system of art works]: дисс. ... канд. филол. наук: 10.01.08. Тбилиси.
- [11] *Baldick C.* (2008). The Concise Oxford Dictionary of Literary Terms. New-York: Oxford University Press.

- [12] *Ben-Porat Z.* (1976). The Poetics of Literary Allusion. PTL: A Journal for Descriptive Poetics and Theory of Literature 1. P. 105—128.
- [13] *Bloom H.* (1975). A Map of Misreading. Oxford: Oxford University Press.
- [14] *Brower R.A.* (1986). Alexander Pope: The Poetry of Allusion. Oxford: Oxford at the Clarendon Press.
- [15] *Cushman S.* (2012). Princeton Encyclopedia of Poetry and Poetics. Princeton, New Jersey: Princeton University Press.
- [16] *Galperin I.R.* (1977). Stylistics. M.: Higher School Publishing House.
- [17] *Perri C.* (1978). On Alluding. Poetics 7. P. 289—307.

ALLUSION AS A STYLISTIC DEVICE IN LITERATURE IN THE ENGLISH LANGUAGE

N.V. Nikashina, N.D. Suprun

Institute of Foreign Languages
Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklay str., 10-2A, Moscow, Russia, 117198
nvnikashina@gmail; comsuprunnata@mail.ru

Based on materials from English literature, the article discusses the localization and functioning of allusion, its basic stylistic functions, and the mechanisms of its origins.

Key words: an allusion, a textual precedent, an intertextuality, an imitative allusion.

ДЕТСКИЙ ВЗГЛЯД НА МИР КАК ФОРМА САМОПРЕЗЕНТАЦИИ В АВТОБИОГРАФИЧЕСКОЙ ПРОЗЕ РУБЕЖА XX—XXI ВВ.

П.А. Щербинина

Витебский государственный университет имени П.М. Машерова

Московский проспект, 33, Витебск, 210038, Беларусь

anilop1988@yandex.by

В статье освещается вопрос о разнообразии форм самопрезентации в художественном тексте, рассматриваются различные элементы данного феномена на материале автобиографических рассказов Л.Е. Миллер. Научная новизна заключается в оригинальном подходе к решению вопроса о формах языковой самопрезентации в современной мемуарной литературе. Автор выявляет новый элемент самопрезентации в автобиографической прозе — детский взгляд на мир, а также выделяет четыре типа данного явления. В статье представлен подробный анализ фрагментов текста, приведенных в качестве примера для каждого типа. Использование детского взгляда на мир в качестве формы самопрезентации помогает писателю глубже раскрыть черты личности, проследить пути их формирования. Статья полезна для дальнейшего изучения и выявления новых форм самопрезентации в автобиографическом дискурсе.

Ключевые слова: автобиографическая проза, детский взгляд на мир, самопрезентация, личность автора, художественный текст, дискурс.

ВВЕДЕНИЕ

Расширение знаний о человеке, являющемся главным объектом гуманитарных наук, не может происходить в полной мере без изучения автобиографических текстов. Теоретик жанра, Ф. Лежён, так определяет суть автобиографии: она «является прозаическим текстом с ретроспективной установкой, посредством которого реальная личность рассказывает о собственном бытии, причем делает ударение именно на своей личной жизни, особенно на истории становления своей личности» [3. С. 111]. Лингвистический интерес к автобиографическому дискурсу вызван тем, что здесь центральное место занимает авторское начало. Взаимодействие человека и языка обуславливается личностью автора, его стремлением к самоанализу и самопрезентации.

Российский исследователь В.А. Янчук трактует самопрезентацию как процесс «осознаваемого или неосознаваемого, целенаправленного или стихийного предъявления определенных аспектов своего „Я“ окружающим, осуществляемый при взаимодействии людей. Это своего рода реализация своего „Я“ по отношению к „Ты“, и тем самым выход за пределы себя самого, за пределы своего внутреннего мира, что и определяет эго-протяженность (границы) самого индивида» [7. С. 45].

Вслед за А.В. Курьянович под самопрезентацией мы понимаем «фрагмент текста, характеризующийся авторской целевой установкой самоподачи, самохарактеризации и самораскрытия» [2. С. 145]. В автобиографическом художествен-

ном произведении самопрезентация принимает особые формы, потому как основным объектом здесь является образ повествователя, смоделированный в соответствии с авторским замыслом.

ФОРМЫ САМОПРЕЗЕНТАЦИИ В АВТОБИОГРАФИЧЕСКОЙ ПРОЗЕ

Самопрезентация автора осуществляется за счет разнообразных средств, в связи с чем различные лингвисты выделяют разные элементы этого феномена в автобиографическом произведении. Так, А.В. Курьянович в своем исследовании речевого жанра самопрезентации утверждает, что в основе названного явления «могут лежать различные коммуникативно-речевые ситуации: портретирования, характеристики, идентификации, этикетного знакомства, узнавания, представления, описания с целью подчеркивания личностной (внутренней и внешней) индивидуальности, описания с целью негативной и позитивной оценки, сопоставления, отстранения, имплицитной просьбы и пр.» [2. С. 145]. Т.П. Понятина, опираясь на вышесказанное, выделяет следующие основные элементы самопрезентации: портретирование, социальная категоризация, психологическая характеристика, обозначение собственной судьбы. Также исследователь говорит о косвенных формах: характеристика автора через других персонажей и взгляд на себя со стороны [5]. Мы поставили цель — проследить, как функционируют предложенные элементы самопрезентации в автобиографической прозе рубежа XX—XXI вв.

Материалом для изучения форм авторской самопрезентации служит первая глава автобиографической книги Л.Е. Миллер «А у нас во дворе» [4. С. 13—93]. Глава носит название «Большая Полянка» и представляет собой цикл из десяти рассказов о детстве автора. Лариса Емельяновна Миллер (1940 г.р.) — поэт, прозаик, эссеист, автор 22 книг стихов и прозы, лауреат многих литературных премий. «Идет счастливой памяти настройка...» [4. С. 9] — так говорит автор о книге, в которой представлены страницы жизни девочки Ларисы: послевоенное московское детство, первая любовь, годы учебы в университете, путь в мир поэзии.

Одним из проявлений самопрезентации в художественном тексте является категория адресованности, при изучении которой необходимо опираться на классификацию повествовательных типов текста.

По мнению Н.С. Валгиной, следует различать речь «собственно-авторскую, если субъектом речи является персонаж текста, и несобственно-авторскую, при которой субъектом речи является вымышленный рассказчик» [1. С. 62]. Австрийский литературовед Ф. Штанцель выделяет следующие повествовательные типы, опираясь на сочетание трех нарративных категорий — лица (служащего показателем тождественности или нетождественности мира нарратора и персонажей), перспективы (внешней и внутренней) и модуса презентации (рассказ или показ):

— аукториальный повествовательный тип: автор-нарратор остается вне повествования, соблюдая временную, пространственную и психологическую дистанции, это повествование от третьего лица;

— Я-повествование: мир нарратора совпадает с миром изображаемого, а сам автор выступает как действующее лицо повествования;

— акториальный (персонажный) повествовательный тип: нарратор устраняется, передавая повествование персонажам. Этот тип характеризуется наличием большого количества прямой речи, наличием «потока сознания» [8. С. 92].

При ауториальном типе связь автора с изображаемым миром устанавливается посредством его роли в повествовании (автор — хроникер, редактор). Автор как бы существует в двух мирах: реальном и вымышленном, давая свои комментарии и оценки происходящему. При Я-повествовании персонаж-нарратор больше других склонен к самовыражению, он и принимает участие в событиях повествования и рассказывает о них. При этом участие и рассказ отделены друг от друга некоторым промежутком времени.

При акториальном типе автор как бы «уходит в тень», делая тем самым сложившуюся повествовательную ситуацию нейтральной. Наиболее четко проследить реализацию самопрезентации автора нам представляется возможным при изучении текстов второго типа, то есть при Я-повествовании. К данному типу и относится книга Л. Миллер «А у нас во дворе».

В процессе исследования материала мы пришли к выводу, что наличие в произведении всех форм самопрезентации, обозначенных выше, не является обязательным. Так, мы не обнаружили портретирования и социальной категоризации, но выявили другие элементы:

1) личностная самохарактеризация автора: *я была нерасторопна и медлительна; я была паинькой и слушалась почти всегда; я не была избалованным ребенком, но однажды потеряла голову.* Мы видим, что автор характеризует себя как «примерного» ребенка;

2) определение собственной участи. Описывая ситуацию, в которой Лариса впервые столкнулась с антисемитскими настроениями в советском обществе конца 1940-х — начала 1950-х гг., автор пишет: *Вот когда я впервые почувствовала себя не такой, как все. Могла ли я думать, что отныне всю жизнь быть мне чужаком и никуда от этого не деться? Нет. О переходе девочки из одной школы в другую автор говорит: Если бы кто-нибудь сказал тогда: «Привыкай к переменам. Эта — не самая страшная. Дальше будет хуже», — разве бы я поверила? Да так никогда и не говорят, хотя это единственное, что можно сказать в утешение.* Автор испытывает досаду из-за невозможности вернуться в прошлое и предупредить, успокоить девочку Ларису, помочь ей принять и понять жизнь такой, как она есть;

3) оценка личности автора «со стороны», не зависящая от мнения писателя: *Когда я входила, она пыталась сосредоточить на мне свой плывущий взгляд и принималась спрашивать, шепелявя и брызгая слюной: «Ну как ты учишься? Хорошо? Правда, хорошо? Ты умная, ты хорошая девочка»; «Отойди от нас. Ты еврейка», — сказала мне самая старшая из дворовых подружек. «А что это такое?» — спросила я. «Евреи — это те, у кого черные волосы. Евреи нехорошие.*

Помнишь, ты меня тихнула, когда у меня нога болела?». В данном примере мы видим двойственный характер отношения общества к Ларисе. С одной стороны, антисемитизм конца 1940-х — начала 1950-х не может не отражаться на поведении некоторой части окружения ребенка, а с другой стороны — в целом положительный образ девочки находит свое отражение в словах близких.

Наличие данных форм самопрезентации в автобиографических рассказах говорит нам о стремлении автора представить себя в нейтральном свете: кроме скупой личностной самохарактеристики в тексте дана характеристика автора от лица других персонажей, что дает возможность читателю сделать собственный вывод о личности писателя.

ДЕТСКИЙ ВЗГЛЯД НА МИР

Кроме вышеперечисленных, мы выявили еще одну форму самопрезентации в автобиографической прозе, представляющую собой фрагмент текста, где автор приводит свои детские представления об окружающей действительности. В таких фрагментах можно наблюдать, как в сознании ребенка преобразуется «взрослая» реальность: важными становятся, на первый взгляд, несущественные детали, совершенно обычные явления наделяются нестандартными качествами, тайны и загадки возникают там, где взрослым людям все достаточно понятно. Мы обозначили данное явление как детский, или наивный, взгляд на мир. Данный элемент самопрезентации, наряду с уже названными, также направлен на самораскрытие личности автора. Движущей силой, обеспечивающей формирование наивного взгляда на мир, является воображение, выступающее «непременным условием становления тех черт личности, которые выражают отношение к себе самому и другим людям» [6. С. 11]. Как и любой опыт, события детства оставляют свой отпечаток в сознании человека. Ребенок, являясь более эмоциональным, чем взрослый, принимает многие обычные явления «близко к сердцу», интерпретирует их по-своему, тем самым создавая свой «мир», порой причудливый и совсем не похожий на реальный.

Среди языковых средств, транслирующих детский взгляд на мир в первой главе книги «А у нас во дворе», преобладают личные местоимения: я (41,67%), мне (20,83%). Далее следуют глаголы со значением интеллектуальной деятельности: казаться (16,67%), знать (4,17%), представлять (4,17%), мечтать (4,17%), решить (4,17%); эмотивные глаголы: переживать (в значении «беспокоиться») (4,17%), жалеть (4,17%).

Мы выделяем несколько разновидностей данной формы самопрезентации, в зависимости от того, на чем базируются детские представления о мире. Так, в первую группу входят высказывания, основанные на **придании мистических свойств окружающей действительности**. Например: *Недалеко от Эрмитажа в одном из переулков жил скорняк, к которому, впервые услышав от мамы это странное слово, я мечтала попасть* — здесь мы видим, как персонаж, еще не имея

понятия о значении слова «скорняк», уже наделяет его некой таинственностью, которая пробуждает интерес в душе маленькой девочки. Фонетический образ слова «скорняк» в сознании ребенка связан, вероятно, с понятием скорости, но никак не с человеком, занимающимся изготовлением и ремонтом меховых и кожаных изделий. Во время визита к скорняку Лариса рассматривает шкаф, в котором хранятся меха: *Казалось, раздвинь их, и попадешь в бесконечный лес шуб, откуда нет возврата.* В обыденной вещи — зеркальном шкафу — ребенок видит ворота в загадочный и опасный мир.

С другой стороны, действительно опасное заболевание соседа по коммунальной квартире не пугает девочку: *Мне казалось, что я с ним как-то таинственно связана, потому что из-за него меня постоянно таскали на пирке и называли «бациллоносителем».* Даже эта таинственная связь с соседом, больным туберкулезом, является неотъемлемой частью незыблемого мира, повлиявшего на становление личности автора.

Следующий пример свидетельствует о нежелании персонажа смириться с несовершенством действительности: *Не в силах расстаться с мыслью об эллинском происхождении Анны Васильевны, я решила сделать ее Персефоной, живущей в царстве Аида, или по крайней мере Деметрой, спустившейся в Тартар, чтоб навестить дочь.* Речь идет об учительнице, преподававшей детям мифы Древней Греции и впечатлившей Ларису настолько, что та самозабвенно верила: Анна Васильевна — жительница Олимпа. Но, однажды побывав в бедном полуподвальном жилище учительницы, девочка столкнулась с жестокой реальностью: оказалось, что даже «небожительница» Анна Васильевна обитает в такой же, как и многие «простые смертные», темной комнатухе. Для поддержания образа, сложившегося в сознании, Лариса придумывает мифическую «биографию» любимому учителю.

Следующая группа представлена высказываниями, в основе которых лежит **преувеличение значимости событий и явлений действительности**. Рассказывая о своих переживаниях по поводу сломанных гипсовых фигурок, украшавших магазин, автор пишет: *Мне казалось непостижимым, что такие нарядные и красивые, они — калеки, инвалиды, как те, что, стояли рядом со мной на костылях и культяках... Не дико ли, что я жалела не живых убогих, которыми кишмя кишел мой тогдашний мир, а безвкусовых раскрашенных кукол и утешалась лишь тем, что мысленно возвращала им руки, а в руки давала все, что могла вообразить, — виноградную кисть, яблоко, кулек любимых конфет-«подушечек».* Этот фрагмент открывает перед читателем парадоксальность детского взгляда на мир: описываемое время действительно было ознаменовано душераздирающими картинами. Люди, покалеченные войной душевно и физически, были огромной частью послевоенной действительности, и девочка, очевидно, привыкнув к реальным страданиям окружающих, испытывала неподдельную жалость к статуэткам, наделяя их чувствами живых.

Еще один пример преувеличения значимости содержится во фрагменте, описывающем следующую ситуацию. Агния Барто, подруга матери автора, предло-

жила главную роль в фильме «Первоклассница» Ларисе, но бабушка сказала свое категорическое нет: «Не дам калечить ребенка! Не позволю ломать ей жизнь!». Эта фраза, как и сама ситуация, остались в памяти девочки не только в преувеличенной, но и искаженной по значению форме: *Каждый раз, когда я смотрела «Первоклассницу», я заново переживала свою трагедию: меня покалечили, мою жизнь сломали; Сидя в темном кинозале, я постоянно испытывала синдром Царевны-лягушки и с трудом подавляла в себе желание сообщить всем и каждому: «Это я, я должна была играть в этом фильме. Это моя роль!»*. Девочка видит большую несправедливость в том, что роль в кинокартине досталась не ей, и все предстает перед ней в еще более трагичной форме: неверно истолкованные слова бабушки заставили Ларису почувствовать себя «жертвой ситуации».

В третью группу элементов самопрезентации в автобиографической прозе, обозначенной нами как детский (наивный) взгляд на мир, входят высказывания, основанные на **акцентировании — подчеркивании автором каких-либо признаков явлений действительности**. Ребенок выделяет один или несколько признаков, объективно незначительных, зачастую надуманных, и считает их главными. Например: *Я не знала, что такое «философ», и долго связывала это слово с бледностью, прыщами и очками*. Такое представление сложилось у Ларисы благодаря внешности друга матери — философа.

Я знала, что умирают, но умирают где-то на другом этаже, в соседнем доме, за воротами. В силу того, что ребенок еще не испытал горя от потери близкого человека, смерть кажется чем-то далеким. Девочка дистанцируется от пугающего явления, предпочитая думать о смерти как о чем-то, происходящем не с ее близкими, но тем не менее «бродящем» неподалеку.

В детстве мне казалось, что смерть коричневого цвета — здесь мы наблюдаем, как ребенок, основываясь на своих впечатлениях, наделяет понятие смерти необычным признаком — цветом. Дело в том, что, впервые столкнувшись с трагедией — гибелью незнакомого мальчика под колесами трамвая — Лариса запомнила смуглую руку ребенка, и коричневый цвет загорелой кожи стал ассоциироваться в детском сознании со смертью.

Примеры из четвертой группы связаны с **наивными представлениями об общественном устройстве**: *Мне даже удалось путем собственных наблюдений прийти к выводу, что ни к чему волноваться и зажмуриваться, когда герои идут по краю пропасти, поскольку летят в нее только рабы и черные, что, впрочем, одно и то же*.

Данная фраза имеет непосредственное отношение к кинокартине «Тарзан», во время просмотра которой у Ларисы возникло такое стереотипное умозаключение. *Я представляла, что сажают только бандитов и воров* — известие об аресте соседа, военного хирурга, впечатлило девочку своей невероятностью, поскольку образ этого человека никак не был связан с образом бандита, существовавшим в сознании ребенка.

Последнее высказывание замыкает круг примеров детского взгляда на мир и перекликается с уже упомянутым в статье образом магазина: *Но я была уверена,*

что он звался «инвалидным» потому, что по обеим сторонам прилавка стояли однорукие скульптурки мальчика и девочки. Скорее всего, магазин получил такое неофициальное название из-за большого количества физически искаленных людей, приходивших сюда. Но, как можно наблюдать в упомянутом ранее примере высказывания, основанного на преувеличении значимости, Лариса так сильно соперживала «горю» фигурок, что искренне верила в то, что «инвалидным» магазин делают именно они, несчастные гипсовые калеки.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Самопрезентация в художественном автобиографическом тексте, в силу разнообразия форм, воздействует на читательскую интерпретацию произведения, в целом влияя на его восприятие. Автор стремится произвести на читателя определенное впечатление, управлять его вниманием. Самопрезентация в автобиографической прозе направлена на изображение личностных качеств автора, его самооценки и оценки от лица других персонажей, что дает возможность изучить языковую личность автобиографа.

Мы полагаем, что использование такой формы самопрезентации, как детский (наивный) взгляд на мир, позволяет автору глубже раскрыть некоторые черты своей личности, проследить пути их формирования. Непосредственность, оригинальность детских суждений о жизни способна привлечь читателя, обезоруживая своей чистотой и наивностью. Приоткрывая двери в мир детства, автор не только погружается в воспоминания о светлой поре, но и приглашает читателя пройти этот путь вместе.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Валгина Н.С. (2003). Теория текста [Theory of text]. М.: Логос.
- [2] Курьянович А.В. (2006). Когнитивная сущность речевого жанра самопрезентации в эпистолярном дискурсе М.И. Цветаевой [Cognitive essence of a speech genre of self-presentation in an epistolary discourse of M.I. Tsvetaeva] // Вестник ТГПУ. № 5. С. 144—150.
- [3] Лежен Ф. (2000). В защиту автобиографии [To the protection of autobiography]. Эссе разных лет // Иностранная литература. 2000. № 4. С. 108—122.
- [4] Миллер Л.Е. (2014). А у нас во дворе [And at us in the yard]. М.: Corpus.
- [5] Понятина Т.П. (2011). Самопрезентация автора-повествователя как составляющий элемент коммуникативной структуры художественного текста [Self-presentation of the author-storyteller as the making element of communicative structure of the literary text] // Вестник ННГУ. № 6—2. С. 527—530.
- [6] Рослякова Е.Е. (2002). Влияние воображения на развитие личности ребенка дошкольного возраста [Self-presentation of the author-storyteller as the making element of communicative structure of the artistic text] // Начальная школа плюс до и после. № 12. С. 11—14.
- [7] Янчук В.А. (2005). Введение в современную социальную психологию. [Introduction to modern social psychology]. Минск: АСАР.
- [8] Stanzel K.F. (1989). Theorie des Erzählens. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1989.

CHILDREN'S VIEW OF THE WORLD AS SELF-PRESENTATION FORM IN AUTOBIOGRAPHICAL PROSE OF THE TURN OF THE XX—XXI CENTURIES

Polina A. Shcherbinina

Vitebsk state university named after P.M. Masherov
Moskovsky Avenue, 33, Vitebsk 210038, Belarus
anilop1988@yandex.by

The question of a variety of forms of self-presentation in the artistic text is taken up, various elements of this phenomenon are considered on the material of autobiographical stories by L.E. Miller. Scientific novelty consists in original approach to the solution of a question of forms of language self-presentation in modern memoirs literature. The author reveals a new element of self-presentation in autobiographical prose — a children's view of the world, and also allocates four types of this phenomenon. The detailed analysis of the fragments of the text given as an example for each type is presented in article. Use of a children's view of the world as a form of self-presentation helps the writer to open the lines of his personality more deeply, to track ways of their formation. Article is useful to further studying and identification of new forms of self-presentation in an autobiographical discourse.

Key words: autobiographical prose, children's view of the world, self-presentation, personality of the author, artistic text, discourse.

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС

УДК 81'373.612.2:32

ГЛОБАЛЬНОСТЬ МЕТАФОРЫ СЕМЬЯ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

А.А. Джиева

МГУ им. М.В. Ломоносова

Ленинские Горы, 1, Москва, Россия, 119991

Alecia28@yandex.ru

О.Ф. Стрельникова

МГИМО(У) МИД РФ

пр-кт Вернадского, 76, Москва, Россия, 119454

strelnikova.olgastrelnikova@gmail.com

Статья посвящена особенностям функционирования метафоры семьи в англоязычном политическом дискурсе. Теория Аристотеля о трех компонентах публичной речи: пафосе, логосе и этосе — находит применение в современной политической риторике, позволяя говорить о преимущественной реализации компонента «пафос» в текстах выступлений, избылиующих метафорами, и реализации компонента «этос» в текстах, где присутствует метафора семьи. Метафора семьи, таким образом, получает особое значение в публичной речи.

Ключевые слова: глобальность; публичная речь; метафора семьи; пафос; логос; этос; политический дискурс.

ГЛОБАЛЬНОСТЬ МИРА

Современный мир по определению глобален: развитие современных технологий и средств массовой коммуникации, распространение английского языка как *lingua franca*, общность глобальных вызовов и проблем — все это неотъемлемые характеристики сегодняшнего мира. Изменились средства и способы общения, но неизменной остается роль публичной речи и риторики в жизни современного человека. Следует отметить, что умения и навыки построения публичной речи и выступления с ней ценились уже в древности. Еще Аристотель, заложивший основы риторики, выделил и сформулировал ее основные принципы, лежащие в основе современной науки о построении речи.

ОСНОВНЫЕ КОМПОНЕНТЫ ПУБЛИЧНОЙ РЕЧИ

Аристотель выделил три основных компонента публичной речи: *pathos* (пафос — «чувство, воодушевление, вложенное в речь»), *ethos* (этнос — «нравственное начало») и *logos* (логос — «мысль, заключенная в речи») [1. С. 148]. Пафос — это эмоциональный компонент, логос — то, насколько логично оратор излагает свои мысли. Компонент *ethos* — это один из важнейших компонентов публичной речи, это научный потенциал человека, то, насколько ему можно верить. В зависимости от типа публичной речи может меняться доминанта.

В политической риторике, и в частности в публичной речи, особую роль играет метафора: она воздействует на эмоциональную сферу реципиента, способствуя реализации того компонента, который в теории Аристотеля называется пафосом. Метафора воздействует не на разум, а на чувства, однако не следует отрицать логичность метафоры: «Недостаточность логики в обыденном языке восполняется использованием метафор. Логичность и метафоричность текста — это два дополняющих друг друга его проявления» [4. С. 1]. Что касается этоса, то некоторые метафоры напрямую связаны с этим компонентом публичной речи, и в дальнейшем мы остановимся на нем подробнее.

МЕТАФОРА

Что же такое метафора? Как отмечает А.П. Чудинов, «при традиционном подходе, который берет начало в трудах Аристотеля, метафора понималась как перенос названия с одного предмета на другой, в чем-то сходный с первым» [6. С. 122]. Н.Д. Арутюнова предлагает следующее определение: метафорой в широком смысле «может быть назван любой способ косвенного выражения мысли» [4. С. 296]. В предисловии к книге Дж. Лейкоффа «Метафоры, которыми мы живем» А.Н. Баранов подробно останавливается на процессе метафоризации [3. С. 9]: «Метафоризация основана на взаимодействии двух структур знаний — когнитивной структуры «источника» (*source domain*) и когнитивной структуры «цели» (*target domain*). В процессе метафоризации некоторые области цели структурируются по образцу источника, иначе говоря, происходит «метафорическая проекция» (*metaphorical mapping*) или «когнитивное отображение» (*cognitive mapping*)). Процесс метафоризации делает возможным размышление об одном предмете в терминах другой области, например, о споре в терминах войны или танца [3. С. 26—27]. По тонкому замечанию Н.Д. Арутюновой, «метафора не только формирует представление об объекте, она также предопределяет способ и стиль мышления о нем» [4. С. 13].

Многие исследователи признают, что «метафора — вездесущий принцип языка» [4. С. 45]. В видеолекции «Public Speaking in Action» один из авторов статьи А.А. Джиоева цитирует слова знаменитого психолога Виктора Франкла, инструктора, занимающегося подготовкой пилотов: «Если Вы хотите долететь до определенной точки, то Вам следует стараться долететь выше, потому что встречный ветер будет мешать Вам. Если Вы не будете стремиться попасть выше, из-за

встречного ветра Вы окажетесь ниже, чем изначально планировали» [2]. Этот пример, построенный на ориентационной метафоре «хорошее ориентировано наверх» [3. С. 42], наглядно демонстрирует когнитивные возможности метафоры. Метафора позволяет воздействовать на эмоции слушателей, то есть способствует реализации того компонента, который в теории Аристотеля называется «пафос».

МЕТАФОРА СЕМЬИ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ РИТОРИКЕ

Особую роль в политической риторике играет метафора семьи. Ф. Риготти отмечает: «Нация как семья — „это одна из старейших и наиболее распространенных политических аналогий, которая реализуется в языке с помощью метафор, и которая состоит в отождествлении составных частей политической, национальной или международной систем с отдельными членами семьи и рассмотрении существующих отношений внутри этих систем как родственных отношений“» [12. С. 74] [*перевод наш* — О.С.]. Г.Г. Хазагеров также говорит о метафоре семьи в политической риторике: «„Отец“ — это инвариантная характеристика всякой авторитарной власти. Это слово подразумевает, что государство строится по аналогии с большой семьей, где есть старший, наделенный высшей властью и отвечающий за все» [5. С. 25].

Метафора семьи имеет особое значение в публичной риторике, потому что отражает прием, связанный с **family psychology** [2]. Семейные ценности универсальны, важны, кажутся родными и близкими для каждого. Именно поэтому использование метафоры семьи в риторике работает на тот компонент, который называется этосом, и обеспечивает успех публичного выступления [2].

МЕТАФОРА СЕМЬИ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ РИТОРИКЕ: ПРИМЕРЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ

Последовательное изучение текстов выступлений Президента Обамы дает возможность понять всю важность метафоры семьи в политической риторике. Метафора семьи всеобъемлюща, универсальна, важна, она востребована как в русской [7], так и в американской риторике. Поскольку объектом нашего исследования является англоязычный политический дискурс, то мы анализируем примеры употребления метафоры семьи на материале англоязычной риторики безотносительно к оценке политического курса США и их Президента Барака Обамы на сегодняшний день, который не вызывает у нас, как и у многих, позитивной оценки. Данный материал исследуется с чисто лингвистической точки зрения. Приведем несколько примеров.

С речью «State of the Union address 2009» [9] Президент Барак Обама выступает во времена затяжного банковского кризиса и рецессии. Президент подчеркивает единство нации посредством использования инклюзивного местоимения «we»: «*We will rebuild, we will recover, and the United States of America will emerge stronger than before*». Метафоры семьи как таковой в тексте нет, но ближе к концу текста

Президент призывает рядовых американцев заняться образованием своих детей — призывает их к этому не как президент, а как отец: «*I speak to you not just as a President, but as a father when I say that responsibility for our children's education must begin at home*». И далее: «*There is, of course, another responsibility we have to our children*». В следующих высказываниях Президент несколько раз повторяет мысль об ответственности перед следующими поколениями американцев, подчеркивая, таким образом, единство нации как семьи. «*In order to save our children from a future of debt...*»; «*...even in the most trying times, amid the most difficult circumstances, there is a generosity, a resilience, a decency, and a determination that perseveres; a willingness to take responsibility for our future and for posterity*». В самом конце текста, в сильной коммуникативной позиции повторяется мысль о будущих поколениях американцев, которые с благодарностью вспомнят дела своих отцов: «*...then someday years from now our children can tell their children that this was the time when we performed, in the words that are carved into this very chamber, something worthy to be remembered*».

Нам представляется, что в своей речи Президент незаметно переходит от буквального значения слова «отец», когда он говорит о своей семье, к фигуральному значению этого слова, когда он обращается к гражданам страны как отец нации.

В тексте выступления Барака Обамы (State of the Union Address, 2010) [9] ему удастся с помощью разнообразных стилистических приемов сформировать у слушателей образ президента как строгого, но справедливого отца. Говоря о дефиците бюджета, Барак Обама обращается к метафоре семьи: «*Like any cash-strapped family, we will work within a budget to invest in what we need and sacrifice what we don't. And if I have to enforce this discipline by veto, I will*» («Строгий Отец» отвечает в «семье» за все решения).

Использование онтологической метафоры «страна — это человек», когда страны Корея и Иран оказываются «непослушными детьми», которых нужно наказать за плохое поведение (введя санкции), только усиливает это впечатление. Развертывающаяся в тексте доминантная метафора семьи выполняет, таким образом, текстообразующую функцию: «*Now, these diplomatic efforts have also strengthened our hand in dealing with those nations that insist on violating international agreements in pursuit of nuclear weapons. That's why North Korea now faces increased isolation, and stronger sanctions...*» (наказание за «непослушание»); «*And as Iran's leaders continue to ignore their obligations, there should be no doubt: They, too, will face growing consequences. That is a promise*» («Строгий Отец» снова грозит наказанием за «непослушание»).

В обращении «State of the Union address 2011» [9] доминантной является метафора соревнования, но метафора семьи, вследствие своей близости к началу текста, играет в нем важную роль. Также следует отметить наличие дихотомии «свой—чужой», которое только усиливает идею сплоченности американской нации: «*...no matter who we are or where we come from, each of us is a part of something greater — something more consequential than party or political preference. We are part of the American family. We believe that in a country where every race and*

faith and point of view can be found, we are still bound together as one people... That, too, is what sets us apart as a nation». Ближе к концу текста в сильной коммуникативной позиции Президент США повторяет мысль о сплоченности американской нации, включая в круг семьи и мусульман.

Метафора семьи, таким образом, имеет большое значение в тексте, позволяя формировать представление о американцах, исповедующих ислам, как о «своих»: *«And as extremists try to inspire acts of violence within our borders, we are responding with the strength of our communities, with respect for the rule of law, and with the conviction that American Muslims are a part of our American family»*. Важное место в тексте имеет идея преемственности, когда американцы как нация должны передать свои ценности и достояние следующим поколениям: *«We measure progress by the success of our people... By the opportunities for a better life that we pass on to our children»*.

В обращении «State of the Union address 2012» [9] доминантной является игровая метафора, но метафора семьи также находит свое отражение во фрейме: «Америка — это общий дом»: *«So much of America needs to be rebuilt»; «An America built to last insists on responsibility from everybody»; «That's how we'll reduce our deficit. That's an America built to last»*. Использование параллельной конструкции в тексте (повторение метафоры) акцентирует внимание публики на идее строительства и необходимости кропотливой совместной работы для процветания страны: *«I'm a Democrat. But I believe what Republican Abraham Lincoln believed: That government should do for people only what they cannot do better by themselves, and no more»*. Этот пример позволяет говорить о таких отношениях между государством и гражданами, где государство выступает в качестве «Строгого отца». Такой подход, согласно Дж. Лакоффу, присущ республиканцам [8], но Барак Обама подписывается под словами Авраама Линкольна, демонстрируя таким образом близость своих идей обеим партиям.

В обращении «State of the Union address 2013» [9] присутствует множество морбиальных метафор, а также метафор, где сферой-мишенью является «механизм». Метафора семьи реализуется в тексте через фрейм «члены семьи»: *«We will draw upon the courage and skills of our sisters and daughters and moms...»*.

В обращении «State of the Union address 2014» [9] можно найти фразовый глагол *wean off*, актуализирующий лексему «дитя» — Америка представляется младенцем, которого отнимают от груди («зарубежной нефти»), то есть общим для всех американцев детищем: *«An autoworker fine-tuned some of the best, most fuel-efficient cars in the world, and did his part to help America wean itself off foreign oil»*. В речи Президента находит отражение мысль о единстве народа. Барак Обама приводит несколько примеров семей рядовых американцев; эта идея плавно перетекает в метафору семьи, где ее главой является Президент страны. Эта метафора в дальнейшем разворачивается в тексте, переходя в метафору «Америка — наш общий дом»: *«And in tight-knit communities across America, fathers and mothers will tuck in their kids, put an arm around their spouse, remember fallen*

comrades, and give thanks for being home from a war that, after twelve long years, is finally coming to an end». Президент США также подчеркивает необходимость помнить об ответственности перед будущими поколениями американцев. Это подтверждается следующими примерами: 1. «*And while we're at it, I'll use my authority to protect more of our pristine federal lands for future generations*»; 2. «*Climate change is a fact. And when our children's children look us in the eye and ask if we did all we could to leave them a safer, more stable world, with new sources of energy, I want us to be able to say yes, we did*»; 3. «*As a parent as well as a President, I repeat that request tonight*. 4. «*The bottom line is, Michelle and I want every child to have the same chance this country gave us*». Ближе к концу текста: «*The America we want for our kids — a rising America where honest work is plentiful and communities are strong...*».

Далее в тексте Президент прямо говорит об американской нации как о семье, которую объединяют традиции и которая несет ответственность перед следующим поколением американцев: «*...we can pursue our individual dreams, but still come together as one American family to make sure the next generation can pursue its dreams as well*». Президент обращается к рядовым американцам, подчеркивая свое равнодушие к судьбам отдельных людей, называя своих сограждан «сыновьями и дочерьями», выступая, таким образом, в образе «Отца нации»: «*But I will not send our troops into harm's way unless it's truly necessary; nor will I allow our sons and daughters to be mired in open-ended conflicts*».

Проведенный анализ текстов выступлений Президента Барака Обамы позволяет отметить особую роль метафоры семьи в политической риторике. Метафора семьи позволяет выразить идею о сплоченности нации перед лицом кризиса, включить в «семейный круг» представителей разных национальностей и противопоставить свою семью «чужим» — другим странам и нациям.

Следует отметить, что случаи использования метафоры семьи нередки не только в публичных выступлениях политиков, но также и в журналистских статьях. Приведем примеры такого использования: В статье «*Putin's Latest Moves Tip the Balance of Power Toward Russia*» [10] с помощью антропоморфной метафоры «страна — это человек» автор дает читателям представление об отношениях между странами. Молдавия становится «*the baby of the family*», которого, по мысли автора, ЕС должен баловать (*coddle* — ‘нежить’) и согреть, чтобы показать Украине, как много она теряет: «*So the E.U.'s best option at this point is to salvage what's left of its Eastern Partnership initiative, the mechanism it has been using to pull former Soviet states closer to the West. With Ukraine lost, the main consolation prize now becomes Moldova, the poorest country in Europe. 'So regardless of the European Partnership, Europeans now need to coddle and warm Moldova as much as they can, to show how much Ukraine is losing out', says Fyodor Lukyanov*».

В другой статье Олимпийские игры в Сочи метафорически называются *ребенком* Президента России В.В. Путина. Этот образ появляется в статье еще раз, когда журналист подчеркивает хрупкость данного проекта, говоря о вопросах

безопасности во время игр: «*In whispers, his bodyguard warns me not to interrupt. 'He [Putin] considers these Games his baby', Chernyshenko tells me afterward. 'So it's natural that he's taking care of them himself. (...) But the attention Putin has lavished on 'his baby' has also made it an enormously tempting target for his enemies*» [11].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенный анализ позволяет говорить об особой роли метафоры в политической риторике: метафора воздействует на эмоциональное состояние слушателей и, таким образом, способствует реализации компонента публичной речи, именуемого пафосом. Метафора семьи занимает особое место среди метафор в публичной речи. Такая метафора служит цели объединения нации перед лицом кризиса, включения в ближний круг представителей разных национальностей и вероисповеданий, противопоставления своей нации как семьи другим нациям-семьям.

Метафора семьи способствует преимущественной реализации того компонента, который в теории Аристотеля называется этосом. Нельзя не отметить, что такое значение метафора семьи приобретает благодаря глобальности мира и глобальности истинных ценностей, которые кажутся родными и близкими для каждого. На примере выступлений Барака Обамы становится очевидным, что использование метафоры семьи способствует установлению мостов доверия между говорящим и аудиторией. Таким образом, близость феномена семьи людям в принципе, в том числе американцам, очень успешно используется американскими политиками и как средство манипуляции публикой и избирателями.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Джиоева А.А. (2011). Фундаментальные основы публичной речи [Fundamentals of public speaking]. Москва: Айрис-пресс.
- [2] Джиоева А.А. Public Speaking in Action: Мастер-класс по публичной речи: <http://www.youtube.com/watch?v=KgCaIh3bYPs>.
- [3] Лакофф Д., Джонсон М. (2008). Метафоры, которыми мы живем [Metaphors We live By] / пер. с англ.; под ред. и с предисл. А.Н. Баранова. 2-е изд. Москва: Издательство ЛКИ.
- [4] Теория метафоры: сборник (1990). [Theory of Metaphor: Collected Papers] / вступ. ст. и сост. Н.Д. Арутюновой; общ. ред. Н.Д. Арутюновой и М.А. Журиной. М.: Прогресс.
- [5] Хазагеров Г.Г. (2006). Партия, власть и риторика [Party, Power, Rhetoric]. Москва: Европа.
- [6] Чудинов А.П. (2012). Политическая лингвистика: учебное пособие [Political Linguistics: Textbook]. 4-е изд. Москва: Флинта: Наука.
- [7] Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991—2000): <http://www.philology.ru/linguistics2/chudinov-01.htm#230>.
- [8] Lakoff, G. Metaphor, Morality, and Politics, or, Why Conservatives Have Left Liberals in the Dust. <http://www.wgcd.org/issues/Lakoff.html>.
- [9] Peters, G. State of the Union Addresses and Messages: <http://www.presidency.ucsb.edu/sou.php>.
- [10] Shuster, S. Putin's latest moves tip the balance of power toward Russia: <http://world.time.com/2013/12/21/putins-latest-moves-tip-the-balance-of-power-toward-russia>.
- [11] Shuster, S. Sochi's sixth ring: <http://time.com/2849/the-sixth-ring>.
- [12] Tjarks, A. (2011). Familienbilder gleich Weltbilder, Wie familiaere Metaphern unser politisches Denken und Handeln bestimmen. Wiesbaden.

GLOBALITY OF FAMILY METAPHOR IN POLITICAL DISCOURSE

Alecia A. Jioeva

Moscow State University n.a. M.V. Lomonosov
Leninskiye Gory, 1, Moscow, Russia, 119991
Alecia28@yandex.ru

Olga F. Strelnikova

Moscow State Institute of Foreign Affairs (University), MFA, RF
Vernadsky ave., 76, Moscow, Russia, 119454
strelnikova.olgastrelnikova@gmail.com

The article is devoted to the peculiarities of functioning of the family metaphor in English political discourse. Aristotle's theory on the three components of a public speech: pathos, logos and ethos — is applied in modern political rhetoric, where "pathos" is achieved in addresses which abound in metaphors, and «ethos» is achieved in texts through the use of the family metaphor. Thus, the family metaphor plays a major role in public speaking.

Key words: globality; public speaking; the family metaphor; pathos; logos; ethos; political discourse.

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ИМИДЖА ПОЛИТИКА В ПРЕДВЫБОРНОЙ ГОНКЕ: ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ

Е.Д. Буцык

Московский государственный институт
международных отношений (университет) МИД России
пр. Вернадского, 76, Москва, Россия, 119454
l.butsyk@yandex.ru

Статья посвящена вопросу о влиянии гендерного фактора на формирование имиджа политического лидера. Материалом для исследования послужили предвыборные дебаты 2008 г. между кандидатами в вице-президенты США Сарой Пэйлин и Джоозефом Байденом. Научная ценность статьи заключается в детальной проработке особенностей употребления языковых средств политиками и их интерпретация с точки зрения создания женщиной и мужчиной положительного имиджа. В качестве структурных компонентов имиджа рассматриваются несколько традиционных для американского политического дискурса коммуникативных микроролей самопрезентации. Далее автор анализирует тактические приемы, используемые политиками в ходе своего выступления и создаваемые ими образы, наиболее подробно останавливаясь на логическом и эмоциональном компонентах выступления кандидатов в вице-президенты. Основные выводы сводятся к тому, что речь обоих политиков соответствует гендерным ожиданиям в отношении речевого поведения мужчины и женщины. В частности, кандидат-женщина более активно актуализирует тему «семьи» и использует эмоционально-выраженный стиль выступления, в то время как для кандидата мужчины характерны акцент на логику и четкость и эмоционально-нейтральный стиль речи.

Ключевые слова: имидж, политический дискурс, коммуникативная микророль, гендер, эмоционально-выраженный и эмоционально-нейтральный стиль.

При рассмотрении политического дискурса важным компонентом является имидж политика. По мнению С.Г. Кара-Мурзы, имидж — это «специально выстроенный в ходе целой программы действий стереотипный образ политика или общественного деятеля. В имидже главное не то, что есть в реальности, а то, что мы хотим видеть, что нам нужно» [5. С. 142]. Целью данной статьи является рассмотрение особенностей формирования имиджа политиков, мужчины и женщины, на материале предвыборных дебатов 2008 г. между кандидатами в вице-президенты США республиканкой Сарой Пэйлин, губернатором штата Аляска, и демократом Джоозефом Байденом, сенатором США от штата Делавэр.

Предвыборные дебаты 2008 г. стали первыми теледебатами вторых лиц президентской гонки в истории США, а Сара Пейлин — первой женщиной, баллотировавшейся на пост вице-президента США. Дуэль Пэйлин и Байдена вызвала огромный интерес американской публики, а число посмотревших дебаты превысило число зрителей предвыборных дебатов между кандидатами в президенты Бараком Обамой и Джоном МакКейном. Дебаты между Пэйлин и Байденом представляют собой интересный материал для исследования особенностей формиро-

вания имиджа успешного политика и достойного кандидата в вице-президенты с точки зрения влияния гендерного фактора. По сути, дебаты представляют собой «обсуждение общественно важных проблем с формированием различных точек зрения на них» [2. С. 425] и подразумевают, в первую очередь, спонтанную речевую деятельность говорящих. Именно спонтанная речь, а не подготовленный спичрайтерами и зачитываемый текст, проявляет присущие самим говорящим особенности использования тех или иных языковых средств и речевых стратегий, что крайне важно при изучении гендерных характеристик мужской и женской речи в политическом дискурсе.

Обратимся к структуре имиджа кандидатов в вице-президенты. В последних исследованиях американского политического дискурса среди основных имиджевых компонентов часто упоминаются коммуникативные ценностно-личностные микророли самопрезентации, соответствующие активным ожиданиям людей, или стереотипам массового сознания [4]. Одной из типичных коммуникативных ценностно-личностных микроролей самопрезентации политиков США является микророль «Заботливый семьянин» (*Caring family man*) и апелляция к семейным ценностям с целью создания положительного имиджа политика.

Мы проанализировали, насколько часто кандидаты в вице-президенты используют существительные, входящие в лексико-семантическую группу **семья**. Выяснилось, что оба политика активно обращаются к данной тематике в своей речи и используют слова, являющиеся элементами семантического поля **семья** (Байден — 31 раз, Пэйлин — 38 раз). На фоне относительно схожих показателей есть несколько особенностей, в частности слово *family*, являющееся ядром группы, используется Пэйлин в 3 раза чаще, чем ее оппонентом. Кроме того, в речи губернатора Аляски мы обнаруживаем большее разнообразие элементов, входящих в поле **семья**: помимо близких к ядру элементов, таких как *mother, father, parent, child, son, kid, wife*, в речи Пэйлин присутствует и более периферийный вариант — *grandma*, что на имиджевом уровне укрепляет образ кандидата, дорожающего своей большой и дружной семьей. Очевидно, более экспрессивное и намеренное акцентирование темы семьи кандидатом-женщиной может свидетельствовать о стремлении соответствовать гендерным ожиданиям, так как традиционно именно женщина считается хранительницей семейного очага.

Кандидаты рассказывают о своих семьях и окружении, апеллируя к родительским чувствам, эмоциям простых людей, беспокоящихся за будущее своей семьи и детей. Как отмечает А.А. Джиева, «одна из самых действенных стратегий для завоевания доверия публики — показать политику, что он похож на них, что у него одинаковые с ними заботы и проблемы, что он — „один из них“» [3. С. 334]. Тактика Пэйлин заключается в том, чтобы ассоциировать себя и свою семью со *средним классом*, показать, что ей пришлось пройти через те же испытания, что выпадают на долю простых американцев и завоевать таким образом их симпатии:

In the middle class of America which is where Todd and I have been all of our lives, that's not patriotic.

My kids as public school participants right now, it's near and dear to my heart.

I come from a house full of school teachers. My grandma was, my dad who is in the audience today, he's a schoolteacher, had been for many years. My brother, who I think is the best schoolteacher...

We're going to fight for the middle-class, average, everyday American family like mine.

Being a mom, one very concerned about a son in the war, about a special needs child, about kids heading off to college, how are we going to pay those tuition bills? About times and Todd and our marriage in our past where we didn't have health insurance and we know what other Americans are going through as they sit around the kitchen table [6].

На наш взгляд, приводя информацию о своей семье, о личном опыте, Пэйлин использует прием психологии семейных отношений (family psychology), который очень распространен в американском политическом дискурсе. Губернатор ссылается на человеческий фактор и таким образом устанавливает контакт с аудиторией, так как известно, что искренность повышает уровень доверия к говорящему и, следовательно, его этос, то есть нравственное начало, в глазах электората [1]. Мысль о близости к народу выражается также имплицитно через употребление разговорно-сниженных лексических единиц, служащих описанию явлений типичными для «народной среды» средствами. Образ борца за права американцев среднего класса, выбранный Пэйлин, подкрепляется частым использованием выражений, характерных для разговорного стиля: *I'll bet you...*; *darn right* (в нескольких контекстах); *a heck of...* (в нескольких контекстах); *you know, government, just get out of my way...*; *Say it ain't so, Joe; Now doggone it, let's look ahead...* и т.д. Не случайно губернатор штата Аляска начинает свое выступление с фамильярного приветствия оппонента: «*Hey, can I call you Joe?*», изначально задавая тон всему своему выступлению. Возможно, Пэйлин стремится привлечь симпатии электората, придерживаясь точки зрения, что «лидер должен уметь шутить, импровизировать, быть обаятельным, иметь какие-то особые качества, делающие его близким и понятным миллионам сограждан» [3. С. 335].

Еще одна особенность разговорной речи, стереотипно приписываемая женскому стилю текстопорождения и характерная для Пэйлин — частое употребление модальных ограничителей (hedges), таких как *I think, I guess* и слов-связок (fillers), например, *actually, in fact, now* и др. Анализ фактического материала с точки частотности наиболее типичных fillers и hedges показал, что кандидат-женщина использует модальные ограничители и слова-связки в 1,4 раза чаще, чем кандидат мужчина. Наиболее популярными в речи Пэйлин являются *just, you know, I think*, в речи Байдена — *just* и *well*. Привлекают внимание также наречия *also* и *again*, которыми изобилует речь Пэйлин (более 30 случаев употребления каждого наречия) и которые в большинстве контекстов утрачивают свое лексическое значение и приобретают функцию слов-связок, или паразитов:

A two-state solution is the solution. And Secretary Rice, having recently met with leaders on one side or the other there, also, still in these waning days of the Bush administration, trying to forge that peace, and that needs to be done, and that will be top of an agenda item, also, under a McCain-Palin administration.

Again, John McCain and I, that commitment that we have made, and we're going to follow through on that, getting rid of that corruption.

And Maliki and Talabani also in working with us are knowing again that we are getting closer and closer to that point, that victory that's within sight [6].

Также имплицитно Пэйлин подчеркивает свой образ простой американки — выходца из народа и в непринужденной манере критикует своего оппонента, напрямую обращаясь к нему и намекая на то, что американцам нужны более молодые и современные лидеры:

We're tired of the old politics as usual. And that's why, with all due respect, I do respect your years in the U.S. Senate, but I think Americans are craving something new and different and that new energy and that new commitment that's going to come with reform.

Say it ain't so, Joe, there you go again pointing backwards again. You preferenced your whole comment with the Bush administration. Now doggone it, let's look ahead and tell Americans what we have to plan to do for them in the future [6].

В речи Байдена, напротив, отсутствуют элементы фамильярного обращения к оппоненту и разговорного стиля, за исключением нескольких выражений, например, *guess what* (несколько раз), *bucks, I'd feel like a jerk*. В данном случае выступление сенатора соответствует стереотипным представлениям о большей сдержанности мужской речи. Тем не менее, Байден все же приводит несколько фактов из личного опыта и подхватывает образ «простых американцев, обсуждающих проблемы за кухонным столом»:

Look, I understand what it's like to be a single parent. When my wife and daughter died and my two sons were gravely injured, I understand what it's like as a parent to wonder what it's like if your kid's going to make it.

I understand what it's like to sit around the kitchen table with a father who says, "I've got to leave, champ, because there's no jobs here. I got to head down to Wilmington. And when we get enough money, honey, we'll bring you down." [6].

Хоть и в меньшем объеме, сенатор делится с аудиторией своими личными переживаниями и опытом, стремясь добавить «человеческий фактор» в свою речь. Однако, более ярким образом в имидже Байдена выступает в данном контексте скорее образ **успешного и процветающего политика-патриота, гордящегося своим происхождением**:

We don't call a redistribution in my neighborhood Scranton, Claymont, Wilmington, the places I grew up...

Look, all you have to do is go down Union Street with me in Wilmington or go to Katie's Restaurant or walk into Home Depot with me where I spend a lot of time and you ask anybody in there whether or not.

Look, the people in my neighborhood, they get it. They get it. They know they've been getting the short end of the stick. So walk with me in my neighborhood, go back to my old neighborhood in Claymont, an old steel town or go up to Scranton with me.

I get a good salary with the United States Senate. I live in a beautiful house that's my total investment that I have. So I — I am much better off now [6].

В противовес близости к народу Байден стремится ассоциироваться у электората с **четкостью, стабильностью и уверенностью в завтрашнем дне**, используя следующие приемы:

1) Ключевым эпитетом всего выступления политика является прилагательное **fundamental** и его дериваты, упоминаемые в различных контекстах более 10 раз: *a need for fundamental change in our economic philosophy, the fundamental change Barack Obama and I will bring, in terms of fundamental accomplishments* и т.д.

2) В качестве аргументов политик стремится приводить факты и цифры:

Now, let's look at the facts. We have 3 percent of the world's oil reserves. We consume 25 percent of the oil in the world. John McCain has voted 20 times in the last decade-and-a-half against funding alternative energy sources, clean energy sources, wind, solar, biofuels.

No one making less than \$250,000 under Barack Obama's plan will see one single penny of their tax raised [6].

3) Частое использование стилистического приема антитезы:

Nine o'clock, the economy was strong. Eleven o'clock that same day, two Mondays ago, John McCain said that we have an economic crisis.

John McCain has been dead wrong. I love him. As my mother would say, god love him, but he's been dead wrong on the fundamental issues relating to the conduct of the war. Barack Obama has been right. There are the facts [6].

4) Большое количество прилагательных в превосходной степени, придающих речи категоричность (в речи Байдена их в 2,3 раза больше, чем в речи Пэйлин).

5) На грамматическом уровне отмечается частое использование прямой речи, что также создает эффект четкости и прямолинейности (Байден — 14 случаев использования прямой речи, Пэйлин — 5):

When we kicked along with France, we kicked Hezbollah out of Lebanon, I said and Barack said, "Move NATO forces in there. Fill the vacuum, because if you don't know — if you don't, Hezbollah will control it".

And John said I'm not going to fund the troops if in fact there's a time line [6].

6) Обилие связующих элементов в речи, обеспечивающих когезию аргументационной структуры выступления, а именно: *First of all* (дважды), *Secondly, Thirdly, Lastly, And so as a consequence of that, Number one... Number two* (5 случаев использования), *The last point I'll make*.

Анализируя выступление кандидата-женщины с точки зрения четкости аргументации, можно обнаружить лишь такие связующие элементы как *First and foremost, First* и уже упоминавшиеся слова-связки *also* и *again*. Сара Пэйлин скорее стремится к эмоционально-выраженному стилю выступления, формирующемуся за счет следующих приемов:

1) Частое употребление наречий-усилителей. В течение дебатов кандидаты использовали более 15 всевозможных наречий-усилителей, наиболее частотными из которых являются в речи Пэйлин — *so, really*, в речи Байдена — *absolutely*, в ре-

чи обоих кандидатов — *very*. По разнообразию наречий не обнаруживается заметных расхождений, но общее количество усилителей в 1,3 раза выше в речи кандидата-женщины, что делает ее выступление более эмоциональным и является одним из инструментов воздействия на аудиторию:

*An armed, nuclear armed especially Iran is **so extremely** dangerous to consider.*

*And you had supported John McCain's military strategies **pretty** adamantly until this race and you had opposed **very** adamantly Barack Obama's military strategy, including cutting off funding for the troops that attempt all through the primary [6].*

2) Повтор прилагательных и наречий. Лексический повтор как один из приемов ораторского искусства также повышает степень эмоционального воздействия выступления. В проанализированных речах Пэйлин прибегает к лексическому повтору прилагательных и наречий, в особенности наречий-усилителей, в 3 раза чаще, чем Байден:

*...allowing domestic supplies of energy to be tapped into and start flowing into these **very, very** hungry markets.*

*And such a **reckless, reckless** comment and untrue comment, again, hurts our cause.*

*We cannot afford to lose against al Qaeda and the Shia extremists who are still there, still fighting us, but we're getting **closer and closer** to victory [6].*

3) Использование эмфатических конструкций. На грамматическом уровне отмечается высокая интенсивность употребления обоими политиками различных синтаксических конструкций с целью акцентировать ту или иную информацию и повысить экспрессивность своего выступления. По общему количеству использования моделей эмфазы, речь Пэйлин более экспрессивна:

— дублирование глагола-связки *do/did* перед смысловым глаголом (Байден — 7 случаев, Пэйлин — 9):

*But we **do need** tax relief and Barack Obama even supported increasing taxes as late as last year for those families making only \$42,000 a year. [6] (Пэйлин).*

*He **did support** deregulation almost across the board. That's why we got into so much trouble. [6] (Байден)*

— инверсия (Байден — 5 случаев, Пэйлин — 2):

*And the ways that we're offering are not being supported by the Bush administration **nor do I believe by John McCain and Gov. Palin.** [6] (Байден).*

*It's not the American peoples fault that the economy is hurting like it is, but we have an opportunity to learn a heck of a lot of good lessons through this and say **never again will we be taken.***

— эмфаза с использованием моделей типа *it is/was... that/who..., what... is..., it's time smb did smth...* (Байден — 6 случаев, Пэйлин — 10):

*And, lastly, **what you have to do is make sure** that CEOs don't benefit from this, because this could end up, in the long run, people making money off of this rescue plan. [6] (Байден).*

Darn right it was the predator lenders, who tried to talk Americans into thinking that it was smart to buy a \$300,000 house if we could only afford a \$100,000 house. [6] (Пэйлин).

В завершение рассмотрения особенностей формирования имиджа кандидатов в вице-президенты необходимо упомянуть еще об одной коммуникативной микророли, дополняющей имидж каждого из них, вне зависимости от гендера, а именно о микророли **набожного человека** (Pietist). Большинство американского населения набожно, и открытое проявление веры в Бога политиками создает положительный образ в глазах электората. Для американского политического дискурса в целом характерно упоминание Бога, взывание к Нему и ссылки на цитаты из Библии.

Анализ случаев использования кандидатами языковых средств, входящих в лексико-семантическое поле концепта «Бог», показывает, что и Пэйлин, и Байден активно актуализируют имидж набожности, используя лексику с соответствующей ценностной коннотацией в одинаковом объеме. При этом Байден более склонен использовать ядерную лексему «*God*»: *pray God, God love him, God forbid, May God bless all of you, may God protect our troops*. Даже говоря о предвыборной программе кандидата в президенты Джона МакКейна в сфере здравоохранения, Байден критикует ее через интертекстуальную ссылку на Библию:

Now, with regard to the health care plan, you know, it's with one hand you giveth, the other you take it. [6],

и добавляет:

As my mother would say, god love him, but he's been dead wrong on the fundamental issues [6].

Тем самым подчеркивается не только набожность самого Байдена, но и его матери. Завершая свое выступление, сенатор еще раз актуализирует сразу две микророли, семьянин и набожный человек:

Ladies and gentlemen, my dad used to have an expression. He'd say, "champ, when you get knocked down, get up".

Well, it's time for America to get up together. America's ready, you're ready, I'm ready, and Barack Obama is ready to be the next president of the United States of America.

May God bless all of you, and most of all, for both of us, selfishly, may God protect our troops [6].

В речи Пэйлин чаще встречаются лексемы «*bless*» и «*heaven*»: *bless their hearts, god bless her, we are so blessed, heaven forbid, Her reward is in heaven, right?* И однократно упоминается Бог напрямую: *And, thank God, I know what the joys are.*

Итак, рассмотрев некоторые лексические и грамматические особенности выступлений кандидатов в вице-президенты США, женщины и мужчины, с точки зрения формирования имиджа достойного кандидата и политического лидера, мы можем сделать несколько выводов:

1) Оба кандидата активно актуализируют коммуникативную микророль **заботливого семьянина**. При этом Сара Пэйлин, используя как ядерные, так и пе-

риферийные элементы семантического поля «семья», более активно акцентирует свою преданность семейным ценностям. На наш взгляд, это объясняется тем, что кандидат-женщина стремится соответствовать гендерному стереотипу, согласно которому именно женщина считается хранительницей семейного очага.

С другой стороны, практически нет расхождений в использовании кандидатами лексики, принадлежащей к семантическому полю **Бог** и актуализации микророли **набожного человека**, что, очевидно, объясняется тем обстоятельством, что категория **Бога** универсальна и не связана с гендерными ожиданиями в отношении речевого поведения политиков.

2) Сара Пэйлин стремится ассоциировать себя со средним классом и создать имидж кандидата «от народа», открытого и близкого к нуждам среднего класса, выходца из простой американской семьи. Имидж кандидат создает как эксплицитно, через ссылки на свое происхождение, семью и жизненный опыт, так и имплицитно, с помощью использования разговорно-сниженной лексики, обилия модальных ограничителей, слов-связок и фамильярного обращения к оппоненту. Кандидату присущ эмоционально-выраженный стиль выступления, что соответствует стереотипным представлениям о большей эмоциональности женской речи.

3) Джозеф Байден актуализирует образ успешного и процветающего политика-патриота, гордящегося своим происхождением, и стремится ассоциироваться у электората с четкостью, стабильностью и уверенностью в завтрашнем дне, используя соответствующие лексические средства и стилистические приемы и четкую аргументацию. В целом, стиль Байдена можно назвать эмоционально-нейтральным, с акцентом на логику и здравый смысл.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Джюева А.А. Мастер класс по публичной речи МГИМО [Masterclass in public speaking, MGIMO] // Youtube. Май, 2015. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.youtube.com/watch?v=KgCaIh3bYPs> (дата обращения 14.06.2015).
- [2] Джюева А.А. (2011). Фундаментальные основы публичной речи [Fundamentals of public speaking]. М.: Айрис-пресс.
- [3] Джюева А.А. (2014). Фундаментальные основы языка политики: Продвинутый курс английского языка [Fundamentals of Political English: An Advanced Course]. М.: Издательство Московского университета.
- [4] Дотдаева Ф.И. (2011). Самопрезентация президентов США (на материале американского президентского дискурса) [The USA presidents' selfpresentation (on the basis of American presidential discourse)] // Политическая лингвистика: научный журнал. Екатеринбург: ФГБОУ ВПО «Урал. гос. пед. ун-т». Вып. 4 (38). С. 87—96.
- [5] Кара-Мурза С.Г. (2007). Манипуляция сознанием [Manipulation of conscience]. М.: Эксмо.
- [6] Transcript of Palin, Biden debate // CNN. October, 3, 2008 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://edition.cnn.com/2008/POLITICS/10/02/debate.transcript> (дата обращения: 15.05.2015).

PECULIARITIES OF CREATING A POLITICAL IMAGE IN A PRE-ELECTION CAMPAIGN: THE GENDER ASPECT

Elizaveta D. Butsyk

Moscow State Institute of International Relations (University),
Prospect Vernadskogo, 76, Moscow, Russia, 119454
l.butsyk@yandex.ru

The article is concerned with the influence of the gender factor on creating the image of a political leader. The 2008 US vice-presidential debate between Sarah Palin and Joseph Biden has been chosen as research material. The scientific value of the article consists in a thorough study of the peculiarities of the politicians' use of linguistic means and their interpretation in terms of creating a positive image by males and females. The author considers the structure of an image and its components including a few communicative self-presentation microroles, which are thought to be traditional for American political discourse. Besides, the paper analyses the tactics used by the politicians in course of their speech and the images created focusing mainly on the logical and emotional components of the vice-presidential candidates' addresses. The author arrives at the conclusion that the speech of both candidates corresponds to gender expectations regarding male and female speech behavior. In particular, the female candidate places a greater emphasis on the topic of family and her language is more emotionally expressive whereas the male candidate tends to highlight logic and accuracy and uses a more emotionally neutral speaking style.

Key words: image, political discourse, communicative microroles, gender, emotionally expressive and neutral style.

КОНЦЕПТ «ДВОЙНЫЕ СТАНДАРТЫ» В ДИСКУРСЕ СОЦИОЛИНГВИСТИКИ

Г.И. Быкова, Е.Ф. Никулина,
Е.Э. Петрова

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10-2а, Москва, Росси, 117198
bykova.gi@mail.ru; mahintosh@mail.ru; nikole4239@yandex.ru

В статье рассматривается социолингвистический концепт «двойные стандарты». Авторы анализируют причины появления и технологии распространения феномена «двойные стандарты» в современной информационной среде.

Ключевые слова: информационная среда, концепт, двойные стандарты, социально-политический дискурс.

ВВЕДЕНИЕ

В практике преподавания иностранного языка, неотъемлемым элементом которого является знакомство с иноязычной прессой и периодикой, нельзя уклониться от осмысления и трактовки понятия «двойные стандарты». С проявлениями этого понятия мы сталкиваемся при оценке событий самого разного уровня, находящими отражение в информационной среде. Медийная продукция, квалифицируемая сегодня как одно из наиболее эффективных средств ведения идейно-политической борьбы, а, по ряду определений информационно-психологической войны, оказывает большое влияние на аудиторию, разрушая сложившиеся стереотипы и формируя новые. При этом в потоке лавинообразной информации, перегруженном малозначительными второстепенными деталями, которые нацелены главным образом на эмоциональный и коммерческий эффект, подчас трудно ориентироваться даже человеку, имеющему некий жизненный опыт, не говоря уже о студентах, шкала ценностей которых находится в процессе формирования.

Это обстоятельство и является побудительной причиной нашей заинтересованности избранной темой. Необходимость разобраться в ней настоятельно диктуется и широтой распространения феномена «двойные стандарты», охватывающего важнейшие сферы человеческих отношений и оказывающего существенное влияние на взаимодействие субъектов в мире, а значит, на развитие событий. В нашей работе мы хотим попытаться определить некоторые существенные характеристики феномена «двойные стандарты», используемого в информационном поле социального взаимодействия, опираясь на широко известные факты, получившие освещение на страницах немецко- и англоязычной прессы.

Для нас интересны, прежде всего, причины возникновения «двойных стандартов» и информационно-коммуникативная специфика их проявления, то есть формально-содержательные аспекты масс-медийной практики. Живое обсуждение

в студенческой среде всегда вызывают и вопросы, связанные с профессиональными этическими нормами в журналистике, чего мы также коснемся. Таким образом, задачей данной статьи является рассмотрение опубликованных в печати и интернет-версиях текстов, содержащих «двойные стандарты», и внелингвистических факторов, обусловивших их появление.

В связи с тем что данный ракурс исследования предполагает междисциплинарный подход, методологической основой статьи избран метод дискурсивного анализа. Смысловой конструкт «концепт», часто используемый в качестве аналога русскоязычного термина «понятие», наиболее отвечает поставленной задаче, так как применим к анализу текстовых и экстралингвистических факторов, охватывающих широкое поле гуманитарной тематики [1].

О ПОНЯТИИ «ДВОЙНОЙ СТАНДАРТ»

Как известно, понятие «стандарт», обозначающее некий образец, эталон, норму, не предполагает наличия «двойственности». Однако будучи связанным с восприятием и оценкой субъекта или группы субъектов, «двойные стандарты» выступают уже как инструмент для достижения различных целей.

Применение «двойных стандартов» дискриминирует права и интересы одних субъектов в угоду другим.

Специалисты выделяют следующие сущностные характеристики этого феномена: субъективность (субъективное происхождение и субъективная форма существования), принадлежность базовой психологической установке «свой» — «чужой», применимость как по отношению к индивидам, так и к оценке событий и явлений, многообразии форм проявления, манипулятивность, существование в различных областях человеческих взаимоотношений. Реальные основания практики «двойных стандартов» обнаруживаются при наличии третьего нейтрального субъекта, наблюдающего за взаимоотношениями двух других субъектов, а нередко и извлекающего из этого выгоду.

Согласно общему представлению, объективным условием существования данной практики является принципиальная вариативность подходов к оценке одних и тех же либо аналогичных событий, обусловленная неосознанными причинами или осознаваемыми мотивами, чаще корыстного характера. В зависимости от сферы деятельности исследователи отмечают разные причины появления данного феномена.

При этом большинство придерживается мнения о наличии двух типов понимания «двойного стандарта»: естественного и искусственного. Естественный тип понимания концепта связан с совпадением универсального стандарта и базовой этики той или иной сферы профессиональной деятельности. Искусственный тип понимания универсальных и «двойных стандартов» по отношению к любой профессии может быть установлен внешней силой. Так, например, посредством освещения в СМИ могут искусственно создаваться и навязываться те или иные мнения в качестве стандартов для продвижения интересов какой-либо стороны.

Попытаемся вкратце обозначить наиболее значимые для сферы гуманитарного знания подходы, представленные в справочной и специальной литературе, касающейся данной проблемы.

Философский анализ делает акцент на том, что в эпоху постмодерна, т.е. в настоящее время, исчезает четкость в трактовке понятий «добро» и «зло», «правда» и «ложь». Иначе говоря, то, что одним индивидом может быть расценено как «добро», другим — воспринимается как «зло». Подобное нечеткое понимание как увеличивает субъективные основания возникновения «двойных стандартов», так и затрудняет их идентификацию.

Психологами выделяется мотивационная компонента человеческого сознания. Среди мотивов, в результате которых журналистами практикуются «двойные стандарты», исследователи акцентируют: мотив получения выгоды — повышения по служебной лестнице; работы на имя и т.п. При этом осознанное инициирование «двойных стандартов» расценивается как изменение ценностных ориентаций, представлений о нравственности, морали ради достижения целей, поэтому практика «двойных стандартов» квалифицируется учеными как манипулятивная [2].

Среди экспертов в сфере коммуникации существуют, по крайней мере, два подхода к этической природе профессии PR-специалиста: один из них исходит из реалий современной практики и, несмотря на писанные законы этики PR, допускает существование «двойных стандартов». Приверженцы второго подхода ставят связи с общественностью в один ряд с профессиями, нормы профессиональной этики которых категорически не допускают практику «двойных стандартов».

Многие исследователи указывают на то, что область существования феномена «двойные стандарты» в коммуникативном пространстве ограничивается жанровой спецификой журналистского творчества. Проблема разграничения практики «двойных стандартов» и выражения различных мнений журналистом затрудняется в текстах аналитических жанров, публицистике, предполагающих долю авторской субъективности, а также осложняется в некоторых типах изданий и электронных каналов СМИ. В подобных случаях некоторые авторы предлагают использовать критерии для идентификации «двойных стандартов», среди которых законодательно закрепленные нормы в отношении подхода к тем или иным вопросам. К ним относятся принципы, отработанные при освещении глобальных или других проблем, для решения которых необходим универсальный единый подход, а также нормы общечеловеческой, профессиональной и религиозной морали, традиционно отделяющие добро от зла [2].

Современная иноязычная пресса изобилует примерами данного феномена, при этом, если останавливаться на тематическом многообразии, то доминирующей представляется сфера международных отношений. В данной области примеры «двойных стандартов» имеют систематический характер и обнаруживаются наиболее явно. Информационное противостояние между Россией и Западом, характеристика которого включает «двойные стандарты» в качестве сущностного определения проводимой конкретными странами политики и находящая отражение в выступлениях официальных лиц государства, дополнительно актуализирует тему [3].

Постоянно растущий контингент учащихся, выбирающих специализацию «Международные отношения», делает необходимым внимание к этому концепту, исходя и из наших повседневных узкопрофессиональных задач. Особый интерес в этой связи представляют приемы и технологии реализации «двойных стандартов» в информационном пространстве.

«ДВОЙНЫЕ СТАНДАРТЫ» В ИНФОРМАЦИОННОМ ПРОСТРАНСТВЕ

В международных отношениях политика «двойных стандартов» обычно реализуется посредством обвинения «неудобных» стран в нарушении принципов, конвенций, обязательств, одновременно при демонстративном игнорировании совершенно аналогичных собственных действий или действий союзников. Лексически упреки и обвинения в адрес нарушителей могут выражаться речевыми оборотами типа «попрание общечеловеческих ценностей», «нарушение прав человека», «отступление от норм международного права» и других.

Примечательно, что определение, даваемое этому понятию в русскоязычном и англоязычном словарях, в принципе непротиворечиво. Глоссарий определяет «двойные стандарты» как «официально отрицаемый, но практикующийся и молчаливо признаваемый нормой, дискриминационный подход к оценке поведения, прав и обязанностей представителей разных категорий населения, разных стран, рас и т.п.». Несколько более лаконично, но вовсе не оппозиционно предыдущему определению, данное в Concise Oxford English Dictionary: «Двойные стандарты — это правило или принцип, строже применяющийся к одним людям, чем к другим (или самому себе)»; букв.: *a rule or principle applied more strictly to some people more than others (or oneself)* [4].

Однако практика развития международных отношений существенно отличается от теории. Достаточно бросить самый общий взгляд на факты, которые широко представлены в иноязычной прессе последних лет, чтобы заметить явную тенденциозность в их освещении. Приведем наиболее известные из них. Например, при проведении выборов в странах, где правящий режим является прозападно ориентированным, международные наблюдатели признают выборы соответствующими международным стандартам. Эти же наблюдатели обнаруживают большое число нарушений на выборах, если правящий режим, либо победитель выборов не имеет прозападной ориентации. В частности, победа М. Саакашвили на выборах в Грузии была названа торжеством демократии, а победа А. Лукашенко в Белоруссии — следствием подтасовок. Причем в обоих случаях в качестве доказательства представлялся необычайно высокий (с западной точки зрения) процент голосов за кандидата. Страны Западной Европы приветствовали референдум об отделении Черногории от Сербии и признали его легитимным, с другой стороны, категорически не желают признавать возможность аналогичных референдумов в Абхазии, Южной Осетии и Приднестровской Молдавской Республике. Евросоюз и ряд других международных организаций поддержали разгон демонстрантов, выступавших в защиту «Бронзового солдата», а также назвали эти действия внутрен-

ним делом Эстонии. Вместе с тем этими же организациями неоднократно осуждались силовые меры по отношению к разгону «Марша несогласных».

После распада СССР многие политики на Западе выступали за отмену практики поставок Россией нефтепродуктов постсоветским странам по заниженным («нерыночным») ценам. Вследствие «Оранжевой революции» на Украине, приведшей к изменению политического курса на сближение с Западом, повышение цены на энергоносители для этой страны стало именоваться «политикой шантажа» и попыткой подорвать экономику чужой страны.

Вышеперечисленные факты стали почти хрестоматийными примерами, так как в силу широкого международного резонанса к ним часто обращаются исследователи в области международных коммуникаций. Наряду с ними показательными в данной связи являются грузино-югоосетинский конфликт 2008 г., освещение газовых конфликтов между Россией и Украиной, Россией и Белоруссией, а также политический кризис на Украине как повод для информационной антироссийской компании в связи с возвращением Крыма. В связи с тем что анализ практики «двойных стандартов» предполагает наличие примеров освещения аналогичных событий в других точках международного поля, для сравнения часто используются события 11 сентября, лондонские теракты, события в Косово 1999 г. и другие.

Следует подчеркнуть, что в западном популярном политическом дискурсе ссылки на феномен и употребление понятия «двойные стандарты» достаточно частотны. Их можно встретить в контексте обсуждения разнообразных социально-политических и правовых проблем: неравенства, дискриминации, сексизма, расизма, ксенофобии и т.п.

В последнее время актуализировалась проблема двойных стандартов в контексте такой международно-правовой коллизии, как принцип права наций на самоопределение и принцип территориальной целостности государств (так называемый «косовский прецедент»). Наблюдается связь формального понятия и феномена двойных стандартов со многими современными политическими процессами, такими как глобальная и региональная безопасность, защита прав человека, борьба с распространением ядерного и другого оружия массового поражения и т.п.

«ДВОЙНЫЕ СТАНДАРТЫ» В ШИРОКОМ ПОНИМАНИИ

В более широком смысле проблематика двойных стандартов как «аморальной» политической практики тесно переплетается с семантическим полем правового и этического дискурсов. Однако эмоциональный фон, повсеместно сопровождающий проявление данного концепта в информационной среде, делает его преимущественно достоянием популярного дискурса, что препятствует приобщению к его разработке академических кругов, традиционно не склонных к участию в популистских дискуссиях. Поэтому для выяснения путей, которыми руководствуются политтехнологи для продвижения основных смыслов в международной сфере, мы опирались главным образом на разработки специалистов в области мас-

совых коммуникаций. Они особо акцентируют несколько технологий, зарекомендовавших себя как весьма результативные в ходе операций по «смене режимов» в Югославии, Северной Африке и на постсоветском пространстве.

Прежде всего следует указать на такой прием, как строго избирательный подход к отбору сообщений для освещения в СМИ. Так, равноценные информационные поводы могут получать или не получать освещение в одних и тех же каналах СМИ. Или одна и та же новость принципиального характера может стать информационно значимой или остаться проигнорированной в аналогичных по типологии каналах масс-медиа.

Не меньшей популярностью пользуется так называемый «рефрейминг», который представляет собой технологию формирования структуры сообщений. Она используется при расстановке вариативных выгодных акцентов в сообщении, а также для придания информации нужного облика для достижения той или иной трактовки событий. Акценты в ней могут расставляться при помощи структуры материала, формы его подачи, контекста, графических решений, места, цвета, заголовков и объема материала на газетной полосе или времени сюжета в рамках выпуска новостей на радио или телевидении.

Прием «подмена понятий» является одним из наиболее явных и апробированных методов реализации «двойных стандартов» в СМИ. Он заключается в лексической замене слов с негативной окраской на родственные им более благоприятные термины или эвфемизмы, а также, наоборот, в замене лексики, обладающей положительным значением, на близкие по смыслу слова, вызывающие отрицательные ассоциации — дисфемизмы.

Одним из наиболее показательных примеров является освещение газовой «войны» России с Украиной, где в качестве аналогии часто берется газовый конфликт России и Белоруссии. Повышение цен на газ для Украины в западных СМИ трактовалось как негативное решение Кремля. В то же время повышение тарифов для Белоруссии одобрялось как своевременный положительный ход. Прием «подмены понятий» использовался и при описании действий украинской стороны, когда отбор газа характеризовался большинством российских СМИ как «воровство», а западная пресса применяла смягченную лексику, применяя, к примеру, словосочетание «несанкционированный отбор газа вследствие повышения цен на газ» [5—8]. Газовые скандалы в свою очередь продемонстрировали характерные черты «двойных стандартов» в информационном пространстве стран СНГ, где было заметно присутствие третьей стороны, нацеленной на получение выгоды из сложившейся ситуации, что также влияло на вариативное представление событий в мировых масс-медиа.

В освещении конфликта между Грузией и Осетией специфика практики «двойных стандартов» заключалась в преувеличении положительных черт одного народа посредством приема подмены понятий и использования эмоционально окрашенной лексики на фоне преуменьшения таковых у представителей другого народа, что противоречит принципам журналистской этики [9—10].

События на Украине также предоставляют богатый материал для анализа «двойных стандартов» и технологий их распространения в контексте публикаций

отечественной и западной прессы. Перерастание кризиса в вооруженный конфликт с прямым и опосредованным вмешательством стран Запада, и прежде всего США, повысил градус эмоциональности в освещении военных действий и с особой остротой поставил вопрос о политической ангажированности и профессиональной журналистской этике.

В частности, артикулируемая политиками США и Европы линия санкций в отношении России, официально подаваемая как ответ на военную угрозу со стороны России и стремление к поддержке украинской «демократии», была охарактеризована министром иностранных дел С. Лавровым как форма информационной войны [11]. Однако декларируемая некоторыми лидерами европейских стран политика санкций в отношении России, в результате которой все же не удалось создать единый антироссийский фронт в Европе, все чаще оспаривается представителями деловых, общественных и политических кругов. В настоящий момент это присутствует как достаточно заметная тенденция и в немецкоязычной и в англоязычной прессе [12—13].

В ракурсе данной статьи это обстоятельство важно как показатель жизнедеятельности современной информационной среды, в пределах которой заинтересованные пользователи в состоянии находить источники, чтобы составить себе адекватную и реалистичную картину мира даже вопреки манипулятивной деятельности мировых медиаконцернов.

Завершая статью, хотелось бы привести пару примеров рассматриваемого феномена в виде подмены понятий из немецкоязычной прессы, где уже несколько десятков лет благодаря пропагандистам «гендерно-нейтрального словообразования» они существуют в рамках феминистической лингвистики наряду с традиционной литературной нормой.

Заголовки типа «Alle Menschen werden Schwestern» («Все люди будут сестрами» — слово «братья» заменено на «сестры») или «Vatersprache — Mutterland» (замена существующих слов «родной язык» и «Родина» несуществующими за счет перемены частей слов) красноречиво обозначают эту тенденцию [14].

Итак, многоаспектность проблемы двойных стандартов предполагает анализ практик, связанных с проявлением этого феномена в самых разных сферах жизни общества. Предпринятая попытка рассмотреть главным образом международно-правовой аспект концептуализации «двойных стандартов» через призму социолингвистики обусловлена обострением международной напряженности и перемещением данной проблематики в центр общественного внимания. Использование понятийного аппарата, разработанного специалистами смежных гуманитарных наук в связи с «двойными стандартами» как формой политтехнологии и когнитивной методики, по нашему мнению, может быть разнообразно применена на занятиях по тематике «Пресса», «СМИ», «PR».

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Демьянков В.З. (2007). Термин «концепт» как элемент терминологической культуры [The term “concept” as an element of terminological culture] // Язык как материя смысла: Сборник статей в честь академика Н.Ю. Шведовой / Отв. ред. М.В. Ляпон. М.: Издательский центр «Азбуковник». С. 606—622; http://www.infolex.ru/FOR_SHV.HTM.

- [2] Тузова А.Ф. (2009). Журналист: основное звено практики «двойных стандартов» в СМИ [Journalist: the main link in the politics of “double standards” in Mass-media] // Средства массовой информации в современном мире. Петербургские чтения: тезисы межвузовской научно-практической конференции. СПб.: Роза Мира. С. 203—204.
- [3] <http://www.1tv.ru/news/world/264105>.
- [4] Concise Oxford English Dictionary: http://en.wikipedia.org/wiki/Concise_Oxford_English_Dictionary#2011_Revised_12th_Edition.
- [5] The Gas War May Rehabilitate Ukraine's Yushchenko. URL: <http://www.wsj.com/articles/SB123240746998495659>.
- [6] COHEN: Russia's gas war. URL: <http://www.washingtontimes.com/news/2009/jan/13/russias-gas-war>.
- [7] Russia Delays Gas, Vexing EU. URL: <http://www.wsj.com/articles/SB123167858330971523>.
- [8] Zum Jubeln zu früh. URL: <http://derstandard.at/1231152184080/Gasstreit-Russland-vs-Ukraine-ZumJubeln-zu-frueh>.
- [9] Jackson, D. How Far Will We Go to Save Georgia. URL: <http://www.washingtonpost.com/wp-dyn/content/article/2008/11/30/AR2008113001709.html>.
- [10] Barney Thompson. It's Georgian Independence Day — but how many more will there be? URL: http://www.timesonline.co.uk/tol/news/world/world_agenda/article7136828.
- [11] <http://www.vesti.ru/doc.html?id=2377829&cid=5>.
- [12] A year into a conflict with Russia, are sanctions working? URL: http://www.washingtonpost.com/world/europe/a-year-into-a-conflict-with-russia-are-sanctions-working/2015/03/26/45ec04b2-c73c-11e4-bea5-b893e7ac3fb3_story.html.
- [13] <http://www.dw.de/критика-санкций-ес-против-россии-становится-в-германии-все-громче/a-17483557>.
- [14] http://inoforum.ru/inostrannaya_pressa/gendernye_sudorogi_portyat_nemeckij_yazyk.

THE CONCEPT OF “DOUBLE STANDARDS” IN THE SOCIOLINGUISTICS DISCOURSE

**Galina I. Bykova, Elena F. Nikulina,
Elena E. Petrova**

Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklaya str., 10-2, Moscow, Russia, 117198
bykova.gi@mail.ru; mahintosh@mail.ru; nikole4239@yandex.ru

The article discusses the sociolinguistic concept of “double standards”. The authors analyze the causes of the appearance and technology of the spread of the phenomenon of “double standards” in the modern information environment.

Key words: information environment, concept, double standards, socio-political discourse.

НЕКОТОРЫЕ СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ОФИЦИАЛЬНОЙ ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ ПЕРЕПИСКИ (теоретико-практический обзор)

Алиева Егана Нураддин гызы

Бакинский государственный университет
ул. 3. Халилова, 23, Баку, Азербайджан, 1148
yegane-aliyeva-84@mail.ru

В статье исследуется роль переписки в создании дипломатических отношений. Особо подчеркивается значение влияния переписки при формировании и развитии этих отношений. Опыт свидетельствует, что допущенная неточность, а также неправильно понятое выражение может привести к обострению отношений между государствами. Вместе с тем переписка способна внести ясность в недопонимание, а содержащиеся в ней извинения способны предотвратить столкновения и войны, восстановить мир и согласие. Рассматривая сложившиеся исторически межгосударственные отношения, можно сделать вывод о том, что официальная дипломатическая переписка существенно влияет на их развитие и в целом на межгосударственные отношения.

Ключевые слова: дипломатические отношения, правила приличия, внешняя политика, взаимное приветствие.

ВВЕДЕНИЕ

Дипломатия считается средством реализации внешней политики государства. Благодаря успешной внешней политике Азербайджана, направленной на защиту и укрепление суверенитета республики, обеспечение мирных и благоприятных международных условий для интеграции страны в мировое сообщество, сегодня Азербайджан занял достойное место на политической карте мира, пользуется влиянием при решении глобальных и региональных проблем [9]. Большую роль в этих процессах играет дипломатическая переписка.

Проблемы исследования различных языковых стилей всегда привлекали лингвистов. Швейцарский языковед Ш. Балли, говоря об особенностях официального языка, подчеркивал его широкие возможности: «Язык официальный резко отличается от общеупотребительного и обладает ярко выраженной официальной окраской, он владеет совокупностью речевых фактов, служащих для того, чтобы в точных и безличных формулах выражать обстоятельства, которые накладывает на человека жизнь в обществе, начиная с нотариальных актов и полицейских уложений, и кончая статьями конституции» [1. С. 274].

Отсюда следует, что официальный язык служит каждому государству в качестве средства для исполнения официальных обязанностей, для их реализации. Российский исследователь В.В. Виноградов отмечал, что «стилистика языка изучает стилистическую структуру языка как „систему систем“ и функциональные языковые стили, включая стилистические средства языка вне зависимости от кон-

кратных условий их использования» [4]. Следовательно, овладевая тонкостями стилистических особенностей речи, можно целенаправленно усиливать экспрессию и действенность речевых выражений и оборотов.

Международные конференции и конгрессы, подготовка текстов, направленных на регулирование межгосударственных отношений, тексты международных договоров и соглашений, взаимные визиты и проходящие в ходе этих визитов переговоры, ежедневная деятельность посольств и представительств, пресс-службы, освещение в прессе позиции, связанной с вопросами внешней политики государства, и прочие подобные вопросы реализуются посредством дипломатических документов и переписки [2. С. 31]. Зачастую в этой переписке отражается любой предпринимаемый в ходе дипломатических отношений шаг и принимаемое решение.

Оценивая историческое прошлое, можно увидеть, какую важную роль играла дипломатическая переписка в становлении, развитии и укреплении межгосударственных связей и отношений.

Как известно, древневосточная дипломатия отражала внешнюю политику государств военно-диктаторских. Именно в этот период возникли различные виды договоров и соглашений, сформировалась традиция отправления посольств для решения проблем. В Древнем Египте существовала традиция проведения дипломатических переговоров до начала военных действий во время войн с кочевыми племенами. Вопросами, связанными с дипломатической перепиской, занималась специальная государственная канцелярия по иностранным делам.

Из дипломатической переписки Древнего Востока вызывает особый интерес архив Аль-Амара и договор между фараоном Рамзесом II и царем хеттов Хатушили III, заключенный в 1296 году до н.э. Архив Аль-Амара состоит примерно из 360 глиняных табличек с дипломатической перепиской фараонов XVIII династии. Среди текстов встречаются и написанные с соблюдением лучших правил протокола той эпохи, включая приветствие и обмен любезностями, письма правителей Сирии и Палестины [7].

Другим достойным внимания памятником древневосточной дипломатии является древнеиндийский свод законов Ману. Оригинальный текст не дошел до нашего времени, и сведения о нем отражены в написанном в более поздний период стихотворном сочинении. По законам Ману искусство дипломатии заключается в умении предотвратить войну и укрепить мир. Чтобы этого достичь, лицо, ведущее переписку и переговоры, должно обладать умением убеждать противоположную сторону и ориентировать ее в нужном направлении.

Общественные отношения требуют соблюдения и учета определенных правил. Неверно употребленное в переписке слово способно вызвать раздражение противоположной стороны и даже побудить ее начать войну.

Исторически именно соблюдением правил приличия предотвращались сражения и войны, возникшее непонимание устранялось адресованными противоположной стороне в дипломатической переписке завуалированными «извинениями». Так, узнав, что адресованное Теймуриду Шахруху письмо попало к оттоман-

скому султану, Кара Осман сильно встревожился и немедленно отправил тому «зераатнаме» («молящее письмо»):

«На днях мы отправили Хаджа Мансура Амиди ко дворцу Шахрух Бахадура. Из-за существующей между нами розни, сын Кара Юсуфа Джаханшах поймал посланника, перехватил письмо Вашего верноподданного, посла предал смерти, а письмо сжег. Отлив в Тебризе при помощи граверов нашу печать, он написал письмо другого содержания и направил его Вам. Клянусь Аллахом, все было именно так. Все мои помыслы только о верности и дружбе между нами».

В этом же письме Кара Юсуф и его сыновья были названы «врагами» и была изложена нижайшая просьба к султану, чтобы он не поверил их «грязным оговорам» [2. С. 21].

Иногда правители приводили в ярость других государей отражением в переписке своих завоеваний, что приводило к превращению переписки между ними в своего рода «словесную дуэль». В качестве примера рассмотрим письмо Узун Гасана султану:

«После завоевания Азербайджана и Ирака я отправился с походом на Персию. Тамошних врагов и оппонентов окутала пелена безысходности. Бросились врассыпную. Наши полководцы и эмиры бросились их атаковать. Надеемся, очень скоро они одержат победу. Ныне весь Хузистан и вся Персия устали подчиняться шайтанам. Шираз стал столицей государства. К нам пришло посольство от великого падишаха Султана Гусейна Байкара. Они принесли достойные дары, украсили монеты и молебн нашим именем, выразили нам свое повиновение и верность» [5. С. 28].

Изложенные в письме сведения о завоеваниях Узун Гасана привели в бешенство Султана II Магомед Фатеха. Он немедленно написал и отправил во дворец Аккоюнлу ответное письмо.

Отметим и то, что переписка между этими двумя государями велась, как правило, на персидском языке. Однако султан изменил не только тональность, но и язык ответного письма, написав его на оттоманском языке, что свидетельствовало о начале противостояния, напряжения между ними. В начале письма говорилось: «Я, повелитель правителей Султан Магомед ибн Мурад ибн Магомед ибн Баязид хан» [5. С. 29], тем самым оттоманский султан с первых же слов напоминает Узун Гасану о своем благородном происхождении, демонстрирует свою силу и величие. Еще более резко и с намеком звучат последующие предложения:

«Ты же великий государь, великий хан, Кей Хосров единственный, Фирудин эпохи Гасан хана. Знай, (если) кто-то, возгордившись своим государством, будем излишне увлекаться агрессией, совершит жестокие поступки, (такие поступки) приведут к падению государства и страданиям для страны. Ты должен поступать с умом, так как наше государство — обитель Ислама. С испокон веков свет нашего государства поддерживала кровь, пролитая неверными. Если ты и оказывающие содействие тебе, подчинившись, посягаете на приверженцев Ислама, то являетесь врагами государства и шариата. Наши кони... оседланы, мечами мы подпоясаны. (Потом) не говори, „не знал и не ведал“... В священный месяц шаввал ты напал на крепость Гарахасар. В ответ на это я должен освободить угнетенных от твоего гнета и не оставить и следа от твоей славы. Короче, не надо лишних слов. Отправь ответ на мое письмо. Всё.» [5. С. 29].

При полном ознакомлении с письмом просматриваются гнев и ярость к адресату, выраженные в предложениях с повелительным наклоном, а также в полном отсутствии вежливых выражений. И далее: «...Ни в одном из своих посланий Султан II Магомед Фатех не обращался к правителю Аккоюнлу с использованием его клички „Узун“ (длинный), называя того „Гасан падишах“, „Гасан султан“, „Гасан шах“. В этом же письме впервые перед именем Гасан впервые применяется прилагательное „Узун“: „Узун Гасан, взошедший на трон после событий, произошедших с Джаханшах падишахом и шехидом Султан Абу Саидом“» [5. С. 29]. Это говорит о том, что при переписке любое определение, употребленное применительно к другой стороне, свидетельствует об уровне отношений переписывающихся сторон. В упомянутом письме наглядно проявляется ненависть оттоманского султана к шаху Аккоюнлу.

На Востоке исторически сложилась традиция начинать адресованные правителями друг другу письма с обращения к Создателю, к Аллаху: «Бесконечное благодарение Аллаху, утвердившему после создания человека любовь в материальном мире, обладателю охватывающего все сущее любви и неизмеримой мощи!» [6. С. 25], или просто: «Именем Аллаха, всемогущего и всепрощающего...» [6. С. 32]. По нашему мнению, эта традиция, характерная для произведений той эпохи, не обошла стороной и современные письма.

При обращении к противоположной стороне перед именем оппонента выстраивался ряд эпитетов и следовал перечень возвышающих характерных качеств, например: «Владыка совершенного государства, богатейшей власти, бесконечной мощи, истинного счастья, обладатель благородного происхождения, борец за честь и счастье Шах Исмаил! Да продлит Аллах твою справедливость и добродетель до Судного дня!» [6. С. 42].

Еще одним привлекающим внимание при просмотре переписки той эпохи интересным моментом является то, что даже в адресованном считающемуся врагом государю письме в начале и конце поются дифирамбы, приводятся убажывающие слух выражения, а резкие и оскорбительные высказывания встречаются при изложении цели написания письма. В качестве примера рассмотрим письмо Султана Селима Гансу Гиру:

«Гансу Гира! Да возвысит тебя Аллах!

При получении высшего указа и шариатского повеления, обязательного к исполнению, которому подчиняется весь мир, да будет вам известно, что поддавшись хитрости, обману и мошенничеству, избрал ты путь вероломства, вступил в сговор с некоторыми лицами и отправил (мне письмо).

Так как ты опаснее их, мое высочайшее внимание сконцентрировано на тебе.

Если есть у тебя хоть капля самолюбия, выбери любое оружие и любое место, приди и сразись с моими доблестными солдатами.

Приветствую тех, кто следует по пути благочестия!» [6. С. 121].

Иногда для привнесения ясности в основную мысль, изложенную в переписке, добавлялись двустигшия, например:

«У Аллаха я лишь одно прошу,

Чтоб правителем мира и прославленным ты был» [6. С. 144].

Приветствуя противоположную сторону и завершая переписку, использовали высокопарные выражения:

«Борцу за веру, мир и государство, хранителю чести, представителю рода Джамшида, высочайшему руководителю, хранителю счастья и правления правителю Мазандарана, — да хранит тебя Аллах до Судного дня, — адресую пламенный привет и самые сердечные поздравления» [6. С. 152];

или:

«Наша вытекающая из бесконечной любви просьба заключается в том, что, как изложено в сокровенном письме, будущее — в несомненной дружбе и братских обязательствах, да будут устранена тьма вражды и разногласий согревающим весь мир теплом любви, дабы восстановить разрушенное, чтобы узы любви и братства между потомками этих великодушных и величественных семей, переходя из поколения в поколение, стали вечными и непоколебимыми, цветник их единства и союза вечно благоухал, вечно горел светильник написавших братское письмо!» [3. С. 78].

Отражение в переписке впечатлений от полученных и ответных писем позволяло придать отношениям между сторонами еще более возвышенный настрой, сравните:

«Посланное тобой с искренней любовью и чистыми помыслами письмо, украшенное искренними молитвами и самыми наилучшими пожеланиями молящихся рано утром и поклоняющихся целыми днями, радость и воодушевление нам доставило» [3. С. 42].

Так как во время разговора мы видим собеседника, можем воспользоваться мимикой и жестами, нам легче выразить свои чувства и ощущения, чем налаживать связи посредством переписки. К тому же письмо требует быть более внимательным, ведь сказанное может быть забыто и предано забвению, а допущенные в письме промахи остаются. Посредством письма адресату передается информация по определенному вопросу, преследуется цель создать и оставить приятное, положительное впечатление, довести просьбу. При этом очень важно информировать противоположную сторону, целенаправленно оказывать на нее давление и, наконец, убедить. Другими словами, умение верно выбрать цель намного повышает шансы достичь ее.

Наряду с этим, в отличие от разговорного языка, при письме соблюдение норм и правил языка имеет превалирующее значение. Необходимо обращать внимание на последовательность излагаемых мыслей, избегать архаических слов и выражений, не допускать использования слишком длинных и сложных предложений. Ведь слишком длинное письмо не только может показаться адресату скучным, но и отдалить его от главной темы. Поэтому в силу того, что в официальной переписке доминирует не изложение чувств, но раскрытие мыслей и логики, необходимо использование семантически ясных, понятных высказываний, способствующих доведению цели письма в четкой и простой форме.

В переписке манера изложения важна так же, как и само содержание. Поэтому в дипломатической переписке необходимо применение стиля, препятст-

вующего проявлению официоза. Так как использование в предложениях отрицательной формы глагола оказывает прямое влияние на настроение читателя, более целесообразно выражение мысли не в утвердительной форме, а в более мягкой манере. Использованные в предложениях глаголы отрицательной формы могут быть неправильно поняты адресатом, что может привести к нарушению сложившихся отношений.

Одним из важнейших условий при написании дипломатического письма является спланированное, правильное построение его структуры — вступление, основная часть и заключение. Цель вступительной части заключается в концентрации внимания адресата, пробуждении в нем желания прочесть написанное. Основная часть является «душой» письма, так как здесь раскрывается главная цель. Кроме того, необходимо обратить внимание и на соответствие и паритет между вступлением и заключением.

В официальной переписке нельзя допускать использования преувеличений и повторов, так как подобное использование слов приведет к утере ими силы своего воздействия [8].

ВЫВОД

Итак, переписка является своеобразным «зеркалом» отношений между государствами.

Рассматривая официальную дипломатическую переписку, можно наглядно ознакомиться с внешней политикой государства, уровнем его связей с другими государствами, проявлением дружбы или вражды. Поэтому необходимо также правильно оценивать и фактор переписки в этой области.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Балли Ш.* (1961). Французская стилистика [Ballys, Ch. Traité de stylistique française]. М.: Изд. иностр. лит.
- [2] *Джафаров В., Тагиева Т.* (2009. 2-е изд., испр. и доп.). Дипломатическая переписка (на азербайджанском языке) [Dzhafarov V., Tagiyeva T. Diplomatic Correspondence (in Azerbaijani)]. Баку.
- [3] *Надир шах Афшар* (2014): Дипломатическая переписка (научный ред. акад. Р. Мехтиев) (на азербайджанском языке). [Nadir Shakh Afshar: Diplomatic Correspondence (in Azerbaijani)]. Баку: Издательский дом Восток-Запад.
- [4] Словарь лингвистических терминов [Dictionary of Linguistic Terminology]: <http://dic.academic.ru>.
- [5] *Фарзалибейли Ш.Ф.* (1995). Азербайджан и Османская империя (XV—XVI вв.) (на азербайджанском языке). [Farzalibeyli Sh.F. Azerbaijan and the Ottoman Empire (in Azerbaijani)]. Баку: Азернешр.
- [6] *Шах Исмаил Сефев* (2014): Сборник историко-дипломатических документов (научный ред. акад. Р. Мехтиев) (на азербайджанском языке). [Shakh Ismail Sevefi: A Collection of historic and Diplomatic Papers (in Azerbaijani)]. Баку: Изд. дом Восток-Запад.
- [7] <http://www.kitabxana.net/files/books/file/1387126675.pdf>.
- [8] <http://ds.anadolu.edu.tr/eKitap/BYA203U.pdf>.
- [9] <http://dmfa.nakhchivan.az/page.php?lang=az&page=030604>.

**SOME STYLISTIC FEATURES
OF FORMAL DIPLOMATIC CORRESPONDENCE
(theoretic and applied aspects)**

Yegana Nuraddin gyzy Aliyeva

Baku State University
Z. Khalilova str., 23, Baku, Azerbaijan, 1148
yegane-aliyeva-84@mail.ru

The article reveals the role of correspondence in establishing diplomatic relations. It emphasizes the importance of the effect of correspondence on the formation and development of those ones. Experience has shown that if inaccurate and misleading expressions in the correspondence could lead to a worsening of relations between states. However, the correspondence is able to clear up misunderstandings and prevent clashes and war, restore peace and harmony. Therefore, correspondence should be extremely careful and avoid even the slightest mistake. Having considered historically established relationships, one can conclude that correspondence has got a significant impact on the interstate development on the whole.

Key words: diplomatic relations, decency rules, foreign policy, mutual greeting.

КОНЦЕПТЫ И КОЦЕПТОСФЕРА

УДК [811.161.1:811.163.41]'33

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ЗАПАХА В РУССКОЙ И СЕРБСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ

Д.И. Медведева

Удмуртский государственный университет
ул. Университетская, 1, Ижевск, Россия, 426034
diami@mail.ru

В статье представлен сопоставительный анализ концептов *запах* и *мирис* в русской и сербской лингвокультурах. Материалом исследования послужили дефиниции репрезентантов концептов, отобранные из русских и сербских лексикографических источников, фразеологические единицы, а также тексты разных типов. По нашим данным, исследования, посвященные сопоставительному анализу указанных концептов, отсутствуют, таким образом, в настоящей статье содержится новая информация о фрагментах русской и сербской концептосфер. Изучение понятийного ядра концептов на основе анализа словарных дефиниций их репрезентантов выявило наличие более сложной структуры и большего количества признаков у сербского концепта, а также преобладание у его репрезентантов позитивной коннотации. Образный компонент изучаемых концептов разработан в обеих лингвокультурах, однако использование имени сербского концепта на разных языковых уровнях и в текстах разных типов в составе концептуальных метафор является более интенсивным. Исследование показало также бóльшую связь концепта *мирис* с антропонимикомом и эргонимией. Таким образом, исследование приводит к выводу о превалировании различий над сходствами в изучаемых фрагментах концептосфер. Ценностный компонент концепта *мирис* просматривается на всех уровнях исследования, что позволяет причислить данный концепт к ключевым концептам сербской лингвокультуры; ценностный компонент русского концепта не столь ярко выражен.

Ключевые слова: концепт, *запах*, *мирис*, концептуальные признаки, понятийный компонент, образный компонент, ценностный компонент.

ВВЕДЕНИЕ

В настоящее время наблюдается повышение интереса исследователей, представляющих разные отрасли гуманитарных наук, к изучению роли запахов в разных культурах. Данная сфера исследования интересует культурологов, социологов, психологов, физиологов, лингвистов.

Среди лингвистических работ следует отметить диссертационные исследования, посвященные изучению лексики, относящейся к семантическому полю «за-

пах», либо лексики с семей «запах», данные языковые единицы изучаются также под терминологическим обозначением «лексика ольфакторного восприятия» [4; 5]. Имеются также попытки освещения данной проблематики в русле когнитивной лингвистики. В одной из новейших работ предметом рассмотрения является концептосфера «ольфакторное пространство» [9].

В отличие от данного автора, под концептосферой мы вслед за Д.С. Лихачевым понимаем совокупность всех концептов отдельного национально-культурного сообщества, а в качестве концептов рассматриваем многомерные смысловые образования, в которых выделяются понятийная, образная и ценностная стороны [3. С. 129]. Лексемы *запах* и ее аналог в сербской лингвокультуре *мирис* мы рассматриваем в качестве имен соответствующих концептов. Цель нашего исследования — сопоставительный анализ концептов *запах* и *мирис* в русской и сербской лингвокультурах. Материалом исследования послужили дефиниции репрезентантов концептов, отобранные из русских и сербских лексикографических источников, фразеологические единицы, а также тексты разных типов. По нашим данным, исследования, посвященные сопоставительному анализу указанных концептов, отсутствуют, таким образом, в настоящей статье представлена новая информация о фрагментах русской и сербской концептосфер.

1. АНАЛИЗ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КОНЦЕПТОВ ЗАПАХ И МИРИС В РУССКОЙ И СЕРБСКОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ

С целью выявления понятийного ядра концептов на основе анализа лексикографических источников нами были сформулированы обобщенные дефиниции лексем *запах* и *мирис*. **Запах** 1. *воспринимаемое обонянием свойство всего: предметов, веществ, существ и т.п.* [1], *воспринимаемое обонянием свойство веществ: ~ цветов, острый ~, вещество без ~, чувствовать ~* [7], *индивидуальный признак кого-чего-л.: ~ человека, животного, цветка, плода, пищи*; 2. *ощущение, вызываемое таким восприятием: чувствуется ~ гари, резкий ~ бьет в нос* [8]. Рассмотрим обобщенную дефиницию сербской лексемы. **Мирис** 1. *осећај, надражај изазван деловањем (преко ваздуха, зрака), на чуло, осетило (у носу), које је способно да тај надражај прима и разликује: пријатан ~, непријатан ~, ~ цвећа, ~ јела, омамљив ~. фиг. Мирис туге видик ми отима* [11], *моћ, способност реаговања чула (у носу) на хемијске промене материја у непосредној околини* [12]. 2. *Миришљава материја биљног или животињског порекла или добијена вештачким путем; алкохолни раствор ових материја: колоњска вода, парфем и сл., који се употребљава ради пријатног мирисања, дезинфекције коже* [12]. 3. *фиг. оно што буди сећања, асоциације на нешто, дах нечега. Мирис вјечности, мирис старине* [11]; *особина, својство, обележје* [12]. (1. ощущение, раздражение, вызванное воздействием через воздух на обоняние (в носу), которое способно воспринимать и различать такое раздражение: приятный ~, неприятный ~, ~ цветов, ~ еды, соблазнительный ~. Перен. Запах грусти/тоски застилает мне горизонт; способность рецепторов (в носу) реагировать на химические изменения материи в непосредственной близости, обоняние. 2. Душистое вещество растительного или жи-

вотного происхождения либо полученное искусственным путем; спиртовой раствор такого вещества: духи, одеколон и т.п., используемый для ароматизации, дезинфекции кожи. 3. Перен. то, что пробуждает воспоминания, ассоциации с чем-л., дух чего-л.: запах вечности, запах старины; отличительный признак, свойство) [11; 12].

Изучение обобщенных дефиниций имен концептов позволило выделить их концептуальные признаки. Общими для русской и сербской лексем являются признаки 'то, что воспринимается обонянием', 'ощущение того, что воспринимается обонянием', 'индивидуальное свойство одушевленного или неодушевленного предмета, воспринимаемое обонянием'. Кроме перечисленного, имя концепта *мирис* содержит признак 'вещество с приятным запахом' и выделенные из переносных значений признаки 'то, что пробуждает воспоминания, ассоциации'; 'индивидуальное свойство абстрактного понятия'. Необходимо отметить, что признаки, отсутствующие в дефиниции имени концепта *запах* по сравнению с именем концепта *мирис* — 'вещество с приятным запахом' и 'индивидуальное свойство абстрактного понятия' — имеются в дефиниции синонимичной лексемы *аромат*: 1. *приятный запах, благоухание* 2. *только мн., устар. душистые вещества, пряности* 3. *Высок. едва уловимый, но характерный отличительный признак чего-л.: аромат старины* [7]; *книжн. неуловимый отпечаток, дух чего-л.* [8].

Единственный признак, не обнаруженный в наборе признаков лексем *запах* и *аромат* — 'то, что пробуждает воспоминания'. Таким образом, имя концепта *мирис* имеет более сложную структуру и отличается большим количеством признаков, чем имя концепта *запах*. В двуязычных словарях отсутствуют указания на переносные значения лексемы *мирис*: 1. *запах, аромат* 2. *духи* [6].

Рассмотрим обобщенные дефиниции глаголов, родственных базовым лексемам-существительным: *Пахнуть* 1. *издавать запах. Этот поступок дурно пахнет* — перен. *предосудителен, нечистоплотен* [8]; *пахнет, пахло весной, мартом, утром* и т.п. — *о появлении признаков приближения какого-либо времени года, суток (весны, утра и т.п.), проявляющихся в каких-либо характерных запахах* [2]. 2. *обнаруживать в себе, иметь признаки, черты чего-л.* [2], перен., обычно безл. *О чем-то предполагаемом или ожидаемом: чувствоваться, ощущаться (разг.) Пахнет ссорой. Дело пахнет неприятностью. Пахнет порохом (близится война).* [8]. Большой академический словарь выделяет отмеченное негативной коннотацией третье значение: перен., разг. *заключат в себе угрозу чего-л., свидетельствовать о возможности, приближении чего-л. (особенно неприятного, опасного)* [2].

Обратимся к сербскому глаголу. *Мирисати* 1. *издавати, одавати из себе мирис (обычно пријатан)*. 2. *фиг. личити (на нешто), изгледати као, подсећати (на нешто). Мирисе на провокацију*. 3. *чулом мириса примати, осећати мирис, удисати мирис*. 4. *фиг. а. свићати се, допадати се б. марити, волети*. 5. *чинити мирисним* (1. Издавать, испускать запах (обычно приятный). 2. перен. Походить на что-л., выглядеть как что-л., напоминать что-л. Пахнет провокацией. 3. Обонянием воспринимать, чувствовать запах, вдыхать запах. 4. перен. а. нравиться б. любить, находить удовольствие в чем-л. 5. Делать душистым, душить) [11; 12].

Материал исследования показал, что оба глагола содержат основной концептуальный признак ‘издавание запаха’, в сербском языке дополненный положительной коннотацией, и переносный признак ‘проявление свойства временного периода либо ситуации’. Сербский глагол помимо этого характеризуется признаками ‘пробуждение воспоминаний’, ‘позитивное восприятие кого/чего-л.’, ‘восприятие запаха обонянием’, ‘применение к кому/чему-л. вещества с приятным запахом’. Как и существительное *мирис*, глагол *мирисати* имеет более сложную структуру, чем его русский аналог. Толкования лексем и примеры словоупотребления позволяют констатировать наличие преимущественно негативной коннотации у русского глагола и позитивной — у сербского.

Далее сопоставим однокоренные производные от имен концептов. Производные русской лексемы *запах* достаточно немногочисленны: *пахнуть*, *запахнуть*, *попахивать*, *пропахнуть*, *пахучий*, *пахучесть*, *запашок*. Сербская лексема *мирис* обладает большим словообразовательным потенциалом: *мирисање* — запах, издавание запаха; *мирисати* — 1. пахнуть, благоухать. 2. нюхать, обонять. 3. душить (духами); *мирисав*, *миришљав* — душистый, ароматный, пахучий; благоухающий; *мирисаво биље* — эфирномасличные растения; *мирисан* — душистый, пахнущий; благоухающий; *мирисар* — парфюмер; *мирисавка* — 1. душица обыкновенная, желтоцвет 2. мускатный виноград 3. душистое яблоко (особый сорт); *миомир*, *миомирис* — благоухание, благовоние; *миомирисан* — благоухающий; *чуло мириса* — обоняние [6]; производные от глагола с приставками: *замирисати* — запахнуть, *намирисати* — 1. надушить 2. почувствовать запах. 3. перен. почуять; *помирисати* — понюхать; *омирисати* — обнюхать, перен. вынюхать, ощутить; *размирисати се* — распространить аромат, наполниться ароматом и др. Вероятно, обилие производных объясняется большим объемом значения лексемы *мирис*.

Анализ лексикографических источников показывает, что в русском языке концепт *запах* объективируется при помощи синонимов имени концепта, не являющихся однокоренными — *аромат*, *дух*, *благовоние*, каждый из которых имеет словообразовательное гнездо: *аромат* — *ароматный*, *ароматический*, *ароматизация*, *ароматизировать*; *дух* — *душить*, *духи*, *душица*, *душистый*, *духовитый*, *благоухание*, *благоухать*; *благовоние* — *благовонный*, *обоняние*, *обонять*. К репрезентантам концепта относятся также не являющаяся непосредственным синонимом лексема *парфюм* с однокоренными словами *парфюмерия*, *парфюмерный*, *парфюмер* и глагол *нюхать*, обозначающий восприятие запаха обонянием, с его префиксальными производными *унюхать*, *пронюхать*, *вынюхать*, *разнюхать* и др. В отличие от русского языка, количество репрезентантов сербского концепта невелико: *арома*, *ароматичан*, *парфем*, *парфемисати*; *дах* (дух чего-л., перен). Итак, меньшая словообразовательная активность имени концепта *запах* в русском языке «восполняется» большим количеством производных от разнокоренных синонимов. В сербском языке наблюдается противоположная ситуация.

Анализ принадлежности лексики с семантикой запаха к разным слоям языка приводит к выводу о том, что в русском языке имеет место большая стилистическая дифференциация репрезентантов концепта. Значительная доля слов — *аро-*

матизация, ароматизировать, благоухание, благоухать, благовоние, благовонный, обонять, обоняние — относятся к книжной лексике, причем слова с компонентом благо- происходят из церковнославянского языка, в то время как лексемы *духовитый, душок, запах* являются разговорными либо просторечными. Среди рассматриваемых сербских лексем не наблюдается значительного расслоения; упомянутые церковнославянизмы с компонентом благо- в двуязычных словарях переводятся как *пријатан мирис, арома*. К книжной лексике относятся *арома, ароматичан, парфем*.

На уровне фразеологии были проанализированы фразеологические единицы (далее — ФЕ), отобранные по принципу наличия в их составе лексем *запах/мирис*, их синонимов или дериватов: рус. *пахнет порохом* (предвидится война); *дело пахнет керосином* (о приближении чего-л. опасного, неприятного); *пахнет жареным а)* о чем-л. выгодном, заманчивом *б)* о надвигающейся опасности, о предчувствии беды; *кровью пахнет* (о чем-либо, связанном с убийством, кровопролитием); *цветет и пахнет* (о довольном, радостном, удачливом человеке); *и не пахнет* (нет и не предвидится появления кого/чего-л.) [2]; серб. *он га не мирише* (он его на дух не выносит), *ни лук јео, ни на лук мирисао* (ни сном, ни духом не виноват), *омирисати барут* (понюхать пороху), *ни(ти) смрди ни(ти) мирише* (ни рыба ни мясо), *мирише на млеко* (молоко на губах не обсохло), *мирише на коливо/тамјан / гробље* (на ладан дышит), *мирише као душа / мирише као душа девојачка* (об очень приятном запахе, аромате) [10—12].

В русском языке выделяется группа фразеологизмов с лексемой *дух*, в одном из своих периферийных значений синонимичной слову *запах* [8]: *ни сном ни духом не виноват; ни слуху ни духу; чтобы духу твоего здесь не было; на дух не выносить кого-л.* [7; 8].

Однако данное значение является устаревшим, не употребляется в свободных словосочетаниях в современном стандартном русском языке, а в приведенных ФЕ, по нашему предположению, десемантизировано и не осознается современными носителями русской лингвокультуры как имеющее отношение к запаху. Таким образом, при исследовании русских ФЕ с семантикой запаха обнаруживается четкое диахроническое деление их на единицы с производными базовой лексемы *запах* и единицы с десемантизированной лексемой *дух*.

Сопоставительное изучение фразеологизмов позволило выявить ряд сходств и различий. Большинство рассмотренных ФЕ являются глагольными. Число ФЕ русского языка с базовой лексемой и ее производными незначительно превышает количество аналогичных ФЕ сербского языка. ФЕ *понюхать пороху / омирисати барут* является интернационализмом (ср. англ. *get the smell of powder*, нем. *Pulvergerochen haben*, исп. *haber olido la pólvora*), а русское устойчивое словосочетание *пахнет порохом* — вероятно, его производным. Как в русских, так и в сербских ФЕ запахи различных веществ (пороха, керосина, жареного [кушанья], лука, молока, ладана) символизируют и метонимически заменяют абстрактные понятия: война, опасность/неприятность, выгода, (не)причастность к чему-л., юность/незрелость, умирание. В русском языке преобладают безличные фразеологические

обороты, характеризующие ту или иную ситуацию, как правило, негативную: *пахнет порохом, дело пахнет керосином, пахнет жареным, кровью пахнет, и не пахнет (кем/чем-л.)*; в сербском языке — фразеологизмы, характеризующие человека по ряду признаков: юность, незрелость (*мирише на млеко*), близость к смерти (*мирише на тамјан/ коливо/ гробље*), заурядность либо неопределенность занимаемой позиции (*нити смрди нити мирише*), непричастность к чему-л. (*ни лук јео, ни на лук мирисао*).

2. ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ РЕПРЕЗЕНТАНТОВ КОНЦЕПТОВ В ТЕКСТАХ РАЗНЫХ ТИПОВ

Лексема *мирис* часто встречается в названиях произведений сербской поэзии и прозы, образованных по модели *мирис* + конкр./абстр. сущ. или сл.-соч. сущ. + прил. в род. п. В данных названиях реализуется как прямое значение лексемы (*Мирис божура* Любодрага Обрадовича; *Мирис дувана и јагода* Немани Шаиновича; *Мирис војвођанских поља, Мирис земље* Десанки Максимович; *Мирис кише на Балкану* Горданы Куич; *Мирис лошег дувана* Душана Микли), так и переносное (*Мирис душе* Лиляны Д. Аврамович; *Мирис новца* Смиляны Вукичевич; *Мирис даљина* Зорицы Тиянич; *Мирише сећања на дуње зелене* Тамары Божич; *Мирис мрака* Миомира Петровича; *Јеп, или мирис смрти* Невенки Некич). В ряде примеров прямо или косвенно актуализируется концептуальный признак 'пробуждение воспоминаний': либо в обозначении «источника» запаха, относящегося к прошлому (*Мирис памтивека* (Запах незапамятных времен) Светислава Стефановича, *Мирис барута и смрти на Косову и Метохији 1999. године* (Запах пороха и смерти в Косово и Метохии в 1999 г.) Небойши Павковича, *Мирис пролећа 1999. године* (Запах весны 1999 г.) Любиши Б. Джидича, либо в мемуарном жанре книг: *Мирис шумских јагода* (Запах лесной земляники) Любицы Перкман, *Мирис јоргована* (Запах сирени) Мильки Томич.

В названиях русскоязычных книг лексема *запах* или синонимичная ей *аромат* встречаются весьма редко. Среди специальной литературы отметим двухтомное культурологическое исследование *Ароматы и запахи в культуре* и справочное издание *Ароматы мира*. Художественные произведения носителей русской лингвокультуры с лексемой *запах* в названии единичны, к примеру, воспоминания петербургской поэтессы Нонны Слепаковой об ее отце-фронтовике, озаглавленные *Запах Победы*. Среди произведений художественной литературы, изданных на русском языке, в названиях которых имеются слова *запах, аромат*, преобладают переводные романы англоязычных авторов: *Аромат роз* (Кэтрин Андерсон), *Аромат страсти* (Майя Бэнкс; Мередит Рич), *Запах мысли* (Роберт Шекли), *Аромат женщины* (Росс Голди), *Сладкий запах крови* (Сьюзан Маклеод), *Запах страха. Коллекция ужасов* (Стивен Джонс), а также писателей итальянского происхождения: *Ароматы кофе* (Энтони Капелла), *Аромат твоего дыхания* (Мелисса Панарелло). Лексема *запах* использована в названиях русскоязычных романов армянским и грузинским авторами: *Горький запах полыни* (Ганад Чаркарян), *Витамины любви. Сладкий запах спелой клубники* (Георгий Купарадзе).

Таким образом, сопоставление названий художественных произведений, изданных на русском и сербском языках и содержащих имена концептов *запах* и *мирис*, показало, что в русской лингвокультуре отсутствует тенденция использования лексемы *запах* в заголовках художественных книг, в сербской же лингвокультуре такая тенденция весьма распространена.

Своеобразное отражение запахи и ароматы находят в антропонимиконе России и Сербии. В русском языке имеются интернациональные антропонимы, происходящие от наименований цветов, ценимых как за красоту, так и за аромат: *Роза*, *Лилия*, *Жасмин*. В сербском корпусе личных имен присутствуют как аналоги данных имен (*Ружа*, *Льильана*, *Јасмина*), так и другие антропонимы, образованные от названий ароматических растений. Среди них преобладают женские имена: *Дуња* (айва), *Смиља*, *Смиљка*, *Смиљана* (от *смиље* — бессмертник), *Босиљка* (от босиљак — базилик), имеются и мужские имена *Смиљан*, *Смиљко*, *Миомир* (от *миомирис* — аромат). Айва, а также бессмертник и базилик, названия которых образуют устойчивую рифму — *смиље* и *босиље* — наиболее известные ароматические растения в сербском фольклоре, обрядах и в культуре повседневности. В связи с различием русской и сербской традиций именования для русской лингвокультуры данные имена являются лакунарными. Кроме того, здесь имеет место непосредственное отражение природных условий страны в лингвокультуре народа.

Значительный интерес представляет использование имен концептов в составе российских и сербских эргонимов. В качестве примера эргонимической лексики рассмотрим названия предприятий гостиничного и ресторанного бизнеса. Российские эргонимы данной тематической группы представлены названиями сети ресторанов *Аромат Востока* и ресторана вьетнамской кухни *Ароматная река* в г. Москва.

На юге России и в области распространения русской лингвокультуры в юго-восточной части Украины выявлен ряд эргонимов, где позитивная коннотация лексемы *аромат* служит для привлечения туристов: гостевой дом *Розовый аромат*, г. Туапсе, частное домовладение *Аромат розы*, г. Скадовск, и частное домовладение *Аромат лета*, пос. Счастливцево (Херсонская область, Украина).

В республиках бывшей Югославии в качестве названия гостиниц и ресторанов популярно словосочетание *Мирис дуња* (аромат айвы). Аромат этого фрукта символизирует уют дома, приятную домашнюю атмосферу, ассоциируется с семейной традицией, так как в сербской культуре повседневности существует обычай хранить айву в жилых комнатах на шкафах для украшения и ароматизации помещений. В частности, название *Мирис дуња* носят вилла и ресторан в курортном городе Златибор, дача для туристов на курорте Яхорина в Республике Сербской, ресторан в этническом стиле в парке отдыха «Забрана» близ г. Обреновац, кофейня в г. Пожаревац и др. Из эргонимов-словосочетаний с компонентом *мирис* выявлено также название ресторана македонской кухни *Мирис југа* в г. Нови-Сад, предприятия гостиничного бизнеса *Мирис борова* (аромат сосен) и *Мирис планине* (аромат гор) на курорте Златибор.

Изучение эргонимии показывает, что в исследованных русскоязычных эргонимах употребляется только синоним имени концепта *аромат*, обладающий позитивной коннотацией, и лишь эпизодически: либо в названиях «экзотических» ресторанов, либо в южных областях России и на Украине, где природные условия непосредственно влияют на лингвокультуру.

С целью изучения функционирования репрезентантов концептов на современном этапе развития русского и сербского языков был проведен анализ публицистических текстов. Основное внимание сосредоточено на исследовании свободных метафорических словосочетаний, образованных по моделям *запах / мирис X (сущ. в род. п.)* и *X пахнет / мирише на Y*. Под метафорическими мы понимаем словосочетания, в которых свойством источать запах наделяется не конкретный предмет или вещество, а абстрактное понятие.

Наряду со сходными метафорами (*пахнет провокацией — мирише на провокацију, пахнет коррупцией — мирише на корупцију, пахнет весной — мирише на пролеће* и др.) обнаружены различия в сочетаемости имен концептов и их производных. К примеру, как показывает материал исследования, *запах денег* является устойчивой метафорой в русском языке.

Употребление лексем *пахнуть* и *деньги* в рамках одного высказывания весьма частотно: в заголовках газетных статей *Здесь русский дух. Деньгами пахнет; Сильно пахнет деньгами; На Кипре деньгами не пахнет, Успешный парфюм пахнет деньгами; Пахнет быстрыми деньгами* и др. Имеются и песни под названиями *Музыка пахнет деньгами* (Леонид Агранович) и *Деньги пахнут* (Карандаш). В прессе регулярно употребляются и синонимичные словосочетания *пахнет прибылью / миллионом / миллиардом* и т.п.

Для сербского же языка метафора, связывающая понятия *деньги* и *запах*, несвойственна, нами были обнаружены лишь эпизодические примеры в социальной сети Facebook: *Ту нешто мирише на паре* (Похоже, здесь пахнет деньгами) и *Данас већина песама мирише на новац, а некада су имале и душу* (букв. Сегодня большинство песен пахнут деньгами, а когда-то они имели и душу). Возможно, данное различие объясняется преобладанием позитивной коннотации у глагола *мирисати*, а также тем, что в русском языке вышеназванная метафора является результатом трансформации известного латинского изречения *деньги не пахнут*, в то время как в сербском переводе этого крылатого выражения использована лексема с ярко выраженной негативной коннотацией: *новац не смрди*.

В заголовках сербских публицистических статей о популярных исполнителях вокала прослеживается тенденция к связыванию понятий *запах* и *песня*: *Мирис народне песме; Нове песме миришу на лето и море; Моје песме имају мирис Београда*. Заметка рекламно-информационного характера о телепередаче *Мирис песме* содержит рефлексию о взаимосвязи песни и запаха/аромата: *«Мирис песме» емисија посвећена заљубљеницима у речи, стихове и текстове песама... Како мирише песма? Ако мелодија песми даје укус и одређује њен жанр, има ли песма мирис? Какав је мирис ваше омиљене песме?* (Передача «Аромат песни» — для всех, кто влюблен в слова, стихи и тексты песен... Каков аромат песни? Если

мелодия придает песне вкус и определяет ее жанр, то есть ли у песни аромат? Каков аромат вашей любимой песни?).

Данные примеры иллюстрируют реализацию концептуального признака 'свойство абстрактного понятия'. В публикациях, предсказывающих успех новых эстрадных песен, часто употребляется метафорическое словосочетание *мирише на хит* (букв. пахнет хитом); здесь в глаголе, производном от имени концепта, реализуется концептуальный признак 'предчувствие'. В русской публицистике не было выявлено примеров, где бы песня наделялась свойством издавать запах или аромат.

Русские и сербские свободные метафорические словосочетания с дериватами имен концептов различаются временной отнесенностью. Как в русской, так и в сербской публицистике были выявлены контексты, где реализуется концептуальный признак 'предчувствие': рус. *В США пахнет большим скандалом между Белым домом и законодателями; В Киеве пахнет Майданом; Приднестровье: в воздухе пахнет грозой; В воздухе уже пахнет праздником; Пресса чует запах победы — Лига чемпионов УЕФА среди женщин; серб. Били еуфорични или не, Нова година већ мирише!* (Испытываете вы эйфорию или нет, но уже пахнет Новым годом!); *малина мирише на добру зараду* (малина пахнет хорошим заработком).

Речевой оборот с лексемой *мирисати* популярен в сербских публицистических статьях, прогнозирующих позитивные результаты спортивных соревнований: *Све мирише на Лигу шампиона; Тако ми све ово мирише на финале Србија — Хрватска; Све мирише на злато / Кошаркашка репрезентација Србије стартовала је тријумфом на Европском првенству; Мирише на победу: Ноле данас има додатну мотивацију* и др.

Кроме того, в отличие от русских, в ряде сербских примеров реализуется признак 'пробуждение воспоминаний': *Све мирише на деведесете* (Все напоминает девяностые); *Србија мирише на време уочи убиства Ђинђића* (Обстановка в Сербии напоминает время накануне убийства Джинджича), *Место где све мирише на традицију* (Место, где во всем чувствуется дух традиции); *Милано — мирис прошлости, магија будућности* (Милан — аромат прошлого, магия будущего); *Чим заснежи, у мени миришу сећања* (Первый снег навевает воспоминания); *Честитке — боје и мириси сећања* (Поздравительные открытки — краски и запахи воспоминаний). Изучение публицистических текстов позволило обнаружить новые метафоры, которые свидетельствуют об актуализации признака абстрактного понятия в российской прессе. В сербской прессе наблюдаются единичные случаи использования репрезентантов концепта в контекстах, содержащих описания негативных ситуаций.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Изучение понятийного ядра концептов на основе анализа словарных дефиниций их репрезентантов выявило наличие более сложной структуры и большего количества признаков у сербского концепта, а также преобладание у его репре-

зентантов позитивной коннотации. Образный компонент изучаемых концептов разработан в обеих лингвокультурах, однако использование имени сербского концепта на разных языковых уровнях и в текстах разных типов в составе концептуальных метафор является более интенсивным.

Исследование показало также большую связь концепта *мирис* с антропони-микомом и эргонимией. Таким образом, исследование приводит к выводу о пре-валировании различий над сходствами в изучаемых фрагментах концептосфер.

Ценностный компонент концепта *мирис* просматривается на всех уровнях исследования, что позволяет причислить данный концепт к ключевым концептам сербской лингвокультуры; ценностный компонент русского концепта не столь ярко выражен. Необходимо отметить, что настоящая статья дает лишь фрагментарное представление о концептуализации запаха в сопоставляемых лингвокультурах. За рамками рассмотрения остались художественные, рекламные и песенные тексты, что составляет перспективу исследования.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Большой академический словарь русского языка (2006) [Academic Russian Dictionary: in 17 vv.]. Т. 3. М.: СПб.: Наука.
- [2] Большой академический словарь русского языка (2011) [Academic Russian Dictionary: in 17 vv.]. Т. 15. М.: СПб.: Наука.
- [3] *Карасик В.И.* (2002). Языковой круг: личность, концепты, дискурс. [Language circle: person, concepts, discourse]. Волгоград: Перемена.
- [4] *Одицова М.В.* (2008). Художественно-стилевая роль слов лексико-семантического поля «запах» в произведениях И.А. Бунина: аспекты номинации и предикации. [Artistic-stylistic role of the lexical-semantic field 'smell' in Ivan Bunin's works]. Дисс. ... канд. филол. наук. Москва.
- [5] *Павлова Н.С.* (2006) Лексика с семой 'запах' в языке, речи и тексте. [Lexic containing the seme 'smell' in language, speech and text]. Дисс. ... канд. филол. наук. Екатеринбург.
- [6] Сербско-хорватско-русский словарь (1957). [Serbo-Croatian-Russian dictionary] / Сост. И.И. Толстой. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей.
- [7] Современный толковый словарь русского языка (2002) [Modern Russian definition dictionary] / Гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт.
- [8] Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов (2008). [Russian dictionary with information on the words' origin] / Институт русского языка РАН им. В.В. Виноградова. Отв. ред. Н.Ю. Шведова. М.: Издательский центр «Азбуковник».
- [9] *Халльштайн А.В.* (2015). Представление ольфакторного пространства в языковой картине мира новоанглийского периода. [Representation of olfactive space in the linguistic world-image of the Late Transition period]. Дисс. ... канд. филол. наук. С-Петербург.
- [10] *Миленковић Т.* (2006). Идиоми у српском језику [Idioms in the Serb language]. Алексинац: Атеље 63.
- [11] Речник српскохрватскога књижевног језика (1990). [Dictionary of Serbo-Croatian literary language. Book III]. Књига трећа. 2. фототипско издање. Нови Сад: Матица Српска.
- [12] Речник српскохрватског књижевног и народног језика (1972). [Dictionary of Serbo-Croatian literary and folk language. Book VIII]. Књига VI. Београд: Институт за српско-хрватски језик, САНУ.

CONCEPTUALIZATION OF SMELL IN RUSSIAN AND SERBIAN LINGUISTIC CULTURES

Diana I. Medvedeva

Udmurt State University
Universitetskaya str., 1, Izhevsk, Russia, 426034
diami@mail.ru

The article represents the results of a comparative analysis of the concepts *запах* and *мирис* in the Russian and Serbian linguistic cultures. The definitions of the concepts' names taken from dictionaries of the Russian and Serbian languages, phraseologisms as well as different text types are studied. As far as we are aware, there are no investigations that concern the comparative analysis of the aforementioned concepts, so this article contains new information about certain parts of the Russian and Serbian conceptual domains. The study of the conceptual core revealed a more complicated structure and a larger number of conceptual characteristics in the Serbian concept, as well as statistically more dominant positive connotation of the lexemes that represent it. The imaginative component of the concepts is significant in both linguistic cultures, but the Serbian concept's name functions more intensively at different linguistic levels and in different text types. Besides, the study revealed predominant presence of the concept *мирис* in personal names and in ergonyms. Thus, the research leads to the conclusion that differences prevail over similarities in those parts of the conceptual domains which are represented by the concepts under study. The value component of the concept *мирис* is perceptible at all levels of its research, which enables us to consider it one of the key concepts of the Serbian linguistic culture; the value component of the Russian concept is less prominent.

Key words: concept, *запах*, *мирис*, conceptual characteristics, conceptual core, imaginative component, value component.

**СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ КОНЦЕПТА «НЕМЕЦ»
(на материале фронтовых писем
Великой Отечественной войны)**

Н.Л. Чулкина, О.Н. Кольшева

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10-2а, Москва, Россия, 117198
kolysheva.olga@gmail.com

В статье анализируется концепт «немец», выявленный в результате анализа фронтовых писем Великой Отечественной войны методом сплошной выборки. Рассматриваются состав концепта, его структура, а именно ядро и периферия, его семантические особенности, сравниваются словарные и контекстуальные дефиниции, выделенные путем контекстуального анализа языкового материала. Результаты, полученные в ходе анализа фронтовых писем, позволяют описать концепт как сложную семантическую структуру и позволяют выявить причины формирования этого концепта.

Ключевые слова: контекст, концепт, лексическое значение, семантика, состав концепта, фронтовые письма.

ВВЕДЕНИЕ

До недавнего времени оставался неизученным огромный пласт культуры — фронтовые письма Великой Отечественной войны. Сегодня эти письма можно найти в тематических книжных изданиях, на интернет-ресурсах. Они хранятся в свободном доступе, однако до сих пор не подвергались лингвистическому анализу. Уникальность анализа языкового материала фронтовых писем заключается в возможности построения языковой личности того времени с выделением особо значимых культурных пластов. Языковой материал этих писем нехаотичен и неслучаен, его анализ позволяет выстроить определенные семантические и ассоциативные поля, строго организованные и обладающие структурой.

В данной работе мы остановимся на интересном с точки зрения семантики концепте «немец», выявленном в результате анализа фронтовых писем.

ХАРАКТЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ КОНЦЕПТА «НЕМЕЦ»

За основу определения понятия «концепт» была взята мысль Аскольдова, согласно которой «концепт — значительно шире, чем лексическое значение» [1. С. 6]. Эта мысль нашла развитие в работах Ю.С. Степанова, который писал, что концепт есть «некое суммарное явление, по своей структуре состоящее из самого понятия и ценностного (нередко образного) представления о нем человека» [5. С. 40].

Концептом может стать только явление действительности, имеющее большую значимость для определенной культуры. Это сложное и важное понятие, без кото-

рого невозможно представить эту культуру. Концепт становится носителем культурной памяти народа. Последние события, такие как создание Народного архива и сайта «Мемориал», организация и проведение масштабных акций «Бессмертный полк» и «Суть времени», доказывают, что произошедшее в годы Великой Отечественной войны до сих пор волнует нас.

Мысль Аскольдова, высказанная в начале развития когнитивной семантики в России, была развита в работах Масловой. Так, по Масловой, концепт — «ментальное национально-специфическое образование, планом содержания которого является вся совокупность знаний о данном объекте, а планом выражения — совокупность языковых средств (лексических, фразеологических, паремиологических и др.)» [3. С. 27]. На этом определении мы остановимся.

Концепт «немец» был выделен путем анализа 150 фронтовых писем времен Великой Отечественной войны методом сплошной выборки. Данный концепт представлен 40 лексическими единицами, которые встречаются в проанализированном материале 224 раза. В основе включения единиц в концепт лежал семантический признак «человек, принадлежащий к немецкой национальности».

Концепт «немец» обладает следующими чертами.

1. Одним из важнейших свойств концепта «немец» является наличие структуры, а именно периферии и ядра, в котором сосредоточены семантически значимые единицы. Согласно Боровиковой, для такой структуры характерна «максимальная концентрация полнообразующих признаков в ядре и неполный набор этих признаков при возможном ослаблении их интенсивности на периферии» [см.: 2].

2. Все члены концепта находятся в различных отношениях друг к другу и к ядру. Отсюда вытекает следующая черта — неравномерность. Ядро концепта представлено 4 лексическими единицами, 36 единиц находятся на периферии.

3. Одной из главных черт концепта является аттракция — возможность включения в концепт новых лексических единиц с тем же компонентом в значении [см.: 6]. В связи с этим в составе концепта «немец» представлены единичные реакции, которые можно назвать авторскими (*пес-рыцарь, тевтон, саранча, людоед и др.*).

4. Концепт «немец» окружен эмоционально-пейоративным ореолом, в его составе преобладают лексические единицы, семантические компоненты которых содержат негативную оценочную характеристику (*сволочь, изверг, мразь, негодяй, тиран и др.*).

СТРУКТУРА КОНЦЕПТА «НЕМЕЦ»

Рассмотрим структуру концепта «немец». Центр концепта, его ядро представляют четыре существительных: *враг* (56), *противник* (31), *фашист* (28), *немец* (19). В скобках здесь и далее зафиксировано количество употреблений этих лексических единиц в изученном материале. Далее структура концепта предполагает разделение на ближайшую и дальнюю периферии. В ближайшую периферию концепта

входят 8 единиц: *гад* (12), *германец* (7), *гитлеровец* (7), *Гитлер* (7), *банда* (6), *сволочь* (5), *изверг* (4), *варвар* (4). Дальняя периферия здесь представлена 7 единицами: *стервятник* (3), *бандит* (3), *фриц* (3), *мерзавец* (2), *нечисть* (2), *собака* (2), *зверь* (2). Особняком в концепте стоят лексические единицы, употребление которых зафиксировано в изученном материале только один раз. Таких единиц 21: *гадина*, *гад-гитлеровец*, *гнусь*, *кровопийца*, *людоед*, *головорез*, *мразь*, *насекомое*, *негодяй*, *немец-фашист*, *пес-рыцарь*, *оккупант*, *полчище*, *разбойник*, *саранча*, *тевтон*, *тиран*, *трус*, *чудовище*, *чума*, *язык*.

ОСОБЕННОСТИ ЯДЕРНОЙ СЕМАНТИКИ

Далее подробно остановимся на рассмотрении ядра концепта «немец». Для всестороннего семантического анализа четырех лексических единиц, которыми представлен центр концепта, необходимо рассмотреть словарные дефиниции.

Согласно словарным дефинициям ядро концепта «немец» должно обладать 13 лексическими значениями, 5 из которых не имеют оценочного компонента («человек, принадлежащий к немецкой национальности», «житель Германии», «иностронец», «сторонник фашизма», «член фашистской организации»), а 7 остальных — негативно окрашены («кто-либо, враждебно относящийся к кому-либо», «противник политического строя», «недруг», «неприятель», «противник на войне», «враг», «соперник»). Наше предположение состоит в том, что лексические единицы, представляющие ядро концепта, приобретают в контексте новую семантику, которая в подавляющем большинстве употреблений будет нести пейоративную оценку.

Анализ контекстов, в которых употребляются ядерные единицы, позволил вывести значения, отличающиеся по своей семантике от словарных дефиниций. Для наглядности перечислим выведенные значения: «противник на войне», «враг», «тот, кому надо отомстить», «тот, кому нельзя сдать», «тот, кому нельзя уступить», «тот, кто силен», «гад», «тиран», «фашист», «кровный враг», «тот, кто использует подлые методы», «тот, кому не удастся победить», «тот, кто имеет временный успех», «тот, кого боятся», «трус», «тот, кого надо убить или взять в плен», «тот, кто причиняет вред», «тот, кого надо бить», «человек, принадлежащий к немецкой национальности», «житель Германии», «тот, кого надо разбить», «тот, кого нельзя допустить на определенную территорию», «тот, кого надо истреблять», «тот, кого надо убить», «тот, кому достается», «тот, кто хитер и коварен», «тот, кого трудно разбить и уничтожить», «тот, кого надо бить, чтобы защитить страну и семью», «кто-либо, враждебно относящийся к кому-либо», «тот, кто отнимает определенную территорию, семью, жизнь», «тот, кого ненавидят», «тот, кого надо победить», «тот, кого надо уничтожить», «тот, к кому испытывают негативные чувства», «тот, кто будет уничтожен», «тот, с кем надо драться», «недруг», «неприятель», «тот, кого трудно победить», «тот, кого надо громить», «тот, кто одерживает неудачу», «неприятель в военных действиях», «тот, кого обманывают», «тот,

кто стремится победить другого», «тот, кому нельзя дать уйти», «тот, кого надо побить», «тот, кто имеет временный успех», «тот, кто сопротивляется», «враг», «тот, кого надо побить», «член фашистской организации», «тот, кого надо остановить», «тот, кого надо изгнать с определенной территории», «тот, кто нарушает мирную жизнь», «тот, кто хочет захватить определенную территорию», «тот, кого надо разбить», «тот, кого надо громить», «тот, кто занимает определенную территорию», «тот, кто творит зверства и грабежи», «тот, кто обречен на смерть», «тот, кто портит что-то», «зверь», «тот, кто совершает злодеяния», «тот, кто злой», «тот, кто несет потери», «тот, кто не дает скучать», «тот, с кем надо драться».

Анализ ядра концепта «немец» позволил выявить полное несоответствие словарных и контекстуальных дефиниций.

Таким образом, сравнительный анализ показывает, что семантика концепта «немец» значительно расширяется в контексте. Концепт обрывает новыми семантическими смыслами, которые эмоционально окрашены. На примере анализа значений мы наблюдаем процесс изменения семантики путем включения в парадигму слова значений с пейоративной оценкой.

СПОСОБЫ ФОРМИРОВАНИЯ КОНЦЕПТА «НЕМЕЦ»

Согласно исследованиям З.Д. Поповой и И.А. Стернина [4. С. 40], когнитивный концепт формируется в сознании человека несколькими способами. Рассмотрим их на примере концепта «немец».

1. Во-первых, концепт формируется непосредственно из чувственного опыта, он воспринимается и переосмысливается человеком. Рассмотрение лексических единиц, составляющих ядро концепта, послужило доказательством этому высказыванию: в процессе переосмысления концепт «немец» получает новые значения и утрачивает старые.

2. На формирование концепта оказывает влияние предметная деятельность человека. Рассмотрение концепта «немец» в данной работе ограничено локальными и временными рамками, а именно периодом Великой Отечественной войны. Письма, рассмотренные нами, были написаны простыми солдатами, война была их единственной деятельностью в то время. И это, безусловно, наложило отпечаток на состав и содержание концепта «немец» в проанализированном материале.

3. Для образования концепта необходимы мыслительные операции с уже существующими в его сознании концептами. В данном случае концепт «немец» достаточно развит в русском языке, существуют обширные словарные статьи в лексикографических изданиях, многочисленные поговорки, что свидетельствует о его коммуникативной релевантности для русского языкового сознания.

4. Концепт также складывается из языкового общения, он может быть сообщен, передан и разъяснен другому человеку в языковой форме. Все фронтовые письма имеют своего адресата, тексты писем подвергались прочтению и осмыслению теми, кому оно было адресовано. Таким образом, происходил коммуникативный обмен содержащейся в них информацией.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Любой концепт поддается переосмыслению, когниции, а это означает, что его состав, содержание могут меняться со временем и во времени. В рассмотренных фронтовых письмах концепт «немец» окружен эмоциональным, экспрессивным, оценочным ореолом. Лексические единицы, которые входят в этот концепт, приобретает иную семантику в контексте, происходит включение в концепт таких единиц, которые в ином контексте семантически не пересекались.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Аскольдов С.А.* (1997). Концепт и слово [The concept and the word] // Русская словесность: Антология / Под ред. В.Н. Нерознака. М.: Academia.
- [2] *Боровикова Н.А.* (1989). Полевые структуры в системе языка. [Field patterns in the language system]. Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та.
- [3] *Маслова В.А.* (2004). Когнитивная лингвистика [Cognitive linguistics]: Учебное пособие / В.А. Маслова. Мн.: ТетраСистемс.
- [4] *Попова З.Д., Стернин И.А.* (2003). Очерки по когнитивной лингвистике. [Essays on cognitive linguistics]. Изд. 3. Воронеж.
- [5] *Степанов Ю.С.* (1997). Константы. Словарь русской культуры. [Constants. Dictionary of Russian culture]. Опыт исследования. М.
- [6] *Щур Г.С.* (1974). Теория поля в лингвистике. [Field theory in linguistics]. М.: Наука.

SEMANTIC FEATURES OF THE CONCEPT “GERMAN” (on material of letters of the Great Patriotic war)

N.L. Chulkina, O.N. Kolysheva

Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklay str., 10a, Moscow, Russia, 117198
kolysheva.olga@gmail.com

The detection of the concept “German” is a result of the linguistic analysis and work with letters of the Great Patriotic War. The concept analyzed by method of continuous selection. We consider the structure of a concept and its semantics, compare the dictionary and contextual definitions by the contextual analysis of language material. The results received during the analysis of front letters help to describe the concept as difficult semantic structure and make real establishing the reasons of its formation.

Key words: context, concept, lexical meaning, semantics, structure of a concept, front letters.

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ, ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ И ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЯЗЫКОВЫХ ЯВЛЕНИЙ

УДК [811.161.1:811.512.161]'373.612.2:316.77

БЕРЕЖЛИВОСТЬ И СКУПОСТЬ В ПАРЕМИЯХ (на материале русского, латышского, немецкого, английского и таджикского языков)

М.А. Бредис

Московский государственный институт
международных отношений (университет) МИД России
пр. Вернадского, 76, Москва, Россия, 119454
briedis@yandex.ru

Предмет исследования — объективация понятий *бережливость* и *скупость* через паремии в русском, латышском, немецком, английском и таджикском языках. Эти паремии в рассматриваемых языках обнаруживают гораздо больше сходства, чем различий, что объясняется логико-семантической общностью пословиц как знаков ситуаций и отношений между вещами, а также родством указанных языков (хотя и в разной степени) и контактами народов. Тем больший интерес представляют неполные эквиваленты пословиц, когда одна и та же семантика передается различными образами.

Ключевые слова: паремиология, пословица, скупость, семантика, компаративистика.

ВВЕДЕНИЕ

Паремии представляют собой важную часть национальной картины мира каждого народа. В свете антропоцентрической научной парадигмы сопоставительная паремиология позволяет выявить особенности семантики и образности национальных паремий. По мнению О.В. Ломакиной, паремии (пословицы, поговорки, при словья, загадки и под.), являясь репрезентантами национальной картины мира, помогают осознать национальную специфику и дополнить данные о языковой картине мира. Современная паремиографическая практика доказывает, что паремии имеют эквиваленты в разных, даже неродственных, языках [7. С. 217].

Для сравнения паремий и подбора их эквивалентов важно использовать семантическую квинтэссенцию пословиц. Одни из первых попыток семантической

классификации делались Г. Пермяковым (1919—1983) и М. Кууси (1914—1998). М. Кууси, создавший международную систему классификации типов пословиц, указывает на три главных аспекта для анализа пословиц (*идея, структура, или формула, и ядро*).

Нам представляется, что автоматизировать процесс выделения семантической quintэссенции невозможно, так как мы имеем дело с образными текстами. Требуется «ручная работа» — лаконичный перевод паремий на метаязык. К такому переводу близко понятие *пословичного конденсата*, предложенное Е.И. Селиверстовой. Это двухкомпонентное (реже трехкомпонентное) понятие передает «в сжатом виде — без прикрас — смысл, который традиционно паремийным способом передается не иначе, как „с прикрасами“» [11. С. 132]. Мы придерживаемся понимания Е.В. Селиверстовой относительно конденсированного значения пословицы, используя его для сопоставления и подразумевая под ним лаконичную семантическую модель, иными словами, некий «сухой остаток» после «деметафоризации» паремий.

Определенный научный интерес в плане поиска эквивалентов представляет сравнение паремий русского, латышского (совместно с латгальским), немецкого, английского и таджикского языков. Все эти языки принадлежат к большой индоевропейской семье языков, представляя славянскую (русский), балтийскую (латышский и латгальский), германскую (немецкий, английский) и иранскую (таджикский) группы. По отношению к русскому языку все рассматриваемые языки находятся на разной степени удаленности (лингвистической и географической), что особенно интересно в плане сопоставления используемых в паремиях метафор. Среди латышских паремий мы выделяем латгальские, так как латгальский письменный язык в Латвии официально признан историческим подвидом латышского языка.

Материалом для исследования послужили паремии, связанные с семантикой денежных отношений, взятые из сборников русских, латышских, латгальских, немецких, английских и таджикских пословиц.

БЕРЕЖЛИВОСТЬ И СКУПОСТЬ В ПАРЕМИЯХ

Для русской культуры понятие *бережливость*, пожалуй, не относится к «ключевым словам» с точки зрения А. Вежбицкой, которая считает «ключевыми» (key words) слова, особенно важные и показательные для отдельно взятой культуры [1. С. 35]. Тем не менее, существует целый ряд русских паремий, в которых бережливость считается положительным, «правильным» качеством человека: *Тот без нужды живет, кто деньги бережет* [9. С. 220]; *Денежки счет любят* [8. С. 31]. Встречается даже слово *скупо*, носящее в русских паремиях, как правило, отрицательный оттенок, в значении *экономно*: *Кто скупо живет, тот и деньги бережет* [8. С. 36].

В латышских паремиях понятие *бережливость* оценивается положительно, и подчеркивается ее отличие от *скупости*: *Taurība labāka par bagātību* (*Бережливость лучше богатства*); *Taurība nav skopums* (*Бережливость — не скупость*)

[13. С. 62]. В целом латышское понимание бережливости близко к немецкому, где также утверждается: *Sparsamkeit ist vom Geize weit* (Бережливость далека от скупости) [16 Bd 4: Sp. 662].

Немецкое понятие *Sparsamkeit* (бережливость, экономность), производное от *sparen* (экономить), можно отнести «к ключевым словам» немецкой культуры. Положительная коннотация понятия *Sparsamkeit* прослеживается в большом количестве немецких поговорок: *Sparsam sein ist eine gute Rente* (Быть бережливым — хорошая прибыль) [16 Bd 4: Sp. 661]; *Sparsam ist mehr als Geldmachen* (Бережливость больше зарабатывания (делания) денег; *Sparsam bringt Haben* (Экономия приносит состояние (имущество)) [16 Bd 4: Sp. 655]; *Sparsam ist verdienen* (Экономить — значит зарабатывать) [12. С. 193].

В английском языке понятие *бережливость* (экономность) также несет в подавляющем большинстве случаев положительную оценку. Однако выражается оно не одним словом, а несколькими — *frugality* (бережливость, умеренность, расчетливость), *husbandry* (разумное хозяйствование, экономия ресурсов), *sparing* (экономия; общий корень с немецким *sparen*). Это можно считать свидетельством большого значения в английской картине мира такой ценности, как *бережливость*.

Таджикские поговорки также оценивают экономность и бережливость положительно: *Сарфаи сари отаидон савдогари Ҳиндустон* (Сберегая у очага, можно стать купцом в Индии); *Сарфаи сари отаидон беҳ аз савдогари Ҳиндустон* (Бережливость у очага лучше, чем торговля в Индии) [6. С. 287].

Известно, что по территории Таджикистана в древности проходили торговые пути из Индии в Европу и Малую Азию. Купцы, торговавшие с Индией, имели немалые доходы. В те времена это занятие требовало большой смелости, но и вознаграждалось сторицей. В средние века арабы говорили, что купец едет из Аравии в Китай с тысячей дирхемов, а возвращается с тысячей динаров (что в 20 раз больше). Сравнение торговли в Индии с бережливостью дома говорит о том, что таджики считают умение экономить (сарфа кардан) очень большой ценностью.

СЕМАНТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ «ИЗ МАЛОГО ПОЛУЧАЕТСЯ МНОГОЕ»

Среди рассматриваемых выделяются поговорки, выражающие семантическую модель «из малого получается много», подчеркивающие значение минимальных денежных единиц для бережливого человека: рус. *Копеечка к копейке — рубль набегаёт* [8. С. 35]; латышск. *Grasis pie graša — iztaisa rubli* (Грош к грошу — получится рубль) [14. С. 70]; *Kapeika rubļi sargā* (Копейка рубль бережет) [9. С. 62]; лагальск: *Kapeika rubli sorgoj* (Копейка рубль бережет) [12. С. 193].

Наибольшее количество разнообразных денежных единиц зафиксировано в немецких поговорках, отражающих модель «из малого получается много» в отношении денег, что объясняется историко-культурными особенностями развития немецкой нации. В них упоминаются такие счетные единицы, имевшие хождение в немецких землях, как *пфенниги, гроши, талеры, гульден, батцены,*

орты, крейцеры, иттюберы и геллеры. Например: *Ein Pfennig täglich ist ein Thaler im Jahr* (Один пфенниг каждый день — это талер за год) [16 Bd 3: Sp1269]; *Es ist ein guter Batzen, der einen Gulden erspart* (Тот батцен хорош, который экономит гульден) [16 Bd 1: Sp. 244]; *Aus Kreuzern werden Gulden* (Из крейцеров составляются гульдены) [16 Bd 2: Sp. 1612].

В таджикских пословицах также встречается название мелких денег, а именно пул (в современном таджикском языке пул означает деньги вообще): *Як пулӣ диҳанд — бой мешавад, яктой зананд — мемурад* (По пулу дадут — можно стать богатым, по разу ударят — можно умереть). Эта поговорка имеет более широкий смысл, чем пословицы остальных рассматриваемых языков. Первая часть положительна и сходна по семантике с остальными рассматриваемыми поговорками. Зато вторая часть говорит о том, что маленькие негативные действия в большом количестве могут привести к ужасным последствиям.

Называемая в поговорке мелкая денежная единица пул известна с XIII в. как медная монета ханов Золотой Орды (XIII—XV вв.). На одной ее стороне указывались год и место выпуска, на другой — изображения различных животных, птиц, цветов, предметов (кувшин, топор) или геометрических фигур. Вес монеты колебался от 1 до 2 г. Пулы также чеканились в Средней Азии с конца XVIII до начала XX в. Интересно, что монеты с подобным названием (пуло) чеканились и в Русских землях в XV — начале XVI в. Название монеты происходило от татарского пуло, а стоимость была незначительной: 60—70 пуло составляли одну денгу (1/200 часть рубля). Чеканились пуло в больших городах — Москве, Новгороде, Пскове и др. с обозначением места чеканки «пуло московское» и т.д. [4. С. 101].

Часто таджикские пословицы используют образ зерна для выражения семантики из малого получается многое: *Андак-андак ба ҳам шавад бисъёр. Дона-дона аст галла дар анбор.* (Понемножку соберется и станет много, зернышко к зернышку — и хлеб соберется в амбаре); *Дона-дона чамъ шавад, хирман шавад* (Зернышко к зернышку, куча зерна станет) [6. С. 87].

МОДЕЛЬ «СКУПОЙ — ЗНАЧИТ БЕДНЫЙ»

Понятие скупость (жадность) выступает как антиценность в поговорках рассматриваемых языков. Если богатству противостоит бедность, то скупость в такой же степени представляет оппозицию богатству: во всех рассматриваемых языках поговорки сравнивают скупого человека с бедняком, имея в виду в первую очередь духовную бедность. Семантику модели «скупой — значит бедный» передают поговорки: рус. *Скупой богач беднее нищего* [8. С. 27]; латышск. *Skopums — vislielākā nabadzība* (Скупость — самая большая бедность) [12. С. 62]; *Geiz ist die größte Armut* (Скупость — самая большая бедность) [12. С. 196]; англ. *Covetousness is the mother of ruin and mischief* (Скупость — мать разорения и бед) [15. С.116]; тадж. *Камбагал аз рӯи надоштаниш бад зиндагонӣ кунад, бой аз рӯи сахтиаш* (Бедняк плохо живет, оттого что не имеет, богатый плохо живет по скупости) [6. С. 216].

Интересны пословичные образы, применяемые для характеристики скупца, прежде всего главной его черты — **жадности (алчности)**. Она характеризуется различными образами, связанными прежде всего с деньгами: Рус. *Скупой и во сне денежки считает* [8. С. 38].

Понятие скупости в латышской пословице выражается через понятие *кошелек* (вместилище денег): *Skoruļam maks čīkst iz kabatas velkot* (*У скупого кошелек стонет, когда его достают из кармана*). Здесь происходит олицетворение кошелька и отождествление его со скупцом: *кошелек стонет*, как и его хозяин, расставаясь с деньгами. Подобный образ использует и русская пословица, зафиксированная В. Далем (1801—1872): *Взвyla да пошла из кармана мошна*. Это также олицетворение, но в более сильной степени. Однако семантика пословицы не совпадает с латышской. В русской паремии речь идет скорее о необходимости отдать последние деньги. Недаром В. Даль поместил ее в раздел *Счастье — Удача* своего словаря русских пословиц.

В немецких паремиях образы, характеризующие скупца, довольно разнообразны. Так, скупец глух на одно ухо: *Ein Geizhals ist auf der Seite taub, wo er's Geld hat* (*Скупец глух на ту сторону, где у него деньги*) (16 Bd1: Sp. 1457). Глухота означает здесь нежелание слышать ничьих просьб о деньгах.

Яркие образы используются в таджикских паремиях, выражающих семантику **Скупой ненасытен**: *Агар кӯҳи Коф non шавад ва даръёи Амӯ — шӯрбо, гурусначаш сер намешавад*. (*Если бы гора Каф стала хлебом, а река Аму — шурпой, то жадный не насытился бы*) [6. С. 38].

ЭТНОМАРКЕРЫ И МИФОНИМЫ

Я.И. Калонтаров сравнивает эту пословицу с русскими: *В воде по горло, а воды просит, Скупой, что бездонная кадка, ничем не наполнишь*. Он отмечает: «Русские пословицы, как нам представляется, по содержанию эквивалентны приведенной таджикской, однако стилистически и, тем более, по своему образному оформлению существенно отличаются от нее» [6. С. 14]. Действительно, здесь мы видим этномаркеры и мифонимы, указывающие не только на регион происхождения (Среднюю Азию), но и на религию.

Согласно О.В. Ломакиной, этномаркерами в паремиях служат следующие номинации: 1) имена собственные, которые могут «нести ярко выраженную смысловую нагрузку и обладать скрытым ассоциативным фоном, иметь особый звуковой облик, имена и названия способны передать национальный и местный колорит, отражать историческую эпоху» [3. С. 3]; 2) названия артефактов, присущих материальной культуре конкретного народа: предметов быта, одежды; 3) этнонимы — названия народов и племен [7. С. 217].

В мифологии мусульманских народов гора Каф, мать всех гор, окружает собой весь мир. Эта гора сделана из изумрудов (или зеленого хризолита), а чтобы ее обойти, пришлось бы шагать две тысячи лет. Понятно поэтому насколько гигантским будет хлеб, в который превратится эта гора. Река Аму (*Аму-Дарья*) — самая крупная река в *Средней Азии*. Она образуется слиянием рек Пяндж и Вахш,

по существу являясь продолжением первой. А **шурпа (шурбо)** — таджикский вариант супа, широко распространенного и на Востоке. Лишь благодаря комментариам европейский читатель поймет и оценит ироничное отношение таджикской паремии к безмерной и ненасытной человеческой жадности.

И.Я. Калонтаров подчеркивает: «Перевод этой пословицы на русский язык без сопутствующих толкований не передает ее значения, а подмена точного смыслового перевода соответствующим русским эквивалентом и вовсе не дала бы читателю представления об этой таджикской пословице» [6. С. 14]. Согласимся с О.В. Ломакиной, которая отмечает: «Представляется, что при составлении новых паремиологических многоязычных словарей следует сопровождать статьи подробным историко-культурологическим комментарием, созданием лингвокультурологического „портрета” паремии, что упростит межкультурную коммуникацию» [7. С. 217].

Таджикские паремии демонстрируют резко отрицательное отношение народа к скупцам. О скупом человеке они говорят: *Аз дарё об ҳам намебахиад (Он и из реки воды не подарит)* [6. С. 58]. Этот как раз тот, у кого, говоря по-русски, *в Крещение льду не выпросишь*.

Таджикские пословицы используют образ далеких звезд, описывая человеческую скупость: *Аз нони мумсик ситора наздиктар аст (Звезды ближе, чем хлеб скупца); Аз пули хасис ситора наздиктар аст (Звезды ближе, чем деньги скупца); Ба ситораи осмон мерасию ба нони мумсик не (Скорее достанешь звезду с неба, чем хлеб у скупого)* [6. С. 58].

В таджикских пословицах особо стоит образ ростовщика — профессионального скупца, воплощения самой скупости. Причем непонятно, является ли это результатом профессиональной деформации личности, или наоборот, соответствующая личность выбирает себе профессию ростовщика: *Судхӯр аз пули худ нон ишканад, гар ба масал: Шиша сандон ишканад, атола дандон ишканад (Ростовщик тогда лишь сам за свои деньги хлеб надломит (то есть угостит кого-либо), когда стекло ломает наковальню, а похлебка ломает зубы)* [6. С. 58].

Образность этой пословицы строится на невозможности описанных действий в виду определенных физических свойств материалов. Хрупкое стекло никогда не разобьет железную наковальню, а *атола* — ‘жидкая мучная похлебка, болтушка’ — никогда не ломает зубы.

Модель «скупой платит больше» выражена в английской пословице *The covetous spends more than the liberal (Скупой платит больше, чем щедрый)* [16. С. 116]. Ее можно трактовать так, что скупой, стремясь меньше заплатить, приобретает очень дешевые, некачественные вещи, которые быстро приходят в негодность, и ему приходится покупать новые. Этой семантике адекватны русская и таджикские пословицы: *Ленивый три раза ходит, а скупой три раза платит* [8. С. 110]; *Харчи мумсик дучанд поел (Скупой платит дважды); Харчи мумсик дучандон (У скупого двойные расходы)* [6. С. 309].

Наибольшее сходство с русскими паремиями о *бережливости* и *скупости* обнаруживают балтийские (латышские и латгальские), поскольку речь идет о язы-

ках группы, ближайшей к славянским. Кроме того, соседство и общая история играют здесь важную роль. Необходимо отметить богатство и разнообразие вариантов пословиц латышского языка, сохранившего самобытность при многовековом немецком и русском влиянии.

Соответственно, немецкие и английские пословицы также ближе между собой. Здесь играют роль культурные и географические факторы, а также принадлежность немецкого и английского языков к общей (германской) группе языков.

В паремиях рассматриваемых языков о скупости часто используются названия денежных единиц — *талер, пфенниг, грош, полупенни, фартинг, пенсы, алтын, полтина, копейка, рубль, пул*.

Немецкие пословицы отличаются большим разнообразием не только образов, но и вариантов, что отражает факт значительных региональных различий в Германии. В английских паремиях обнаруживается меньше двусмысленностей, характерных для русских пословиц, а больше констатации фактов и назидательности, они часто просто являются рекомендациями.

Таджикские паремии наиболее выделяются по своей образности среди всех рассматриваемых паремий, поскольку таджикские реалии наиболее отличны от европейских. В паремиях присутствуют яркие образы-этномаркеры: **дарьё Аму, гора Каф, шурбо, атола**.

В пословицах, по словам Г. Пермякова, мы видим полный набор этнографических реалий, начиная от орудий труда и кончая нарядами, и всестороннюю характеристику географической среды с ее ландшафтами, климатом, животным и растительным миром [10. С. 19]. Анализ пословиц рассматриваемых языков демонстрирует семантическую схожесть паремий во всех указанных языках. Тем самым подтверждается мысль Г. Пермякова о том, что все общее пословиц состоит в «их логическом содержании, в характере передаваемых ими отношений между вещами реальной жизни» [10. С. 21]. О.В. Ломакина подчеркивает: «Пословицы и поговорки любого языка, отражая систему ценностей конкретного народа, представляют собой универсалии, репрезентируемые в каждом языке определенным образом» [7. С. 217].

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Вежбицкая, А.* (2001). Понимание культур через посредство ключевых слов [Understanding cultures through the keywords / transl. from English. by A.D. Shmelev] / пер. с англ. А.Д. Шмелева. М.: Языки славянской культуры.
- [2] *Владимирова Т.Е.* (2010). Призванные в общение: Русский дискурс в межкультурной коммуникации [Involved into communication: Russian discourse in intercultural communication]. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Либроком.
- [3] *Горбаневский М.В.* (1988). Ономастика в художественной литературе: филологические этюды [Gorbanevsky M.V. Onomastics in fiction: philological studies]. М.: изд-во УДН.
- [4] *Зварич В.В.* (1979). Нумизматический словарь [Numismatic dictionary]. Львов.
- [5] *Иванова Е.В.* (2006). Мир в английских и русских пословицах: Учебное пособие [World in English and Russian proverbs: Textbook]. СПб.: филол. фак-т Санкт-Петерб. гос. ун-та.

- [6] *Калонтаров Я.И.* (1965). Таджикиские пословицы и поговорки в аналогии с русскими [Tajik proverbs and sayings in analogy with the Russian]. Душанбе: Ирфон.
- [7] *Ломакина О.В.* (2014). Паремии в текстах Л.Н. Толстого: лингвокультурологический комментарий [Proverbs in the texts of Leo Tolstoy: cultural and linguistic comment] // Вестник Орловского государственного университета. Серия: Новые гуманитарные исследования, № 6 (14). С. 217—221.
- [8] *Мокиенко В.М., Никитина Т.Г.* (2011). Народная мудрость [Folk wisdom]. М.: Олма Медиа Групп.
- [9] *Мюррей Ю.В.* (2008). Большая книга русских пословиц и поговорок и их английских аналогов [The Big Book of Russian Proverbs and Sayings with their English Equivalents]. М.: АСТ: СПб.: Сова.
- [10] *Пермяков Г.Л.* (1988). Основы структурной паремиологии [*Permyakov G.L. Fundamentals of the structural paremiology*] // Исследования по фольклору и мифологии Востока. М.: Наука.
- [11] *Селиверстова Е.И.* (2009). Пространство русской пословицы: постоянство и изменчивость [Space of the Russian proverb: constancy and variability]. СПб.: ООО «МИРС».
- [12] *Kokare E.* (1988). Latviešu un vācu sakāmvārdu paralēles. Rīga: Zinātne.
- [13] Latviešu sakāmvārdi un parunas / sak. M. Milzere. Rīga: Zvaigzne ABC, 1998.
- [14] Latviešu sakāmvārdi un parunas / Savākuši un apkopojuši P. un M. Birkerti. 2. izd. Rīgā: Zinātne, 1997.
- [15] The Wordsworth Dictionary of Proverbs / Ed. G.L. Apperson. (2006). Wordsworth Editions Limited, 1993.
- [16] *Wander, K.Fr.W.* (1867—1876). Deutsches Sprichwörter-Lexikon, Bd. 1—4. Leipzig, F.A. Brockhaus.

FRUGALITY AND COVETOUSNESS IN THE PROVERBS (based on Russian, Latvian, German, English and Tadjik)

Mikhail A. Bredis

Moscow State Institute of International Relations (University)
of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation
Vernadskogo ave., 76, Moscow, Russia, 119454
briedis@yandex.ru

The research subject hereof is the objectivisation in the language of the *covetousness* and *frugality* ideas by reference to proverbs in Russian, Latvian, German, English and Tadjik. These proverbs show a lot more similarities than differences. This may be attributed to logical-semantic affinity of proverbs as signs of situations and relations between things as well as the genetic relationship of the specified languages and peoples' contacts.

Key words: paroemiology, proverb, covetousness, semantics, comparative studies.

**ЗООМЕТАФОРЫ
КАК ЛИНГВОКОГНИТИВНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ
ПРОЦЕССА МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ
(на материале русско-турецких сопоставлений)**

А.С. Мамонтов, П.В. Морослин

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина
ул. Академика Волгина, 6, Москва, Россия, 117485
inbox@pushkin.edu.ru

Предметом исследования настоящей статьи являются зоометафоры двух неродственных языков — русского и турецкого, — играющих важную роль в процессе межкультурной коммуникации и способные создать помехи во взаимопонимании. В ходе сопоставления выявлено, что смыслы отдельных зоохарактеристик могут достаточно сильно различаться, несмотря на совпадение экстралингвистической базы зооморфизмов. Случаи несовпадения у анализируемых метафор были рассмотрены авторами в плане номинации, в ономаσιологическом и семасиологическом аспектах, с когнитивной точки зрения, а также с точки зрения этнопсихолингвистики.

Сопоставительный анализ языкового материала неродственных языков и культур дает возможность прийти к заключению о существовании как универсальных, так и специфических признаков у зооморфизмов, которые представляют собой основу зооморфных метафор. Словарный состав каждого языка, носители которого участвуют в межкультурной коммуникации, отражает опыт народа, особенности его материальной и духовной культуры, а результаты данного отражения, находя свое место в таком лингвокогнитивном феномене, как метафора, играют немаловажную роль в обеспечении диалога культур.

Ключевые слова: зоометафора, зооморфизм, зоохарактеристика, номинация, лингвокогнитивный феномен, семиотический профиль, доминантный признак, факультативный признак, пресуппозиция.

Призванная «оживлять» и «украшать» речь метафора, в том числе на зооморфной основе, представляет собой одно из важнейших лингвокогнитивных звеньев в процессе межкультурной коммуникации, в том числе на русском языке. Вместе с тем несовпадение семиотических профилей коммуникантов в силу дистантности их лингвокультур способно, как показывает практика, провоцировать помехи как в ее порождении, так и в ее восприятии [1].

Попытаемся рассмотреть корни данной проблемы. Несмотря на то, что экстралингвистическая база зооморфизмов, как показывают наблюдения над разными лингвокультурами, зачастую совпадает, смыслы отдельных зоохарактеристик, тем не менее, могут значительно различаться, по-разному преломляясь в тех или иных языковых системах [2]. В силу этого именно сопоставление зооморфных метафор различных языков позволяет судить об их специфике, учитывая при этом, что хотя зоохарактеристики и нацелены на экстралингвистические объекты, они в первую очередь остаются явлениями лингвистическими, пусть и с известной долей их принадлежности к миру внеязыкового.

Сравнение в процессе межкультурной коммуникации, включая такую одну из ее форм, какой является изучение русского языка как иностранного. зооморфных метафор позволяет проникнуть как в универсальные, так — и это представляется нам наиболее важным, — в специфические аспекты образной системы, связанной с обозначением человека, в свою очередь могущего участвовать и участвующего.

В качестве материала для сравнения нами были избраны метафоры турецкого языка, что объясняется следующими факторами: с одной стороны, в силу природно-климатических и географических условий наблюдается известная близость зооморфных «баз» — русской и турецкой, а с другой, — имеют место, в известной степени, расхождения в частности в ценностно-этическом плане. Полагаем, что несовпадения в подобных метафорах следует рассматривать как в плане номинации, так и в ономаσιологическом и семасиологическом аспектах, с точки зрения когнитивности, т.е. различия в основаниях для метафоризации и, соответственно, с точки зрения этнопсихолингвистики, концентрирующей внимание на национально-культурной специфике зооморфного образа у представителей различных лингвокультур.

Полагаем при этом, что зооморфная метафора, представляя собой один из способов концептуализации объективной действительности на основе предметно-образной аналогии, через призму которой нельзя не заметить национально-специфического, обусловленного особенностями жизнедеятельности той или иной лингвокультуры, одновременно является характерным носителем принципа языкового антропоцентризма, собственно говоря, и породившего когнитивную лингвистику, «в фарватере» которой мы и проводим настоящее исследование.

Сопоставительное исследование языкового материала типологически различающихся неродственных языков и культур позволяет сделать вывод о существовании как универсальных, так и специфических признаков у зооморфизмов, признаков, лежащих в основе зооморфных метафор. Одновременно следует помнить: типологически универсальные модели, являющиеся основой зооморфной метафоры, восходят к общим исходным когнитивностям, способным порождать совпадающие оценочные характеристики Homo Sapiens через образ животного. Например, метафора «осёл» как символ упрямства человека и др.

Вместе с тем универсальное может становиться специфическим в различных лингвокультурах в соответствии с существующими в них стереотипами. Так, универсальная модель «**внешний вид человека**» в русском лингвокультурном узусе предлагает использовать номинативную единицу *баран*, как правило, для характеристики человека с курчавыми волосами, ср.: *кудрявый как баран, барашек*; тогда как в турецком — это характеристика человека, имеющего нос с горбинкой (как у *барана*).

Отметим, что в турецкой лингвокультуре, в отличие от русской, настоящая метафора обладает положительными коннотациями, равно как и номинативная единица *коюн* ‘овца’. Более того, в турецкой лингвокультуре данная метафора становится основой возникновения сравнения с бараном молодого человека при

характеристике его красивой внешности. Продолжая тему, приведем пример со словом *лошадь*, в турецком языке обозначающем 'стройную девушку', а в русском, как известно, лежащем в основе негативного определения *лошадиный* — это 'некрасивый', 'грубый'; ср. *лошадиное лицо*.

Касаясь сопоставляемых языковых картин мира, следует подчеркнуть, что специфическими для них являются зооморфные номинативные единицы, характеризующиеся национально-культурной маркированностью в плане ценностной системы координат применительно к оценке человека. Данная система неразрывно связана со спецификой национальной культуры как в материальном ее аспекте (предметы быта и т.п.), так и в духовном (традиции и обычаи, религия и пр.).

Необходимо отметить, что ряд зооморфных метафор является релевантным лишь для одного из сопоставляемых языков: например, русские номинации *жаба*, *жаворонок* не используются в турецком языке. И, в свою очередь, номинации-метафоры *цикада* – в значении 'болтун'; *краб* — 'скрюченный человек'; *перепелка*, характеризующая женщину с пышными формами являются частью фразеологического фонда лишь турецкой лингвокультуры.

Как отмечалось выше, различия в зооморфной метафоризации могут быть исследованы на разных уровнях, которые предлагается рассмотреть подробнее.

Первый — это план номинации, то есть анализ несовпадений в составе номинативных единиц, отражающих те или иные аспекты характеристики человеческой особи.

Подобные зооморфизмы, являясь неотъемлемой частью и языковой, и концептуальной картин мира, отмечены системностью, а в структурном плане представляют собой некие своего рода параметры оценки человека, исходя из определенных аналогий-ассоциаций — с млекопитающим, насекомым, птицей и т.п. Одновременно следует говорить о наличии определенного общего (характерологического) компонента, опирающегося при этом на различные образы, например, «глупость», как известно, передается словами *осёл*, *попугай*, *индюк* в русском языке, и то же самое имеет место и в турецком. При этом свойство глупости *осла* сочетается с упрямством, *попугая* — с механическим подражательством, *индюка* — с напыщенностью.

Как нам представляется, особый интерес в плане номинации выявляют так называемые межъязыковые синонимические номинации, способные свидетельствовать как об избирательности зооморфного образа, так и о специфике подхода к нему, где оценка отражается в самой номинации. Так русское слово *сокол* (о статном, красивом человеке) коррелирует с турецкими функциональными эквивалентами *лев* и *баран*. При этом различия в рассматриваемых номинациях в различных лингвокультурах отнюдь не сигнализируют об отсутствии соответствующего символического значения в сознании той или иной языковой личности, поскольку может быть выражено либо иным зооморфизмом, либо иной метафорической моделью. Ср., например, турецкое слово *agustosbocegi* 'цикада' и русское *сорока* (о болтливом человеке); русское слово *оса* и турецкое *karınca* 'муравей' в качестве символических образов-аналогов для характеристики человека с тонкой талией.

Касаясь семного уровня, необходимо остановиться на том, что анализ зооморфных метафор показывает: общее и отличительное в переносном значении в русской и турецкой лингвокультурах имеет отношение не только к отдельным номинативным единицам, но и к целым лексико-семантическим разрядам, например, названиям птиц, рыб, диких животных и т.д. и т.п. Сказанное имеет отношение как к выбору того или иного наименования — в плане ономазиологии, так и к объему, акцентуации семантики зооморфизма в соответствующем языке с учетом использования первого в одном или нескольких значениях — в плане семасиологии. Один и тот же зооморфный образ способен отражать ряд символических смыслов — доминантных и факультативных. Это влияет, в свою очередь, на их близость в разных лингвокультурах. Ср. зооморфизм *лиса*: доминантный признак — ‘хитрость’, факультативный — ‘льстивость’ и т.п.

С точки зрения когнициии, рассматриваемая нами проблематика связана с экстралингвистическим фактором, а именно — с внеязыковыми национально-культурными пресуппозициями, представляющими собой своего рода базу для метафоризации. При этом расхождение в образных смыслах в сопоставляемых лингвокультурах может являться следствием связи первых с разными пресуппозициями. Например, одно и то же свойство представителя мира фауны может характеризовать в одном языке — внешние, а в другом — внутренние качества объекта. Ср. в русской лингвокультуре: *ворон* — ‘зловещий’, но одновременно и ‘мудрый’. В турецкой же лингвокультуре — это часть характеристики очень худого человека.

И, наконец, в этнопсихолингвистическом плане следует говорить о национальных стереотипах сознания: собственно, в них и проявляются расхождения в оценках и представлениях зооморфного метафорического образа [3]. При этом, как мы считаем, степень общности и расхождений отражает степень общности и расхождения культур народов. Одновременно не следует забывать об исторической общности лингвокультур или об их взаимодействии в определенный период времени.

Наше исследование представлялось бы далеко не полным, если бы мы кратко не остановились еще на одном вопросе, а именно — о типах источников сведений о содержании и функционировании метафор-зоохарактеристик в сопоставляемых языках. Это: 1. Опрос информантов. 2. Лексикографические источники. 3. Текстовая выборка преимущественно на базе художественной литературы [4. С. 149—150].

В заключение еще раз подчеркнем — в словарном составе каждого языка, носители которого вступают в межкультурную коммуникацию, отражается опыт народа, особенности его материальной и духовной культуры. И результаты этого отражения, находя свое место в таком лингвокогнитивном феномене, как метафора, играют свою немаловажную роль в обеспечении диалога культур.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Мамонтов А.С.* (2010). Лингвокультурные основы обучения языку как средству межкультурной коммуникации [Linguocultural background to teach languages as a means of cross-cultural communication]. М.: Флинта-Наука.

- [2] Керимов Р.Д. (2012). Зоометафоры в языке немецкой политики (лингвокогнитивный аспект) [Zoometaphors in the language of German politics (Linguocognitive aspect)] // Вестник Пермского университета. Вып. 2. С. 60—68.
- [3] Мамонтов А.С., Морослин П.В., Астремская Е.В. (2015). Когнитивный аспект обучения языку как средству межкультурной коммуникации (на материале этнических стереотипов) [Cognitive aspect of language teaching as a means of cross-cultural communication (the case of ethnic stereotypes)] // Вестник РУДН. Серия «Русский и иностранные языки и методика их преподавания». № 1. С. 5—10.
- [4] Гутман Е.А., Литвин Ф.А., Черемисина М.И. (1977). Сопоставительный анализ зооморфных характеристик (на материале русского, английского и французского языков) [Comparative analysis of zoomorphic characteristics (in Russian, English and French)] // Национально-культурная специфика речевого поведения. М.: Наука. С. 147—165.
- [5] Фразеологический словарь русского языка (1986). [Russian Phraseological Dictionary] / под ред. А.И. Молоткова. М.: Советская энциклопедия.

ZOOMETAPHORS AS LINGUOCOGNITIVE COMPONENT OF CROSS-CULTURAL COMMUNICATION: RUSSIAN-TURKISH COMPARATIVE STUDY

Alexander S. Mamontov, Pyotr V. Moroslin

State Institute of the Russian Language n.a. A.S. Pushkin
Acad. Volgina str., 6, Moscow, Russia, 117485
inbox@pushkin.edu.ru

Zoometaphors of two typologically nonrelated languages — Russian and Turkish being the object of the investigation, play an important role in the process of cross-cultural communication and are able to cause interferences in mutual understanding. In course of comparison, it has been revealed that senses of some zoocharacteristics can differ greatly despite the fact of coincidence of extralinguistic basis of zoomorphisms. The article has treated the cases of non-coincidence of metaphors analyzed on the plane of nomination, in onomasiologic and semasiologic aspects, involving cognitive point of view as well as the viewpoint of ethnopsycholinguistics.

Comparative analysis of language material of nonrelated languages and cultures allows come to a conclusion on the existence of both universal and specific features of zoomorphisms which represent the background of zoomorphic metaphors.

The word stock of each language used by native speakers in cross-cultural communication reflects national language usage, peculiarities of its material and spiritual culture, while the results of this reflection reveal themselves in such linguocognitive phenomenon as methaphor which makes an important part in ensuring dialogue of cultures.

Key words: zoometaphor, zoomorphism, zoocharacteristic, nomination, linguocognitive phenomenon, semiotic profile, dominant feature, facultative feature, presupposition.

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ПАРАМЕТРЫ АНТРОПОНИМИКОНА КВЕБЕКЦЕВ

К.Э. Болотина

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10-2, Москва, Россия, 117198
k.e.bolotina@gmail.com

В рамках данной статьи предпринята попытка лингвокультурологического анализа имен личных современных квебекцев с целью выявления их историко-культурных, этимологических и лингвистических особенностей. Рассмотрение имен личных в конкретных историко-социальных условиях позволяет не только выявить особенности функционирования антропонимов в изучаемом социуме, но и раскрыть роль ономастических элементов в системе ценностей Квебека. Предпринятый анализ показал тесную связь антропонимической системы с изменениями, имеющими место в квебекском обществе. Рассмотренные в статье личные имена являются доминантными в квебекской лингвокультуре и во многом отражают и определяют особое мировидение жителей провинции.

Ключевые слова: антропонимикон, имя личное, номинация, языковая картина мира, квебекский национальный вариант французского языка.

ВВЕДЕНИЕ

Каждый человек обладает именем. «Имя — новый высший род слова и никаким конечным числом слов и отдельных признаков не может быть развернуто сполна» [6. С. 28]. Не соотнесенное с субъектом имя не значит ничего, а в сочетании с индивидом, к которому оно относится, представляет максимум конкретности.

В самом общем смысле имена служат для обозначения отдельных лиц, средством отличия одних лиц от других. Однако, как отмечал Клод Леви-Стресс, антропонимическая система является в большей степени средством классификации, нежели отличия: «...имя — отметка идентификации, подтверждающая путем применения определенного правила принадлежность индивида, *которому дают имя*, к прежде упорядоченному классу (социальная группа в системе групп, статус рождения внутри системы статусов)» [2. С. 370].

Имена личные являются составной частью процессов языковой номинации. Как отмечала отечественный лингвист М.Э. Рут, языковая номинация — это «...один из тех процессов, который в конечном счете вбирает в себя все разнообразие и всю глубину проблем взаимоотношения языка и действительности, языка и мышления, языка и мира человеческих эмоций» [4. С. 4].

Таким образом, антропонимикон как совокупность имен личных социума оказывается органичной частью всей лексической системы языка и отражает менталитет народа, говорящего на этом языке, его языковой картины мира. Под языковой картиной мира здесь, вслед за Г.В. Колшанским, подразумевается «...язы-

ковое воплощение понимаемого мира... включающего и самого человека как часть мира» [1. С. 27]. Исследование антропонимикона в формате языковой картины мира является актуальной проблемой современной романистики [7; 3; 5].

ОСОБЕННОСТИ АНТРОПНИМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ КВЕБЕКСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ВАРИАНТА ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА

Задача данной статьи — вывести основные лингвистические параметры антропонимикона современных квебекцев. Становление квебекского антропонимикона начинается с колонизации территории современного Квебека Францией и наречения именами первых детей на территории Новой Франции.

Первые колонисты, заселявшие земли современного Квебека, следовали традициям и обычаям предков, в том числе и в имянаречении. Личные имена новорожденных в эпоху Новой Франции являются в первую очередь французскими, наречение именем происходит в соответствии с традициями метрополии. Во-вторых, они отражают влияние и значимость католической религии, так как, следуя указаниям Церкви, имя выбирают из католического именника. В-третьих, личные имена подчеркивают главенство семьи как социального института. Родители, крестные, бабушки и дедушки — все принимают участие в выборе имени. По-очередно их именами называют новых членов семьи.

Отметим, что несмотря на следование традициям Франции, жители Новой Франции вырабатывают собственный образ жизни, что отражается и в личных именах новорожденных. Первые колонисты происходят из общества с явной классовой иерархией. Тем не менее, имена, избираемые ими для потомков, говорят об отсутствии ярко выраженной социальной сегрегации, типичной для французского общества. Если в первое время существования Новой Франции можно говорить о неких социально маркированных особенностях антропономинии, в частности речь идет о противопоставлении элиты ремесленному и сельскохозяйственному классам, то постепенно эти различия в выборе имен стираются. Вместе с ними меркнет и образ Франции, на фоне которого все более четкие очертания обретает образ Квебека.

Список имен, которыми называли новорожденных на заре развития Квебека, богат и разнообразен. Наряду с наиболее распространенными именами *Marie* и *Pierre* встречаются и эксцентричные сложные имена: *le Clothilde Amarante* или *le Pierre Héliodore Chrysologue*. Однако такими оригинальными именами нарекают в среднем от десяти до двадцати процентов детей. Для большинства же новорожденных выбирают наиболее распространенные имена. Эти имена, по данным квебекского историка Женеви́ев Риборди (*Geneviève Ribordy*), составляют от десяти до тридцати пяти процентов квебекского антропонимикона, и именно они являются наиболее репрезентативным для исследования материалом.

Особой популярностью у жителей Новой Франции пользуются сложные — двойные, реже тройные, имена. К концу французского режима в Канаде (1700—1729) двойные имена являются преобладающей парадигмой номинации среди

девочек, составляя, по данным реестра населения Квебека в эпоху Новой Франции, от семидесяти до восьмидесяти процентов от всех женских имен. Постепенно растет популярность мужских сложных имен, однако их общее число так и не превышает пятидесяти процентов. Среди мальчиков двойные имена получили наиболее широкое распространение у представителей квебекской элиты. Тройные имена составляют примерно пять процентов от общего числа мужских и женских имен, распространенных в Новой Франции [9].

ОСОБЕННОСТИ ЖЕНСКИХ ЛИЧНЫХ ИМЕН

Рассмотрим наиболее распространенные женские имена Квебека и их место в антропонимической системе языка провинции. Несмотря на разнообразие антропонимов, существующих в квебекской культуре, именно наиболее употребительные, постоянно выбираемые имена являются плодотворным для исследования материалом и отражают когнитивную базу данного лингвокультурного сообщества.

Наиболее значимым женским именем в эпоху Новой Франции является *Marie*. Этимологически это личное имя восходит к имени Мириам (*Myriam*), указанном в Ветхом Завете, — сестре Моисея. Однако истинным происхождением имя *Marie* обязано Деве Марии. Начиная с XI—XII в. этим именем нарекают новорожденных в знак любви к Матери Божией, что охватывает весь христианский мир.

В эпоху Новой Франции имя *Marie* было распространено во всех социо-профессиональных категориях. Оно пользовалось большой популярностью у ремесленников и крестьян, и даже элита отводила этому имени четвертое по употребительности место [9. С. 21]. Однако в 1680-х гг. имя *Marie* постепенно начинает уступать лидирующие позиции, становясь компонентом сложных имен.

Среди двойных имен с компонентом *Marie* два имени получили широкое распространение у представителей всех трех социо-профессиональных классов. Речь идет об именах *Marie-Anne* и *Marie-Madeleine*. Впоследствии к ним присоединяется третье имя — *Marie-Josèphe*, объединяющее в себе имена родителей Иисуса Христа.

Важную роль, которую играет имя *Marie* в сознании квебекцев, подчеркивает факт существования сложных мужских имен с компонентом женского имени *Marie* — *Jean-Marie*, *Louis-Marie* и т.д.

Имя *Marie* долгое время играет важную роль в жизни квебекцев. Успех имени *Marie* не является чем-то удивительным. Как мы отмечали ранее, квебекские имена отражают влияние католической религии на общество провинции. Вероятно, распространенность этого имени объясняется высоко религиозными установками общества в период его популярности. Но объясняется ли тогда спад его популярности ослаблением позиций католической Церкви в жизни квебекцев? По данным на 2012 г., имя *Marie* не фигурирует в списке топ 100 имен провинции. Однако компонент имени *Marie* присутствует в личном имени, занимающем 21 позицию рейтинга — *Marianne*.

Имя *Marie* подвержено трансонимизации, т. е. перехода имени собственного из одного класса в другой, и, таким образом, широко представлено в топонимии Квебека: *Lac-Sainte-Marie (Outaouais)*, *Mariville (Montérégie)*, *Sainte-Marie-de-Blandford (Centre-du-Québec)* и др.

Значимость имени *Marie* и его неразрывную связь с квебекской культурой подчеркивает факт его постоянного присутствия в художественном дискурсе провинции. Однако в современной прозе это имя в основном представлено в виде варианта *Mary*. Именно так, например, зовут главную героиню романа «Тармас». Автор романа — современный квебекский писатель, номинант различных литературных премий, Николя Дикнер (Nicolas Dickner). Примечательно, что другого значимого женского персонажа в данном романе зовут *Merriam* — имя, разделяющее с *Marie* происхождение. Мать главной героини зовут *Ann (Annabel)*. Это имя с значимой для Квебека историей, и широко представлено в современной топонимической лексике провинции, как и *Marie*. В 1876 г. Папа Пий IX провозгласил Святую Анну покровительницей провинции Квебек. Однако еще задолго до этого имя Святой Анны находило отражение в топонимике провинции. Например, знаменитый город *Sainte-Anne-de-Beaupré* — место паломничества множества надеющихся на исцеление людей, верующих в силу Анны Чудотворной. Свое название город получил вслед за приходом, основанным в 1657 г.

В настоящее время имя *Anne*, как и имя *Marie*, не так распространено у жителей Квебека, но широко представлено в топонимии и художественном дискурсе провинции. Известный квебекский писатель и драматург Мишель Трамбле (Michel Tremblay) отводит этому имени почетное место в своих произведениях, сделал его названием пьесы — *Hosanna* (1973).

Как мы видим, эти имена имеют схожую судьбу. Будучи на протяжении долгого периода времени наиболее распространенными и выбираемыми именами, в настоящий момент они уступили свое место таким именам, как *Mégane*, *Sarah*, *Léa*, *Émilie*, *Noémie* и др. Напоминание о значимости этих имен и их роли для данного лингвокультурного сообщества Квебека хранят в себе персоналии, топонимическая лексика и художественный дискурс.

ОСОБЕННОСТИ МУЖСКИХ ЛИЧНЫХ ИМЕН

К наиболее распространенным мужским именам в эпоху Новой Франции относятся традиционные и широко распространенные в метрополии имена *Pierre* и *Jean*. Наибольшей популярностью эти имена пользуются у представителей сельскохозяйственного и ремесленного классов. Однако у представителей элиты эти имена не так распространены, как в двух других социо-профессиональных категориях. По данным Женевьев Риборди, *Pierre* и *Jean* занимают третье и девятое места соответственно [9. С. 24].

Первое место элита отводит имени *Louis*. Возможно, это объясняется внутренней связью правящего класса с метрополией. Тем интересней тот факт, что начиная с 1700-х гг. имя *Louis* теряет лидирующую позицию среди представителей элиты. Это явление, вероятно, обусловлено разрывом Франции и Квебека.

На смену трем именам, перечисленным выше, постепенно приходит имя *Jean-Baptiste*, распространенное во всех трех категориях.

Как мы отмечали ранее, двойные имена были крайне популярны в провинции. К середине XVIII в. сложные имена составляли 40—50% от всех имен. Такое невысокое процентное соотношение по сравнению с девочками (70—80%) может объясняться тем фактом, что наиболее распространенное с конца XVII в. имя *Jean-Baptiste* не всеми рассматривается как двойное имя, в связи с тем что это имя святого, указанное в Евангелии.

10 мая 1908 г. Пий X провозгласил *Jean-Baptiste* покровителем всех франкоканадцев, находящихся как на территории Канады, так и за ее пределами. Для квебекцев имя *Jean-Baptiste* однозначно является прецедентным.

Jean-Baptiste не только одно из наиболее распространенных вплоть до XX в. имен в провинции, это имя-символ. «Семиотика национального антропонимикона достоверно выявляется через персоналии — имена лиц, получивших известность в рамках определенной лингвокультуры. Формально являясь именами собственными, персоналии имеют в качестве плана содержания набор культурно значимых сведений, коннотаций и символов, ассоциирующихся у носителей языка с именами хорошо известных им лиц, что позволяет их как прецедентные феномены и важную составляющую лингвокультурологического пространства» [7. С. 131]. Много известных личностей в провинции носили это имя. Например, *Jean-Baptiste Meilleur* (1796—1878) — воспитатель, врач, политик и писатель, основатель Успенского коллежа (*Collège de l'Assomption*). Данный антропоним также был подвержен процессу трансонимизации, а именно перешел в разряд эргонимов. В настоящее время одна из средних школ Квебека носит имя этого выдающегося деятеля. Отметим, что была сохранена полная ономастическая идентификация — *École Jean-Baptiste-Meilleur*.

Имя собственное *Jean-Baptiste* является символом не только потому, что это имя святого покровителя квебекцев, или потому, что многие известные личности прославили его своей деятельностью, а потому что оно используется для экспликации определенных признаков — национальности. Начиная с периода противостояния и борьбы Англии и Франции за власть в Канаде имя *Jean-Baptiste* используется для обозначения франкоговорящего населения, как *John Bull* — для англичан, а *Patrick* — для ирландцев [8. С. 145]. Несомненный интерес вызывает произведение квебекского журналиста Юльриха Барта (*Ulrich Barthe*, 1853—1921) «*Jean-Baptiste to his Anglo-Canadian Brothers*», где он от лица франкоканадцев (*Jean-Baptiste*) отстаивает интересы Квебека в вопросе о воинской повинности.

Отметим, что антропоним *Jean-Baptiste* широко представлен в современной топонимике Квебека, в основном для обозначения улиц, озер, зданий, мостов и др. А имя святого Иоанна Крестителя в Квебеке перешло в разряд хронимов и обозначает национальный религиозный праздник, который отмечается в провинции ежегодно 24 июня. Помимо этого существует эргоним *Société Saint-Jean-Baptiste* — организация, занимающаяся защитой и продвижением французского языка и культуры в провинции.

Таким образом, имя *Jean-Baptiste* прочно закрепилось в сознании квебекцев и является неотъемлемой составляющей когнитивной базы данного лингвокультурного сообщества.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Антропонимия является неотъемлемым компонентом языковой картины мира. Личные имена, являясь номинативными языковыми средствами, отражают то, как данное лингвокультурное сообщество представляет окружающую действительность. Антропонимы хранят в себе традиции, верования и обычаи народа. Это то, что связывает человека с обществом.

Квебекское лингвокультурное сообщество обладает характерными традициями антропономинии, определяющими особенности их дальнейшего функционирования в обществе. Личные имена квебекского национального варианта французского языка, выступающие в качестве прецедентных, имеют тенденцию к трансонимизации, т.е. переходу из одного разряда собственных имен в другой. Чаще всего антропонимы трансформируются в антропотопонимы, реже в эргонимы. Такое функционирование антропонимов говорит нам об их вхождении в когнитивную базу квебекцев.

Антропонимическая система эволюционирует, отражая таким образом изменения, происходящие в обществе в тот или иной период, ценности, установки и традиции. Рассмотренные в данной статье антропонимы составляют тот национально-культурный фон, который знаком всем представителям данного лингвокультурного сообщества. Такие имена, как *Marie*, *Anne* и *Jean-Baptiste*, отражают значимость католической традиции в обществе Квебека.

Вплоть до середины XX в. церковь играла важную роль в жизни провинции, период спада популярности данных имен совпадает с ослаблением позиций церкви (вторая половина XX в.). Тем не менее эти имена настолько прочно закрепились в сознании квебекцев, что продолжают существовать не только в других категориях имен собственных, но и в виде вариантов этих имен.

Таковы основные лингвистические параметры становления и современного состояния антропонимикона квебекцев.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Колианский Г.В.* (2006). Объективная картина мира в познании и языке [Objective picture of the world in cognition and language]. М.: КомКнига.
- [2] *Левы-Строс К.* (2008). Тотемизм сегодня. Неприрученная мысль [Totemism] / Пер. с фр. А.Б. Островского. М.: Академический Проект.
- [3] *Оболенская Ю.Л.* (2007). Роль испанских антропонимов в национальной картине мира: социокультурные аспекты [The role of Spanish personal names in the national picture of the world: sociocultural aspects] // Актуальные проблемы современной иберо-романистики. Сборник статей. Выпуск 4. Москва. С. 216—226.
- [4] *Рут М.Э.* (2008). Образная номинация в русской ономастике [Shaped nominated in Russian onomastics]. М.: Издательство ЛКИ.

- [5] Рылов Ю.А. (2006). Аспекты языковой картины мира: итальянский и русский языки [Aspects of the language picture of the world: Italian and Russian languages]. М.: Гнозис.
- [6] Флоренский П.А. (2007). Имена. [Names]. СПб.: Авалонь, Азбука–классика.
- [7] Чеснокова О.С. (2012). Испанский язык Мексики: лингвокультурологическое исследование. [Spanish Mexico: linguo-cultural study.]. Palmarium academic publishing.
- [8] Bouthillier, G. (2010). Nos prénoms et leurs histoires: les prénoms masculins du Québec. Les Editions de l'Homme.
- [9] Ribordy, G. (1995). Les prénoms de nos ancêtres: étude d'histoire sociale. Les éditions du Septentrion.

LINGUISTIC FEATURES OF QUEBEC ANTHROPONYMICON

Ksenia Bolotina

Peoples' Friendship University of Russia
Mikluho-Maklaya str., 6, Moscow, Russia 117198
k.e.bolotina@gmail.com

This article is devoted to the analysis of names in Quebec lingvoculture in order to elicit some historical, cultural, etymological and linguistic peculiarities. Study of names in specific historical and social circumstances lets us bring to life the functioning of anthroponyms in the given society and reveal the role of onomastic elements in Quebec value system. The analysis featured close correlation between anthroponymic system and changes that took place in a given period. Names analyzed in the article are of dominant character in Quebec lingvoculture and they determine to a large extent Quebecois' world view.

Key words: anthroponymicon, name, nomination, linguistic world view, Quebec national variant of French.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ОБЩЕГО И СПЕЦИАЛЬНОГО СЛЕНГА В МАКРОСИСТЕМЕ АНГЛИЙСКОГО ПРОСТОРЕЧИЯ

А.Н. Гамов

Международный Славянский институт («МСИ»)
ул. Годовикова, 9-25, Москва, Россия, 129085
info@slavinst.ru

Целью данной статьи является определение лексико-семантического значения общего и специального сленга путем практического и теоретического познания. В процессе исследования автором была использована обширная научная литература отечественных и зарубежных лингвистов, раскрывающая в полной мере содержание и происхождение вышеуказанных понятий. В статье были применены методы теоретического уровня, а именно: метод абстрагирования, представляющий собой когнитивный процесс, посредством которого происходит отвлечение от несущественных свойств и сторон, присущих общему и специальному сленгу с целью выделения их наиболее важных, закономерных признаков; метод обобщения, с помощью которого устанавливаются общие свойства и признаки, присущие общему сленгу и речевым образованиям, входящим в состав специального сленга; исторический метод, способствующий построению научной теории, при котором понятия, относящиеся к специальному сленгу, рассматриваются в хронологической последовательности; гипотетический метод, раскрывающий вероятный источник происхождения социальных вариантов речи специального сленга. Методы эмпирического (практического) уровня: сравнение, при помощи которого возникает возможность установить соотношение между лексикой общего сленга и лексикой, входящей в состав специального сленга, а также выявить их различие; эксперимент, представляющий собой метод практического действия, направленный на воспроизведение примеров общего и специального сленга.

Основные результаты исследования заключаются в том, что нам удалось истолковать понятия, разъясняющие содержание общего и специального сленга, включающего в себя речевые образования с узкоупотребительной социально-профессиональной направленностью. Мы провели собственное деление лексических пластов нелитературного английского языка, объединяющего слова общего и специального сленга, а также продемонстрировали универсальный характер ОС, его способность проникать не только из одного в другой лексический слой, но и в совершенно иной, незнакомый для него ранее языковой «ареал» со схожей знаковой системой. Кроме того, нам удалось выявить взаимную связь между общим и специальным сленгом, поскольку лексика, входящая в состав ОС, сравнительно недолговечна, и со временем вытесняется из языка за счет проникновения новых слов, присущих отдельной социальной, профессиональной или деклассированной группе людей.

Ключевые слова: макросистема английского просторечия, лексика литературного употребления, общий сленг, экспрессивно-эмоциональный характер, специальный сленг, жаргонная лексика, функция криптолалическая.

ВВЕДЕНИЕ

Существуют различные точки зрения лингвистов на определение сленговой лексики. Одни специалисты высказывают мысль о том, что данный лексический слой, находящийся за пределами правил, установленных литературным языком

и служащий для выражения сниженной стилистической окраски слова, должен быть противопоставлен дифференциальным вариантам речи как литературного, так и нелитературного употребления. По мнению других исследователей, словарный состав данной социально-речевой микросистемы не всегда используется для предания стилистического эффекта, а порой и вовсе отрицается как таковое явление.

На наш взгляд, наиболее достоверной является дефиниция термина «сленг», предложенная профессором В.А. Хомяковым. Она наиболее явно отражает динамику развития и деления слова «сленг» на общий и специальный. По его мнению, ОС представляет собой «особый периферийный лексический пласт, лежащий как вне пределов литературной разговорной речи, так и вне границ диалектов общенационального английского языка, включающий в себя... слой широко распространенной и общепонятной эмоционально-экспрессивной лексики...» [1. С. 45, 46].

Другой исследователь в области лексикологии и стилистики Е.В. Иванова выделяет три языковых пласта, два из которых представляют языковой состав литературного языка, включающего в себя общелитературную лексику... терминологическую лексику, используемую в сфере научного общения, а также нестандартную лексику, обслуживающую сферу непринужденного, неофициального общения и включающую, согласно классификации В.А. Хомякова, экспрессивное просторечие («низкие» коллоквиализмы, общие сленгизмы и условно вульгаризмы) и социально-профессиональное просторечие (профессиональные и корпоративные жаргонизмы и арготизмы) [2. С. 5, 6].

В соответствии с вышеуказанным положением мы провели собственное деление лексических слоев английского разговорного языка. По нашему мнению, норму первого уровня составляет лексика литературного употребления *Standard English*, включающая в себя литературно-книжные, общенародные, коллоквиальные «разговорные» выражения, тогда как к норме второго уровня *Substandard English* следует отнести, с одной стороны просторечную, вульгарную, *общеупотребительную сленговую лексику* нелитературной речи, а с другой, кэнтизмы «арготизмы», являющие собой язык для посвященных (rhyming, back, centre/medial slang), диалектную лексику, в состав которой входят социальный, групповой диалект, литературный диалект, территориальный, этнический диалект, идиолект — (диалектный вариант языка присущий отдельному индивидууму), а также дифференциальные варианты слов жаргонного характера.

Следовательно, под «нестандартной лексикой» следует понимать не отдельный лексический слой, а ряд социально-речевых компонентов, образующих *макросистему* английского просторечия, в то время как «общий сленг» представляет собой социальную разновидность (вариант) нелитературной речи или социально-речевую *микросистему*, бытующую в «ареале» английского просторечия, которой свойственна наибольшая эмоциональная выразительность, новизна, умение проникнуть в любую область языковой системы и закрепиться в ней.

Отличие общего сленга от специального заключается в том, что последний не отражает экспрессивно-эмоциональный характер, но исправно пополняет сло-

варный состав общего сленга за счет проникновения слов, присущих отдельной социальной, профессиональной или деклассированной группе людей. (Обращаем внимание на то, что положение о существовании микросистемы и макросистемы английского просторечия было заимствованно из классификации представленной профессором В.А. Хомяковым.)

Наиболее развернутое определение ОС мы находим в работе выдающегося отечественного филолога А.Д. Швейцера «Очерк современного английского языка в США».

К общему сленгу он относит просторечную лексику с ярко выраженной эмоционально-оценочной окраской, широко распространенную в разговорной речи и не ограниченную в своем использовании рамками каких-либо профессиональных или социальных диалектов [3. С. 153]. Известный советский исследователь в области синонимии В.Г. Вилюман определяет лексику общего сленга как лексику, находящуюся за пределами английского литературного языка (Standard English) и представляющую общепонятные и широко распространенные в разговорной речи образные слова и словосочетания эмоционально-оценочной окраски, претендующие на новизну и оригинальность и в этих своих качествах выступающие синонимами слов и словосочетаний литературного языка... [4. С. 137]. В качестве подтверждения вышеуказанной версии мы приведем несколько примеров, отражающих данную социально-речевую разновидность. К общему сленгу относятся следующие слова: “*shiner*” в значении «синяк под глазом»; “*dumb cluck*” «глупый (недалекий) человек»; “*hairdo*” «прическа»; “*tube*” «метро»; “*baloney*” «ерунда»; “*make-up*” «грим, косметика»; “*vac*” «каникулы» и т.д.

Сленгу свойственно непостоянство, и он существует до того момента, пока он вызывает интерес у окружающих, а как только он теряет свою выразительность, он становится не интересен, что в конечном счете приводит к его исчезновению. «Сленг по своей природе требует постоянного обновления. Большинство слов сленга сравнительно недолговечно, и, если они не закрепляются в языке, т.е., не уходят из сленга в общеразговорную лексику, то они выпадают из языка вытесненные новыми словами» [5. С. 268].

Сразу же возникает вопрос, если сленг настолько универсален, что способен лавировать среди прочей лексики и менять сниженную стилистическую окраску на норму литературного языка, то где же тогда расположена так называемая «демаркационная» линия, которая позволит отделить сленг от прочей лексики и дать четкое определение, характеризующее такое понятие, как «сленг».

Известный американский лингвист Ч. Фриз в статье “Usage levels and Dialect Distribution” говорит о том, что за последнее время термин «сленг» настолько расширил свое значение и применяется для обозначения такого большого количества различных понятий, что крайне затруднительно провести разграничительную линию между тем, что является сленгом, а что нет [6. С. XXV]. Известный индоевропеист М.М. Маковский в отдельной монографии, посвященной современному английскому сленгу, определяет данную помету следующим образом: «сленг —

это исторически сложившаяся на базе английских территориальных диалектов различных регионов и других наиболее древних языковых элементов и в большей или в меньшей степени общая всем носителям языка лингво-социальная норма, которая, реализуясь на уровне разговорной речи (фонетика, грамматика, лексика), генетически и функционально отлична от жаргонных и профессиональных элементов языка... [7. С. 22, 23].

Совпадают в сленге и в диалектах такие слова, как: “*to cat*” в значении (*тошнить, страдать рвотой*); широко используется в общем сленге существительное “*creature*”, как правило, употребляется в отношении (*хмельных напитков*), особенно (*виски*); а также коллоквиальная словообразовательная форма “*to cotton*” в значении (*любить, дружить*). (Примеры даются по словарю Дж. Райта “*The English Dialect Dictionary*”. Vol. 1, 1981 г.).

Представленное определение, характеризующее общую сленговую лексику, противоречит ранее высказанному положению В.А. Хомякова, по мнению которого существование сленга в пределах диалектной речи английского языка не представляется возможным, а эмоционально-оценочный характер с преобладанием экспрессивной функции общего сленга является приоритетным, тогда как М.М. Маковский указывает на то, что «семантика сленговых лексем не всегда восходит к стилистическому переосмыслению, а слова сленга не обязательно используются для создания стилистического эффекта» [7. С. 23].

В свою очередь крупнейший отечественный лингвист и лексикограф И.Р. Гальперин выступил с крайне жестким заявлением, считая, что если помета «сленг» должна остаться в качестве термина советской лексикографии, то нужно определить содержание этой пометы, пересмотреть слова, относимые к этому слою, и отграничить их от слов жаргонного характера, диалектизмов, профессионализмов и общеупотребительных образных слов [8. С. 114].

В соответствии с вышесказанным заявлением профессора И.Р. Гальперина мы полагаем, что попытки, направленные на обособление пометы «сленг», невозможны ввиду того, что сленг не стоит на месте, он изменяется, приобретает новые черты, переходит не только из одного в другой лексический слой, где может находиться в течение длительного времени, но и способен проникать в совершенно иной, не знакомый для него ранее языковой «ареал» со схожей знаковой системой, поэтому в настоящее время не представляется возможным отграничить его от других слоев разговорной речи английского языка.

Так, например, сленгизмы австралийского «ареала» употребления подвержены влиянию со стороны Великобритании по причине английской колонизации территории Австралии и последующим прибытием большого количества переселенцев из различных регионов Англии, Шотландии и Ирландии. Широко используется в британском и австралийском сленге имя прилагательное “*jonnox*”, “*jonnick*” (“*jonick*”) (*справедливый, честный, хороший, приятный*): 1) *If you'll be jonnox to me, I'll be jonnox to you (J.W.)* (Если ты будешь честен со мной, в таком случае и я буду честен с тобой);... (прилагательное “*jonnox*” распространено в графстве

Корнуолл на юго — западе Англии.); 2) *He is a proper jonnick old fellow.* (Действительно, этот парень заслуживает уважения). (Как правило, вариант “jonnick” употребляется в неметропольном районе Ист Девон графства Девон, Англия); 3) *There was a wildness about that fellow’s look that made me feel certain he was not jonnick...* (Во взгляде того парня было что-то пугающее, я сразу почувствовал, что он нехороший человек). (“jonnick” вариант австралийского «ареала» употребления). (“The English Dialect Dictionary”. Vol. 3, 1981 г.).

Во избежание двусмысленности не стоит проводить разграничительную линию между общим сленгом и просто сленгом, так как структура данных обозначений представляет собой полное соответствие, тогда как специальный сленг несет в себе лексику жаргонного характера, отражающую общие интересы социальной, профессиональной или деклассированной группы людей с целью сокрытия истинности от основной части языкового общества. При сопоставлении общего сленга с другими пластами разговорной речи, входящими как в первый уровень соответствующий языковой норме, так и во второй, не подлежащий языковому стандарту, следует выделить следующее определение общего сленга, наглядно отражающее его положение как в языкознании, так и в обществе в целом. «ОС — это относительно устойчивая для определенного периода, широко распространенная и общепонятная социальная речевая микросистема в просторечии, весьма неоднородная по своему генетическому составу и степени приближения к фамильярно-разговорной речи, с ярко выраженной эмоционально-экспрессивной коннотацией вокабуляра, представляющей часто насмешку над социальными, этическими, эстетическими, языковыми и другими условностями и авторитетами» [9. С. 39].

В продолжение нашего исследования мы попытаемся дефинировать лексику, входящую в состав «специального сленга», представляющую собой ряд структурно-семантических образований с узкоупотребительной социально-профессиональной направленностью. Как правило, данную группу сленговой лексики обозначают терминами, несущими строго криптолалическую функцию. К ней относятся: а) профессиональные жаргоны и корпоративные (групповые) жаргоны; стоит также выделить следующие разновидности английского жаргона: 1) “back slang” («обратный сленг»), 2) “centre slang” («центральный сленг»), 3) “rhyming slang” («рифмующийся сленг»); б) “cant”/“canting language” («кэнт»); в) “slang”/“slang language” («сленг»); г) “dialect” («диалектная речь»).

Схожую точку зрения в отношении специального сленга мы встречаем в научных трудах других специалистов. «Ко второй группе они относят сленг, входящий в ту или иную специальную или профессиональную лексику: сленг моряков, солдат, спортсменов, актеров, юристов, студентов и т.д., и сленг различных социальных группировок, например: кокни, т.е. диалект простых людей Лондона, светский жаргон, слова и выражения, принятые в закрытых учебных заведениях, воровской жаргон и т.д.» [10. С. 117]. Вследствие этого специальный сленг включает в себя слова и словосочетания, используемые социальной группой, объединенной одной профессией или общими интересами.

На протяжении длительного времени вместе с языком видоизменялась как морфемная, так и смысловая структура вышеуказанных терминов. В соответствии с проведенным исследованием, мы установили, что «...скорее всего современный термин “jargon” («жаргон») имеет общее происхождение с французским словом “gargoter”, что в переводе на русский язык означает «издавать сильный шум», а также, вероятно, соотноситься с латинским словом “garrire” в значении «говорить невнятно, неразборчиво» [11. С. 550].

Вместе с тем данный термин имеет схожую словообразовательную структуру со словами «среднеанглийского языка “iargo(u)n”, “girgoun”, “gargoun”; старофранцузского языка “jargoun”, “gergon”, “gargon”; окситанского языка “gergo”; итальянского языка “gergo-one”; испанского языка “jerga”, “gerigonza”, “girgonz”; португальского языка “giria”, “geringonca”; точный источник происхождения неизвестен» [12. С. 492].

«Термин “jargon” впервые упоминается во второй половине XIV в., в творчестве одного из основоположников литературного английского языка Джеффри Чосера в значении «щебетание птиц...» [13. С. 170]. В это же время «приблизительно в 1350 г. словом “jargon” стали обозначать «искаженную, неправильную речь»;... Впервые термин “jargon” в качестве гибридного языка стали употреблять в 1643 году...» [11. С. 550]. «...гибридный язык (диалект) представляет собой упрощенную морфологию, фонетику и грамматику группы языков (в качестве примера можно привести гибридный язык *пиджин инглиш*) служащий для упрощенного межэтнического общения...» [14. С. 1211]. «В XX в. термином “jargon” стали обозначать специфическую, профессиональную лексику и фразеологию» [15. Vol. 3. С. 147].

Что касается вышеуказанных вариантов английского жаргона: 1) “back slang” («обратный сленг»), 2) “centre slang” («центральный сленг»), 3) “rhyming slang” («рифмующийся сленг»), то они являют собой ряд социально-речевых элементов, использующихся определенной социальной группой с целью сокрытия конфиденциальной информации от непосвященных.

«“Back language”, “back slang” или “kacab genals”, как его именуют непосредственно сами носители, торговцы фруктами и овощами на улицах Лондона... которые используют данный лексический слой с целью языкового обособления от окружающих своей деятельности... а также для того, чтобы держать в неведении своих заклятых врагов, полицию» [16. С. 348, 349]. «“Back slang” — разновидность сленга, слова которого пишутся и читаются в обратном направлении (справа налево); а также для предания большей выразительности, пишущий или говорящий может изменить положение букв в слове, иногда с присоединением звука, если, конечно же, структура самого слова позволяет это сделать...» [17. Vol. 1. С. 200]. В качестве подтверждения приведем несколько примеров: *kool (to look), erif (fire), doog (good), elrig (a girl), emag (game), stoobs (boots), shif (fish), kennurd (drunk), esclop (police)*.

“Centre slang” (“medial slang”) — в этом случае происходит инверсия, нарушающая порядок построения морфемной структуры слова, когда вторая часть

слова становится перед первой, возможно, как и в первом случае с присоединением звука для лучшего звучания. Так, например, слово *beauty* примет словообразовательную форму *eaautybeau*, слово *right* будет выглядеть как *ightri*, а слово *milk* будет преобразовано в псевдослово *ilkem* и т.д.

«“Rhyming slang” (рифмованный сленг), возникший в первой половине XIX в., в среде низших слоев населения г. Лондона, впоследствии распространился в Австралии, США и Ирландии» [18. С. 525].

С позиции семасиологии данное речевое образование происходит в результате вторичной номинации, рифмованной замене первоначального, исходного словосочетания второстепенной структурной единицей, несущей основную семантическую функцию. В ономаσιологическом аспекте, изучающем средства номинации, данная речевая конструкция (рифмованный сленг) представляет собой словосочетание, подвергнутое умышленному искажению со стороны деклассированных слоев населения. Рассмотрим несколько произвольно выбранных примеров рифмованного сленга: *snake in the grass (a looking-glass)*, *sorrowful tale (three months in jail)*, *sugar and honey (money)*, *joy of my life (wife) or trouble and strife (wife)*, *jack-a-dandy (brandy)*, *plough the deep (to go to sleep)*, *elephant's trunk (drunk)*, *France and Spain (rain)*, *apples and pears (stairs)*.

Дальнейшее исследование специального сленга связано с социально-речевым образованием, широко известным в Англии под названием “Canting language”. Вариант речи употребляется определенной деклассированной категорией людей, объединенной наличием неразрывных связей, интересов и взглядов. По одной версии, «слово “canting” скорее всего происходит от латинской формы глагола “canto”, которая при переводе на английский язык означает “to sing”, “to speak” (петь, говорить). Очень вероятно, вышеуказанный термин “canting” имеет общее происхождение со словом “cantando” в значении *пенне*, по этой причине в бедных инструментально-музыкальных ансамблях того времени словом “canting” обозначали *вариант музыкального произведения*, а как правило *ведущего исполнителя* такого ансамбля именовали словом “cant”» [19. С. XIX—XX].

По другой версии, «понятия “cant” и “canting”, скорее всего, происходят от имен существительных “chaunt”/ “chanting”, которые в переводе на русский язык означают (*нечленораздельную, взволнованную, сопровождающуюся плачем речь*); посредством этой речи нищие и бездомные пытались вызвать жалость у окружающих и таким способом заработать себе на пропитание» [16. С. 3]. Схожее положение в словаре “The Oxford Dictionary of English Etymology” высказывает английский грамматист и лексикограф Ч.Т. Анионс. По его мнению, понятие “cant”... главным образом употреблялось неимущим населением XVI в. с целью получения милостыни со стороны окружающих и означало «произношение ноющих звуков, перемежаемых плачем; цыганский тон прошения милостыни» (Харман)... [12. С. 141].

В известной работе «Сэмюэля Роуланда “The Runnagate’s Race”, изданной в 1610 году, упоминается об одном авантюристе, человеке выдающихся природ-

ных способностей Коке Лорреле, которому удалось в 1501 году собрать под свои знамена все деклассированные слои населения Англии и создать из своих последователей постоянные криминализованные объединения, а вместе с тем, заключить соглашение для достижения общих целей и формирования единого языка с быстро набирающим силу цыганским этническим меньшинством в Европе, во главе которого находился не менее выдающийся предводитель по имени Джайлс Хатхор» [20. Vol. 1. С. XIV]. «Тайный язык цыган в основном включал в себя лексику индусского происхождения, из-за чего у англичан возникли трудности в понимании и изучении этой знаковой системы. В свою очередь, цыгане столкнулись с теми же трудностями по отношению к английскому языку. Сложный, но единственный в этой ситуации компромисс был найден, объединивший слова цыганского, английского происхождения, неологизмы, заимствования из других языков, зачастую несущих криптолалическую функцию и получивший название “Canting language” или “Pedlar’s French”, а в течение прошлого столетия стал именоваться словом “St. Giles’s Greek”» [16. С. 6].

Ниже мы приводим несколько примеров, определяющих данную социальную разновидность нелитературной речи. Так, словом “*myll*” криминализованные элементы Англии обозначали глагол “*to robbe*” (*обкрадывать, грабить*), а под словосочетанием “*to mill a ken*” понимали “*to robbe a house*” (*грабить дом*); имя существительное “*a prison house*” в значении (*тюрьма, темница*) было представлено словом “*quyerkyn*”, а форма глагола “*to speak*” в значении (*говорить, изъясняться*) была представлена словом “*to cant*”; а также, они использовали в целях дезинформации окружающих имена существительные: “*lowre*” в значении “*money*” (*деньги*) и существительное “*mynt*” в значении “*gold*” (*золото*) и т.д.

Френсис Гроуз, составитель словаря “A Classical Dictionary of the Vulgar Tongue”, выделяет другое словосочетание «“Flash Lingo”, обозначающее “the canting or slang language”. Понятие “Flash Language” впервые было отмечено в лингвистике в 1746 г., спустя 10 лет стали использовать только словообразовательную форму “flash”... (В XIX в. слово “flash” было преобразовано в идиоматическое выражение “the man-about-town” в значении *светский человек, прожигатель жизни*)» [21. С. 69].

В довершение сказанного следует обратить внимание на то, что лексика деклассированных (криминализованных) элементов в каждом государстве имеет свое собственное обозначение. Во Франции «тайный язык», который используют разбойники, грабители, воры-карманники, носит название “Argot” («арго»). В Германии данная социально-речевая микросистема определяется словом “Rothwalsch” («ротвелш»). Толпы нищих, блуждающие по улицам Неаполя и Рима, также как разбойники города Помпеи, используют «секретный язык» “Gergo”. В Испании люди, промышляющие разбоем и мошенничеством, обозначают конфиденциальную информацию словами “tongue Germania” или “Robber’s Language”. В Португалии данную социально-речевую разновидность определяют лексемой “Calao”, а в Финляндии именуют словом “Lappes”. Искусственно созданный язык “Lingua

Franca” представляет собой язык островного государства Мальта и стран восточной части Средиземноморья, служащий для межэтнического общения и ведения торговых дел в этой части региона, зачастую содержащий в себе лексику деклассированных элементов Англии, именуемую “Canting language”, которая в современном обозначении представлена как “Slang language”.

В продолжение нашего исследования мы попытаемся представить версии термина “slang”, касающиеся непосредственно его смысловой нагрузки, а именно когда и при каких обстоятельствах впервые он был засвидетельствован в истории лингвистики. Необходимо абстрагироваться от ложных понятий, указывающих на неверную, ничем не обоснованную точку зрения о том, что термин «сленг» в своем значении представлял после 1750 г. и до настоящего времени. Пытаясь дать точный ответ на поставленный вопрос, мы провели параллель между зарубежными и отечественными лингвистами, мнения которых здесь не расходятся. В работе Т.А. Соловьевой мы наблюдаем следующее: «термин „сленг“ впервые был зарегистрирован в западной лингвистике в 1750 г. С самого начала своего существования термин сленг вызвал много споров по вопросу своего содержания» [10. С. 110].

Подобную версию высказывает английский исследователь в области сленговой лексики Френсис Гроуз. По его мнению, термин “slang” — то же самое, что и “Cant language”, появление которого в роли имени существительного и прилагательного датируется приблизительно 1750 годом [21. С. 313]. Мы также обратились к работам других авторов, в которых изложена полная хронология событий, связанная с последующим изменением смыслового содержания слова «сленг» и приобретением новой экспрессивно-эмоциональной окраски.

Дальнейшее исследование показало, что применение термина «сленг» включает в себя множество сопутствующих значений, по одному из которых данный термин используется в значении «ненормативной лексики». Следовательно, термин “slang” включает в себя не только языковое обособление, но и как отмечают лексикографы Баррере и Леланд, продолжает выражать в значении “*language*” или “*lingo*” сегмент «вульгарной, нецензурной лексики» [20. Vol. 2. С. 251].

Хоттен представляет “slang” как язык оскорбительный, унижительный, *m.e.* “*to cheat, to abuse in foul language*” (“обманывать, бранить, оскорблять”) [16. С. 294]. В словаре шотландского лексикографа Джеймса Мюррея мы находим доказательства вышеуказанной версии [1868 *W.R. Greg Lit. & Soc. Judgm. Mr. Carlyle slangs like a blaspheming pagan; Господин Карлайл ругается как сапожник*]. [1888 *Burton Lives 12 Good Men. He sent for the offender, and in the most slashing style ‘slanged’, even threatened him. Он послал за обидчиком, после чего в довольно жесткой форме пригрозил ему*]. (Примеры даются по словарю Дж. Мюррея “*A New English Dictionary On Historical Principles*”. Vol. IX. 1919 г.). Необходимо отметить, что «слово “*slang*” в значении “*abusive language*” впервые появилось в 1828 году» [11. С. 1015].

Хоттен также выделяет прилагательное “*slangy*” (“показной, кричащий, бросающийся в глаза”), употребляемое в отношении (одежды, поведения) [16. С. 294].

Далее мы ссылаемся на словарь Дж. Мюррея, для того чтобы подчеркнуть ярко выраженную окраску предложенной версии [1849 *Alb. Smith Pottleton Legacy* (1854). *A smart scarf, a very new hat, a slang coat, and massive watch-chain. Элегантный шарф, новая шляпа, богатое пальто и массивная цепочка для часов*]. [1847 *Alb. Smith Chr. Tadpole* (1879) *The slang tone in which these words were uttered produced another burst of laughter. Сказанное в подобном тоне вызвало очередной взрыв смеха*]. (“A New English Dictionary On Historical Principles”. Vol. IX. 1919 г.). Впервые прилагательное “*slangy*” было выявлено в «1842 году, образованное от английской формы “*english slang, n. + -y*”» [11. С. 1015].

Эрик Партридж в книге “*Slang Today and Yesterday*” отмечает, что приблизительно в 1850 году термин “*slang*” стали использовать для обозначения «*коллоквиальной (просторечной) лексики нелитературной речи*», что послужило появлению новых синонимичных значений. Так, например, у низших слоев населения наряду со словом “*slang*” пришло слово “*lingo*”, а категория людей, занимающая более высокую иерархическую ступень, стала использовать термин “*argot*” [22. С. 3].

Следующее речевое образование, подлежащее рассмотрению, происходит от... «греческого слова “*dialektos*” — говор, наречие, разновидность данного языка, употребляемая более или менее ограниченной группой людей, связанных территориальной, профессиональной или социальной общностью» [23. С. 387].

В соответствии с вышеуказанным делением лексических пластов английского разговорного языка мы отдельно выделили лексику диалектной речи, в состав которой входят социально-групповой диалект, выражающий общие социальные признаки группы людей; диалект профессиональный, свойственный людям одной профессии или одного рода занятий; диалект литературный, соответствующий норме литературного языка; этнический диалект, объединяющий людей одной народности и культуры; диалект территориальный, объединяющий людей, проживающих на одной территории. В качестве примера мы предлагаем один из самых известных диалектов Лондона “*cockney*” (кокни), источник происхождения которого доподлинно неизвестен. Так, по одной из версий, «...приблизительно до 1600 года понятие „кокни“ связывали с приемом какой-либо пищи; кроме того словом „кокни“ обозначали уродливое, маленького размера куриное яйцо (“New English Dictionary”)... со временем, где-то с 1600 года словом „кокни“ стали называть коренных жителей Лондона...» [24. Vol. 1. С. 324] со средним и низким достатком, родившихся в пределах досягаемости звона колоколов церкви Сэнт-Мэри-лэ-Боу.

Существует и другая версия, указывающая на происхождение слова, определяющего современный диалект «кокни»: «... — Однажды житель Лондона, будучи впервые в своей жизни за городом, услышал ржание лошади и воскликнул: «Господин! Вы это слышали?! Вы слышали как „смеется“ лошадь!». Как раз в это самое время проходил мимо человек, который и поправил его, сказав, что лошадь

не смеется, она ржет. На следующее утро, когда пропел петух, городской житель, запомнив то, что ему вчера было сказано, и, будучи уверенным в своей правоте, прокричал во всеуслышание: “Do you hear how the *cock neighs?*” [16. С. 123].

Диалект «кокни» отличается нестандартным произношением, не соответствует литературной норме употребления, а также обладает сходством с рифмованным сленгом. Ниже приведем несколько примеров употребления лондонского просторечия «кокни»: применение глагола “to be” в значении “ain’t” вместо “isn’t” или “am not”; использование фокусного наречия “weally” вместо “really”; а также примеры рифмованного сленга “plates of meat” вместо “feet”, вместо “head” — “loaf of bread”; и т.д.

Существует и другой известный территориальный диалект «скауз», распространенный на территории метропольного графства Мерсисайд. К сожалению, мы имеем довольно мало письменных источников, отображающих данный социально-речевой элемент. Прежде всего стоит отметить то, что слово «скауз» (*scouse, scouice, scowse, skowse*) происходит от морского жаргонизма “lobscouse” (*мышьиные овощи с редкими кусочками мяса*), в прошлом дежурное блюдо ливерпульских моряков [25. С. 21]. Территориальный диалект «скауз», как и «кокни», обладает целым рядом фонетических, морфологических и синтаксических признаков. Типичные примеры употребления ливерпульского просторечия «скауз»: “De Pool” — “the city of Liverpool”; “Sevvy Park Liblab” — “Sefton Park Public Library”; “footee” — “football”; “chuck” — “bread”; “lush” — “drink”.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, автором были изучены различные источники по вопросу содержания общего сленга, который представлен широко распространенной, общеупотребительной лексикой нелитературной речи с ярко выраженной экспрессивно-эмоциональной окраской, бытующей в макросистеме английского просторечия, а также удалось установить дифференциальные варианты диалектной речи английского языка, и представить в хронологической последовательности ряд условных слов и выражений, входящих в состав специального сленга, и создаваемых отдельной социальной или профессиональной группой с целью языковой “изоляции” от остальной части данной языковой общности.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Коноплева Ю.В., Пинягин Ю.Н. (2002). Американский сленг: структура и зоны семантической аттракции [American slang: the structure and the semantic area attractions] // Национальный менталитет и языковая личность. Пермь: Ред.-изд. отд. Перм. гос. ун-та. С. 45—53.
- [2] Иванова Е.В. (1983). Сопоставительный анализ моделей словосложения в стандартной и нестандартной лексике современного английского языка [Comparative analysis of models for composition in standard and non-standard vocabulary of modern English]: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л.: Изд-во Ленингр. гос. ун-та им. А.А. Жданова.

- [3] Швейцер А.Д. (1963). Очерк современного английского языка в США [Essay modern English language in the United States]. М.: Высшая школа.
- [4] Вилюман В.Г. (1955). О способах образования слов сленга в современном английском языке [About ways of formation of slang words in modern English] // Ученые записки, ЛГПИ им. Герцена, материалы «Герценовских чтений». Том 111. С. 137—139.
- [5] Арнольд И.В. (1959). Лексикология современного английского языка [Lexicology of modern English]. М.: Изд-во литература на иностранных языках.
- [6] Fries Ch.C. (1959). Usage levels and dialect distribution // The American college dictionary. New York: Random House. P. XXIV—XXVI.
- [7] Маковский М.М. (2009). Современный английский сленг: Онтология, структура, этимология [Modern English slang: Ontology, structure, etymology]. 4-е изд. М.: Книжный дом «Либроком».
- [8] Гальперин И.Р. (1956). О термине «сленг» [The term “slang”] // Вопросы языкознания. М.: Изд-во Академии Наук СССР. № 6. С. 107—114.
- [9] Хомяков В.А. (1971). Введение в изучение сленга — как основного компонента английского просторечия [Introduction to the study of slang as a major component of the English vernacular]. Вологда: Изд-во ВГПИ.
- [10] Соловьева Т.А. (1961). К проблеме сленга [The problem of slang] // Ученые записки. Иваново. Том XXVII. С. 109—127.
- [11] Barnhart R.K. (1988). The Barnhart Concise Dictionary of Etymology. Bronxville, New York: The H.W. Wilson Company.
- [12] Onions C.T., Friedrichsen G.W.S., Burchfield R.W. (1982). The Oxford Dictionary of English Etymology. Oxford: Clarendon Press.
- [13] Partridge E. (1942). Usage and Abusage. New York, London: Harper & Brothers Publishers.
- [14] Webster N., Jr. (1961). Webster’s Third New International Dictionary. Vol. 1. London: G. Bell & Sons, Ltd; Springfield, Mass: G & C Merriam Co.
- [15] Morris W., Morris M. (1964). A Dictionary of Word and Phrase Origins. Vol. 3. New York: Harper & Row, Publishers.
- [16] Hotten J.C. (1972). The Slang Dictionary. East Ardsley, Wakefield, Yorks: EP Publishing Ltd.
- [17] Ogilvie J., Annandale Ch. (1883). The Imperial Dictionary of the English Language. Vol. 1. London: Blackie & Son, 49 and 50 Old Bailey, E.C.
- [18] Fowler H.W., Sir Ernst Gowers (1980). A Dictionary of Modern English Usage. Oxford: Clarendon Press.
- [19] Awddeley J. (1937). The Fraternity of Vagabondes. London: Oxford University Press.
- [20] Barrere A., Leland Ch.G. (1967). A Dictionary of Slang, Jargon & Cant. Vol. 1—2. Detroit: Gale Research Company.
- [21] Grose F., Partridge E. (1963) A Classical Dictionary of the Vulgar Tongue. 3th ed. London: Routledge & Kegan Paul Limited.
- [22] Partridge E. (1972). Slang Today and Yesterday. 4th ed. London: Routledge & Kegan Paul Ltd.
- [23] Прохоров А.М. (1984). Советский энциклопедический словарь. [Soviet encyclopedic dictionary]. 3-е изд., с изм. М.: Советская Энциклопедия.
- [24] Weekly E. An Etymological Dictionary of Modern English. Vol. 2. New York: Dover Publications, Inc., 1967.
- [25] Хомяков В.А. (1970). Три лекции о сленге [Three lectures on slang]. Пособие для студентов английского отделения по спецкурсу «нелитературная лексика и фразеология в современном английском языке». Вологда: Изд-во ВГПИ.

A COMPARATIVE ANALYSIS OF GENERAL SLANG IN THE MACROSYSTEM OF SUBSTANDARD ENGLISH

A.N. Gamov

International Slav Institute (“ISI”)
Godovikova str., 9/25, Moscow, Russia, 129085
info@slavinst.ru

The purpose of this article is to define the lexical and semantic meaning of common and special slang through practical and theoretical knowledge. In the research process the author has used an extensive scientific literature of domestic and foreign linguists to reveal fully the content and origin of the above concepts. In the article we applied methods of theoretical level, namely abstraction technique representing the cognitive process by which it is obtained a distraction from nonessential properties belonging to general and special slang in order to highlight their most important and regular features; method of generalization by which we establish the general properties and characteristics inherent in general slang and speech formations being an integral part of special slang; historic method contributing to construction of a scientific theory in which the concepts belonging to special slang are considered in chronological succession; hypothetical technique revealing a probable origin of social variants of special slang. Methods of empirical (practical) level: comparison by which it becomes possible to establish the correlation between vocabulary of general slang and vocabulary of special slang, as well as to identify the difference between them; experiment aimed at reproducing examples of general and special slang.

The main results of this research lie in the fact that we were able to interpret the concepts explaining the content of general and special slang comprising speech formations including words of strictly specialized social — professional orientation. We made own division of lexical layers of Substandard English uniting words of general and special slang as well as revealed the universal character of general slang, its ability to penetrate not only from one to another lexical layer, but in a completely different, unfamiliar earlier language “area” with a similar sign system. In addition, we were able to reveal the mutual correlation between the general and special lexicon, as the part of general slang is relatively short — lived, and eventually forced out of the language due to the penetration of new words inherent in the particular social, professional or underclass people.

Key words: the macrosystem of Substandard English, Standard English, general slang (has an expressive and emotional character), special slang (consists of slangy words), secret function.

ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ИЗУЧЕНИЯ РУССКИХ ПРИСТАВОЧНЫХ ГЛАГОЛОВ

Е.П. Красильникова

Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого
Проспект Ленина, 125, Тула, Россия, 300026
tgpu@tula.net

В данной статье рассматриваются типы упражнений и разновидности текстового материала, используемые при изучении иностранными студентами приставочных глаголов русского языка, представлен алгоритм подачи теоретических и практических материалов по обозначенной тематике. В статье приведены примеры использования разных видов текстов в аспекте их функциональной и жанровой соотнесенности: шуточные мини-тексты, авторские учебные тексты, тексты интернет-ресурсов культурологического содержания, статьи онлайн-словарей, ресурсы электронного Национального корпуса русского языка и другие материалы. Предложенные типы заданий демонстрируют практику использования инновационных технологий обучения, реализуют принципы наглядности, поэтапного формирования знаний, способствуют формированию коммуникативной компетентности обучаемых.

Ключевые слова: приставочные глаголы, трансформационные, дифференцирующие, подстановочные упражнения, типы учебных текстов.

ВВЕДЕНИЕ

Глагол относится к самой частотной группе слов русского языка и по праву считается одной из самых сложных грамматических категорий. Префиксы в семантике глагола играют очень большую роль. По словам Н.В. Крушевского, в употреблении глагольных приставок наблюдается «тот же принцип сочетания, что в языках агглютинационных» [2].

Огромную роль приставок в развитии системы значений глагола и развитость омонимичности производных глаголов отмечал В.В. Виноградов, подчеркивая, что «многозначность глагольного слова усиливается разнообразием живых значений приставок, сложным взаимодействием их со значениями слов, различиями в морфологическом составе и морфологической делимости производных омонимов» [1]. Кроме того, по мнению ученого, «богатство значений глагола обусловлено многообразием его синтаксических возможностей, его конструктивной, организующей силой».

Таким образом, приставочные глагольные формы в силу, с одной стороны, многозначности русских приставок, с другой стороны, в аспекте семантической множественности самих глаголов, мотивирующих приставочные словообразовательные формы, представляют определенную сложность для изучения в иноязычной аудитории.

Традиционно изучение семантики приставочных глаголов соотносится с изучением системы значений приставок, определением характера взаимодействия значений основы и приставки. Но зачастую многозначность производящих глагольных основ в совокупности с многозначностью семантики приставок не по-

зволяет представить универсальную (типизированную) систему типов взаимодействия значений основы и приставки и требует индивидуального, контекстуально обусловленного изучения отдельных, наиболее значимых в процессе конкретного этапа обучения приставочных глаголов.

Алгоритм изучения приставочных глаголов включает в себя, во-первых, представление системы приставочных образований конкретного глагола в их видовой соотнесенности (например, от глаголов *давать—дать: вы́дать — выдава́ть, зада́ть — задава́ть, изда́ть — издава́ть, обда́ть — обдава́ть* и т.д.); во-вторых, семантизацию элементов данной системы с использованием средств наглядности и словарных дефиниций каждого элемента в совокупности его значений; в-третьих, систему лексико-грамматических упражнений на закрепление семантики приставочных глаголов, включая упражнения обобщающего характера. Приведем примеры таких упражнений.

СИСТЕМА УПРАЖНЕНИЙ ПО ИЗУЧЕНИЮ РУССКИХ ПРИСТАВОЧНЫХ ГЛАГЛОВ

Безусловно, на начальном этапе изучения новых лексических единиц полезной будет практика имитативных упражнений, включающих постановку правильного произношения, например:

Задание. Слушайте и повторяйте. Читайте и повторяйте.

Вжива́ться — вжи́ться: вжива́юсь, вжива́ешься, вжива́ется, вжива́емся, вжива́етесь, вжива́ются, вжива́лся, вжива́лась, вжива́лись, *но* вжи́лся, вжи́лось *и* вжи́лось, вжи́лись *и* вжи́лись, *но* вжи́лась.

Упражнения для наблюдения и анализа лексико-грамматического материала могут быть составлены на основе данных словарей с использованием толкования значений как способа семантизации.

Задание. Познако́мьтесь с толкова́нием глаго́лов *облива́ться — обли́ться*. Соотнесите приведённые ниже приме́ры со значе́ниями да́нных глаго́лов.

1. Если вы *облива́етесь* водо́й или како́й-либо друго́й жидкостью, знач́ит, вы вылива́ете их на своё те́ло.
2. Если вы *облива́етесь* ча́ем, су́пом и т.п., знач́ит, неча́янно проли́в их на себя́, па́ккаете и́ми свою́ оде́жду.
3. Если вы, ва́ше лицо́, те́ло и т.п. *облива́ется* по́том, слеза́ми и т.п., знач́ит, оно́ стано́вится из-за них вла́жным, мо́крым.

Приме́ры к значе́ниям глаго́лов *облива́ться — обли́ться:*

А) Се́рдце моё кровью обли́лось при ви́де э́той хрупко́й фигу́рки, согну́вшейся под тя́жестью о́громной но́ши. Б) Ка́ждое у́тро он облива́лся водо́й из кувши́на. В) Рука дро́гнула, и он тут же обли́лся горя́чим ко́фе.

Упражнения на установление соответствий (например: продолжите предложения, соотнесите левый и правый столбцы таблицы), ответы на вопросы с использованием новых слов также способствуют тренировке навыков использования язы-

кового материала. Речевые навыки формируются посредством включения речевых ситуативных упражнений, например:

Задание. Соотнесите ситуации с действиями, обозначенными в приведённых словосочетаниях. Составьте с ними предложения или мини-тексты. Какие словосочетания можно использовать в нескольких ситуациях?

Ситуации: драка, религиозный праздник в храме, спортивные игры, атака во время боя, косьба, приготовление пищи, выборы.

Действия: отбить город, деревню, крепость; отбить косу, серп, лезвие ножа; отбивать в колокола; отбить руку, ногу, голову; отбить мяч, шайбу, шар; отбить голоса избирателей у партии оппонентов; отбить мясо молотком, отбить тесто руками.

К дифференцирующим, формирующим навыки различения языковых единиц, следует отнести упражнения по синонимичной замене изучаемых глаголов:

Задание. Замените глагол *выбить* подходящим по смыслу словом, употребив его в нужной форме. Запишите полученные предложения.

1. Наш руководитель умеет *выбивать* у начальства премию для сотрудников.
2. Я попросил продавца *выбить* чек за купленный мной товар.
3. Мой друг — талантливый художник. Он умеет *выбивать* на металлических пластинах любой рисунок.
4. Нет выше награды для бойца, как *выбить* противника с занятых им позиций.
5. Я долго *выбивал* всю зиму пролежавший дома ковёр.

Слова для справок: отпечатать, вычеканить, очистить, вытеснить, получить.

Эффективны для разграничения значений семантически многозначных приставочных глаголов упражнения в тестовой форме, например:

1. Глагол *побить* используется в значении «*убить в каком-нибудь количестве, перебить, победив*» во всех словосочетаниях ряда:

- а) побить лошадей на скачках, побить рекорд, побить посуду;
- б) побить врага в бою, дичь на охоте, мух в комнате;
- в) побить урожай, побить бокалы, побить армию противника и т.п.

Закрепить навыки использования новых лексем в словосочетании помогут упражнения «Третий лишний»:

Задание. Определите в каждом ряду выделенных курсивом слов и словосочетаний третье лишнее:

1 Я очень много работаю. Мне очень трудно выбрать *время для путешествий, час для работы, месяц для развлечения*.

2. Я люблю участвовать в выборах. Меня выбирали *старостой группы, руководителем общества защиты животных, сыном своих родителей*.

Для сильных учащихся можно предложить более сложные задания по словообразованию с использованием средств наглядности (рисунки и иллюстративный текстовый материал из интернет-справочников), способствующие закреплению знаний о значениях новых лексем, например:

Задание. Используя значения мотивирующих приставочных глаголов, объясните названия предметов и явлений, образованных от данных глаголов. В случае затруднений обращайтесь к словарям.

Образец: Залив (от «заливать») — часть водного пространства, которая залила участок суши. Сравните: ЗАЛИВ, -а, м. Часть водного пространства, вдавшаяся в сушу. *Рижский залив.* (С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова, Толковый словарь русского языка: онлайн версия).

Задание. Соотнесите с картинками следующие слова: *оговорка, разговор, заговор, поговорка, договор, выговор.* Укажите, от каких глаголов они образованы.

Продуктивным будет упражнение на использование языковой догадки в определении значения слова в соответствующем контекстуальном окружении:

Задание. Прочитайте предложения. Попробуйте определить значения выделенных курсивом глаголов из контекста. Проверьте себя по ключу.

Его судьба уже заранее известна, *предрешена*. Но даже тем, кто считает, что такие задачи им по плечу, *прорешать* их все же стоит — лишняя тренировка перед экзаменами никогда не повредит.

В соответствии с одним из ведущих принципов обучения РКИ — поэтапного формирования знаний — обучаемым могут быть предложены обобщающие упражнения на использование нового многозначного приставочного глагола в речи:

Задание. Сопоставьте значение глагола в данных словосочетаниях. Определите разницу в их значении. Составьте с ними предложения или короткие тексты.

1. Разбить чашку — разбить врага — разбить нос — разбить на группы — разбить сад — разбить доводы. 2. Перебить всю посуду — перебить в разговоре — перебить весь отряд. 3. Пробить стену — пробить оборону — пробить мимо ворот — пробить полночь (о часах). 4. Сбить яблоко с ветки — сбить во время выступления — сбить температуру.

Использование подстановочных упражнений позволит закрепить знание не только специфики глагольного управления, но и семантики изучаемых единиц, обусловленной контекстом.

Задание. Раскройте скобки, употребив слова, данные в скобках, в нужной форме. При необходимости используйте предлоги.

1. Наши партнёры по бизнесу *сбили* цены (поставка товара, транспортные расходы, амортизация оборудования). 2. Мальчиш сильно косолапил и постоянно *сбивал* (своя обувь: ботинки, сапоги) и т.д.

Задание. Употребляя глагол *бить* с разными приставками, продолжите данные высказывания.

1. Ребята играли во дворе и ..... всю посуду. 2. Мастер ..... рабочих на пять групп. 3. Злой старик одним выстрелом ..... молодого человека. 4. Рабочие починили забор: они ..... оторванную доску к домику.

Упражнения коммуникативной направленности формируют навыки использования новых единиц в речи:

Задание. Посоветуйте, предложите, предостерегите в следующих ситуациях. Используйте данные слова и словосочетания: *добиться своего, перебивать, прибить, разбить, выбить, сбиться.*

1. Группа туристов отправляется в горы. 2. В матраце много пыли. 3. Оторвалась настенная вешалка. 4. Дети играют в мяч и могут попасть в окно. 5. Ваш одноклассник волнуется перед выступлением на собрании.

Трансформационные упражнения не только тренируют умение использования синонимичных, антонимичных конструкций, но и помогают обозначить условия такой замены. Например, в приведенном примере (см. ниже) замена возможна в случае использования глагола с прямым значением и невозможна — с переносным.

Задание. Измените высказывания таким образом, чтобы они обозначали действие, противоположное действию, обозначенному в исходном высказывании. Объясните, почему такая замена возможна не в каждом случае.

Образец: *Мария вли́вала ма́сло в сала́т. — Мария выли́вала ма́сло из сала́та.*

1. Учитель старался быстрее *вли́ть* в класс новичков, чтобы ребята подружились и помогли друг другу в учёбе. 2. Перед каждой новой сменой нужно *выли́вать* воду из бассейна. 3. Тренер старается *вли́ть* молодым спортсменам уверенность в победе. 4. Вода *вли́лась* в подвал, и все вокруг стало мокрым.

Задание. Используя приведённый ниже образец, измените там, где это возможно, активные конструкции пассивными, заменив глаголы *зали́вать-зали́ть* на *зали́ваться-зали́ться*.

Образец: Павел (subject) зали́л воду (object) за воротник. — Вода (subject) зали́лась Па́влу (object) за воротник.

Во время прилива вода *зали́ла* берег. Неаккуратные люди во время чаепития часто *зали́вают* скатерть вареньем. Рабочие летом *зали́вают* дорогу асфальтом. Фармацевт *зали́вет* микстуру в пузырьки. В начале осени *зали́ли* дожди. Солнечный свет *зали́л* всю поляну.

Задание. Данные предложения измените таким образом, чтобы в них можно было употребить один из следующих глаголов: *разобра́ть, разбира́ться, убра́ть, убирáть, подобра́ть, выбирáть, собирáться, отобра́ть, набра́ться*.

1. Покупать подарок малознакомому человеку трудно.
2. Откуда у тебя эта вещь? Кто-то выбросил, а ты взял.
3. Он лишился водительских прав, потому что нарушил правила дорожного движения.
4. Чтобы письмо не потерялось, она положила его в ящик.

Упражнения в контексте межкультурной коммуникации направлены на сопоставление явлений своей культуры и культуры страны изучаемого языка и реализуют культурологическую направленность обучения русскому языку. В такого рода упражнениях закрепляются навыки использования приставочных глаголов, образованных от одной производящей основы, например, *подготовить-приготовить*:

Задание. Познакомьтесь с рецептом приготовления борща — любимого первого блюда русской кухни. Расскажите (напишите) рецепт приготовления одного из традиционных национальных блюд вашей страны:

Вначале *подгото́вьте* все необходимые для борща ингредиенты...

Задание. Познакомьтесь с народными приметами. Расскажите о приметах, связанных с данным действием в вашей стране.

Если *пролить* молоко на пороге своего дома в майский день — удача вас никогда не покинет. Если *пролитое* молоко попало на лицо и руки молодой девушки, она будет славиться красотой и нежностью. *Пролить* молоко прямо на землю — скоро одному из членов семьи придётся отправиться в долгое путешествие, которое покажется ему совсем нелёгким.

В процессе обучения очень успешным может быть опыт использования интернет-ресурсов. Например, задания для определения значения многозначного приставочного глагола в виде контекстов могут быть составлены с использованием ресурсов электронного Национального корпуса русского языка, позволяющего оперировать текстами, соотносящимися с разными дискурсами (стихотворный, газетный и т.д.).

Задание. Определите значение глагола *разбить* в следующих стихотворных строках.

1 И придётся от сухой тоски Пиалю мою разбить в куски! <i>Вс.А. Рождественский. Пиалá</i> <i>(1932)</i>	4 На свете можно все разбить , возможно всё создать, на свете можно всё купить и столько же продать. <i>И.А. Бродский. Ромáнс Торговца</i> <i>Шествие, 34 (1961)</i>
2 Остаётся только разбить Всё, что придет в голову, На строчки разной длины... <i>К.М. Симонов. Опыт верлибра</i> <i>(1976)</i>	5 Стало быть нам удалось врага разбить ... <i>А.И. Введенский. Четыре описания</i> <i>(1931—1934)</i>
3 ...Здесь хочу разбить я мысли. <i>А.Д. Кантемир. Из Анакреонта.</i> <i>О беспечном житии</i> <i>(1736—1742)</i>	

Задание. Прочитайте шуточный рецепт «приготовления» мужчины. Придумайте шуточный совет, рекомендацию, объявление, рецепт с использованием глаголов *приготовить, подготовить, приготовить, подготовиться*.

«Возьмите одного свежего мужчину, хорошенько промойте ему мозги, добавьте стакан нежности, две столовых ложки здравого смысла, щепотку ревности, пригоршню страсти, медленно доведите до кипения. Не использовать вблизи подруг, хранить в сухом, тёплом месте при умеренном доступе его друзей. Перед употреблением заболтать» (сайт женских советов).

При изучении семантически многозначных приставочных глаголов целесообразно использовать разные виды текстов в аспекте их функциональной и жан-

ровой соотносённости: шуточные мини-тексты, познавательные (например, об этимологии фразеологизмов), пословицы и поговорки и т.д.

1. *Тексты для наблюдения и анализа языковой информации:*

Шутка

—...За это время *приготовим* начинку. Собираем всё, что есть в холодильнике. У меня в этот раз были: ветчина, брынза, перец болгарский и зелень.

— А у меня там мазь Вишнёвского, огурцы и коробка новокаина! И что теперь делать?!.. (с кулинарного сайта)

2. *Тексты как источник познавательной (экстралингвистической) информации:*

Знаете ли вы?

Фразеологизм «переливать из пустого в порожнее» восходит к высказываниям древнегреческих философов, которые уподобляли одного из спорящих глупцов чловеку, доящему козла (козел «пустой» — молока нет), а другого — подставляющему решето (порожний — «ничем не заполненный, пустой»).

3. *Учебные авторские тексты*, позволяющие в соответствии с текстоцентричной направленностью обучения РКИ в едином текстовом пространстве использовать разноприставочные глаголы, образованные от одной основы:

Задание. Прочитайте рассказ. Объясните значения использованных в рассказе приставочных глаголов, образованных от глагола *говорить*.

Молчун

До трёх лет я не умел *разговаривать*. В три года я *заговорил*. Наверное, я так хотел *выговориться* за годы молчания, что никак не мог *наговориться* и *договорить* всё, что хотел *сказать*.

Папа любил *поговорить* со мной. Но однажды я *разговорился* так, что *проговорил* два часа подряд и вконец *заговорил* отца. И папа решил *договориться* с мамой, чтобы она слушала меня днём, а он — вечером.

За месяц я *наговорил* столько, что даже мама однажды *оговорилась*, что у меня, наверное, болезнь и что меня нужно *заговорить* от болтливости. Но папа *отговорил* её это делать.

С тех пор любимой в нашей семье стала поговорка: «Молчание — золото!»

4. *Тексты для стимулирования репродуктивной и продуктивной речевой деятельности:*

Задание. Прочитайте тексты. В каком отрывке слово *прожить* соотносится с качеством жизни, а в каком с количеством? О какой русской примете идёт речь в стихотворении Ф.К. Сологуба?

В лес пришла пастушка,
Говорит кукушке:

— Погадай, кукушка,
Сколько лет пастушке

Суждено *прожить*. —

Ф.К. Сологуб. «В лес пришла пастушка...» (1921.04.20)

Чтоб мудро жизнь *прожить*, знать надобно
немало,

Два важных правила запомни для начала:

Ты лучше голодай, чем что попало есть,

И лучше будь один, чем вместе с кем попало.

Омар Хайям

Задание. Прочитайте текст о происхождении фразеологизма «Соломоново решение». Приведите примеры известных вам ситуаций, в которых было принято мудрое и простое решение трудноразрешимого вопроса (далее приводится текст).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, усвоению иностранными студентами лексико-грамматических черт русских приставочных глаголов будет способствовать использование в учебной работе имитационных, трансформационных, подстановочных, дифференцирующих упражнений, текстов разного функционального и жанрового характера. При этом условием успешности усвоения языковых и речевых навыков выступает коммуникативная направленность обучения, текстоцентричный характер учебных действий.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Виноградов В.В.* (1972). Русский язык [Russian language]. Москва. <http://www.slovari.ru/default.aspx?0a0=15&p=5310>.
- [2] *Крушевский Н.В.* (1883). [Essay on the science of language]. Очерк науки о языке. Казань.
- [3] *Хавронина С.А., Бальхина Т.М.* (2008). Инновационный учебно-методический комплекс «Русский язык как иностранный»: учебное пособие [Innovative educational-methodical complex “Russian as a foreign language”] / С.А. Хавронина, Т.М. Бальхина. Москва. http://web-local.rudn.ru/web-local/uem/iop_pdf/169-Havronina-_Balyhina.pdf.

LEXICAL AND GRAMMATICAL ASPECTS IN THE STUDY OF RUSSIAN PREFIXAL VERBS

Elena P. Krasilnikova

Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University
Tula, 125, Prospect Lenina, Tula, 300026, Russia
tgpu@tula.net

This article focuses on the types of exercises and textual materials used for the foreign students in the study of prefixal verbs of the Russian language, provides the algorithm of theoretical and practical materials on the topic. The article gives examples of using different kinds of texts in the aspect of functional and genre interrelationship: humorous mini-texts, educational texts, the texts online culturological content resources, articles of online dictionaries, electronic resources of the Russian National Corpus and other materials. Suggested types of tasks demonstrate the practice of innovative learning technologies, apply principles of clarity, gradual development of knowledge and contribute to the formation of communicative competence of the learners.

Keywords: prefixal verbs, transformation, differentiating, substitution exercises, types of educational texts.

НАУЧНАЯ ХРОНИКА

«СЛОВО ДОСТОЕВСКОГО. 2014. ИДИОСТИЛЬ И КАРТИНА МИРА»: ПРЕЗЕНТАЦИЯ КНИГИ

Е.А. Осокина

Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН
ул. Волхонка, 18/2, Москва, Россия, 119019
lenazar@yandex.ru

Монография представляет коллективное единое осмысление идиостиля русского писателя-классика. В монографии все статьи авторского коллектива сгруппированы по личностному принципу. В работах каждого исследователя представлены концептуальные основы и структура *Словаря языка Достоевского*, *Слово Достоевского* и *Поэтика Достоевского*, объединенные в одну книгу.

Ключевые слова: авторская лексикография, Достоевский, идиоглоссарий, словарная статья, язык писателя, картина мира, православие, когнитивность, коллективная монография.

Книга «СЛОВО ДОСТОЕВСКОГО. 2014. Идиостиль и картина мира», подготовленная в группе составителей *Словаря языка Достоевского*, включает неопубликованные и труднодоступные разножанровые работы — статьи, доклады, интервью — последних десяти лет. Столь разнообразные подходы к исследованию и осознанию творческого наследия Достоевского позволяют полнее представить многоаспектное своеобразие языковой личности писателя и многоуровневое восприятие его текстов — от статистики до символической «картины мира». Возможность такого подхода заложена, во-первых, в структуре как идиоглоссария в целом, так и отдельной словарной статьи, воспроизводящей сущность особого словаря; во-вторых — заложенном в форме словарной статьи огромном исследовательском потенциале; в-третьих — в личностной уникальности каждого из 6-ти авторов-составителей, в конечном итоге разным языком говорящих об одном и том же — уникальности Достоевского-творца. Все это позволило объединить многообразие исследований и индивидуальности исследователей в такую своеобразную форму, как коллективная монография, что и создало неповторимое своеобразие книги.

Статьи идейного и научного руководителя идиоглоссария Ю.Н. Караулова, помимо разработок основополагающих принципов словаря, представляют и осо-

бый подход к исследованию художественных текстов. На базе теории семантических полей и основных положений нарратологии разработана методика ассоциативного анализа художественно-прозаического текста. Ее применение к рассказу Достоевского «Кроткая» позволило реконструировать «картину мира», скрытую за дискурсом главного действующего лица — «Закладчика» — и построенную на основе принципов православного исихазма.

Статьи Е.Г. Гинзбурга и Е.А. Цыб «Глоссарий как жанр словарей» и «Эстетика редкого слова (к программе анализа переводов на английский язык художественной прозы Достоевского)» посвящены описанию и разработке почти не известного в России жанра дифференциальной писательской лексикографии — глоссария. В них обсуждаются вопросы места единиц глоссария в словаре писателя в целом, вопросы взаимодействия слова из глоссария с компонентами его контекста.

На примере составления глоссария к текстам Достоевского ставится задача целесообразности составления глоссария русского литературного языка как справочника, который должен помочь уточнить, в каком смысле употреблено внешне знакомое, а по сути — неизвестное, и потому странное, чужое слово, предоставить информацию о словах и выражениях, которые могли бы быть непоняты или поняты неправильно при чтении художественных и не только художественных текстов, в частности прошлого. Задача такого справочника — компенсировать дезориентированность в репертуаре периферийных лексических средств языка и в их функциональных (в частности комбинаторных) особенностях в текстах разных по жанру и времени создания. Глоссарий — попытка собрать в одном месте результаты металингвистической рефлексии на малознакомые или вообще неизвестные, обычно редкие слова в некотором тексте или корпусе текстов, систематически представить лексические единицы, источник вопросов типа «Что значит?»

Статья Е.А. Цыб и Е. Маркиной «„Государство“ в произведениях русских писателей XIX века» представляет собой лексикографическое описание одного лексически важного слова «государство» в произведениях разных авторов, репрезентирующее мир языковой личности и ее образ в зеркале понимания ею государственности.

Статьи И.В. Ружицкого посвящены исследованию того или иного лексикографического параметра, входящего в структуру словарной статьи «Словаря языка Достоевского. Идиоглоссарий». При изучении и конкретизации такого параметра, как «символическое употребление идиоглоссы», предлагается возможность построения авторского тезауруса, ядро которого составляет символическая картина мира Достоевского. Уточняется понятие символа, делается вывод о целесообразности объединения слов-символов в символические парадигмы. Одна из статей направлена на конкретизацию такого параметра, как «игровое употребление слова», уточняется дефиниция игры слов, на конкретном материале показаны функции игрового употребления идиоглоссы.

Такой параметр, как «употребление слова в составе чужой речи», рассматривается на материале используемых в произведениях Достоевского прецедентных текстов. В статье «Автонимное употребление слова в текстах Достоевского» пред-

лагаются выделять параметр автономности как один из ключевых при определении статуса слова как идиоглоссы.

Функционирование конкретных идиоглосс в текстах Достоевского рассматривается в следующих статьях: «„Я знаю, что ты знаешь...“ (к семантике глагола „знать“ в текстах Ф.М. Достоевского)», «К функционированию одной лексемы (*дурак* и *дураки*) в языке писателей XIX века», «Текстообразующая функция слова „вдруг“ в произведениях Ф.М. Достоевского», «Концепт „Америка“ в дискурсе Ф.М. Достоевского», «Образ бездны в индивидуальном и массовом сознании», «Идиоглоссы „Америка“ и „баня“ в дискурсе Ф.М. Достоевского». Исследуются особенности значения и употребления таких ключевых для идиостиля Достоевского слов, как «знать», «вдруг», «дурак», «баня», «Америка», «бездна».

Статьи Е.А. Осокиной, оформленные в виде докладов, обращают внимание на тенденции творчества от эпохи постмодернизма в культуре к ее истокам, исходящим из христианской традиции. Формулируется идея о создании Достоевским совершенной формы художественного произведения путем соотношения «романа» — как большой художественной формы — с богослужебным последованием — как литературной формой. Эта оригинальная идея, сформулированная для возникновения древней русской литературы, применительно к текстам Достоевского была высказана в докладе и статье «К вопросу о форме „Братьев Карамазовых“: структура и содержание».

Подтверждение концепции разработано в докладах о параллелизме как особом приеме в системе христианской богослужебной эстетики и поэтики и о месте поэмы «Великий инквизитор» в системе пятикнижия Достоевского, составляющего единую большую форму, соотносимую с суточным богослужебным кругом. Соотношения проводятся на разных уровнях текста: структурном, тематическом, лексическом, статистическом.

Мастерство Достоевского-художника подтверждается лекцией В.В. Набокова, который для представления мастера слова пользуется его же приемами. В идиоглоссарии синтаксис и паратаксис комментируются в зонах сочетаемости, где проводятся риторические фигуры речи — словесные фигуры, обусловленные внутренним структурообразующим смыслом.

Иначе представлено воплощение христианской основы русской литературы двумя «гениями искусства» — Гоголем и Достоевским: если Гоголь переводит сакральный текст в обыденность, то Достоевский через обыденные реалии выстраивает сакральный текст.

Публикуется текст интервью как варианта популяризации творческого наследия Ф.М. Достоевского.

Вместо предисловия даны избранные цитаты из статей всех авторов, наиболее значимые, по их мнению, что представляет квинтэссенцию коллективной монографии.

**«SLOVO DOSTOYEVSKOGO. 2014.
IDIOSTYLE AND WORLDVIEW»:
BOOK PRESENTATION**

Elena A. Osokina

Institute of Russian Language n.a. V.V. Vinogradova RAN
Volkhonka str., 18/2, Moscow, Russia, 119019
lenazar@yandex.ru

The monograph is a collective and unified understanding of the style of the Russian writer-classic. In the monograph all the articles of authors grouped by personal principle. In the work of each researcher presents the conceptual framework and the structure of the Dictionary language of Dostoyevsky, the Word of Dostoyevsky and Dostoyevsky's poetics, combined in one book.

Key words: lexicography author, Dostoyevsky, idioglossarium, dictionary article, the writer's language, worldview, Orthodoxy, cognitive skills, collective monograph.

**XI МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ
КОНФЕРЕНЦИЯ «ЯЗЫКОВЫЕ КАТЕГОРИИ И ЕДИНИЦЫ:
СИНТАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ»**

**г. Владимир, Владимирский государственный университет
им. А.Г. и Н.Г. Столетовых (ВлГУ)
28 сентября — 1 октября 2015 г.**

В.И. Фурашов, М.Вас. Пименова

Владимирский государственный университет
им. А.Г. и Н.Г. Столетовых (ВлГУ)
vladlingvist@yandex.ru

Первая конференция с более узким названием «*Грамматические категории и единицы: синтагматический аспект*» состоялась в 1995 г. по инициативе доктора филологических наук, профессора, заслуженного работника высшей школы Российской Федерации **Августа Борисовича Копелиовича** (14.12.1929—25.01.2015). За прошедшие двадцать лет проведено десять конференций, каждая из которых сопровождалась сборником материалов, включающим от 88 до 172 публикаций.

Нынешний, одиннадцатый сборник содержит 128 статей лингвистов *Беларуси* (гг. Витебск, Гродно, Минск), *Венгрии* (гг. Будапешт, Ньиредьхаза), *Казахстана* (гг. Алматы, Семей), *Китая* (г. Чжанье), *Латвии* (г. Рига), *Польши* (г. Варшава), *России* (гг. Биробиджан, Брянск, Владимир, Волгоград, Воронеж, Елец, Ижевск, Йошкар-Ола, Киров, Коломна, Липецк, Магнитогорск, Москва, Муром, Нижний Новгород, Омск, Орел, Оренбург, Петрозаводск, Ростов-на-Дону, Рязань, Санкт-Петербург, Саратов, Симферополь, Смоленск, Сыктывкар, Таганрог, Челябинск, Электросталь, Ярославль и др.), *Украины* (гг. Бердянск, Винница Днепропетровск, Запорожье, Каменец-Подольский, Киев, Кривой Рог, Львов, Николаев, Ужгород, Харьков, Черкассы), *Чехии* (г. Брно).

Конференция открылась докладом проф. В.И. Фурашова, посвященном памяти профессора А.Б. Копелиовича. На двух пленарных заседаниях и трех секциях «Вопросы изучения грамматики», «Комплексные исследования языка, речи и текста», «Языковая картина мира в диахронии, лингвистическая география и лексикогеография» было заслушано около 40 научных докладов и сообщений. Доклады сделали: проф. *П.А. Лекант*, д-р *Ильдико Палоши*, проф. *Е.В. Алтабаева*, проф. *О.Л. Арискина*, проф. *О.И. Валентинова*, проф. *Ф.И. Карташкова*, проф. *Е.Н. Клемёнова*, проф. *В.В. Кихтан*, проф. *Е.А. Красина*, проф. *М.С. Милованова*, проф. *А.В. Петров* и *Л.А. Петрова*, проф. *М.В. Пименова*, проф. *М.Ю. Сидорова*, проф. *М.М. Сывороткин*, проф. *В.А. Федосов*, проф. *Н.В. Юдина*, член-корр. *И.Н. Юдкин-Рипун* и др.

Обсуждаемые вопросы способствовали в ходе заинтересованной дискуссии выявлению, систематизации и решению актуальных научных проблем, связанных

с развитием/изменением языковых категорий и единиц и отражением в данных процессах исторически сложившейся совокупности представлений/знаний человека о мире.

Участники конференции отметили плодотворность присутствовавшего в большинстве выступлений синтеза традиционных (классических) подходов к анализу языковых фактов с новейшими методиками и приемами, отметив высокий научный уровень докладов и активность их обсуждения. Было рекомендовано в 2017 г. провести очередную, двенадцатую конференцию.

**XI INTERNATIONAL SCIENTIFIC
LINGUISTIC CONFERENCE “LANGUAGE CATEGORIES
AND UNITS: SYNTAGMATIC PLANE”**

**Vladimir, Vladimir state university
n.a. A.G. and N.G. Stoletovy (VLSU),
September, 28th – October, 1st, 2015**

V.I. Furashov, M.Vas. Pimenova

Vladimir State University n.a. A.G. and N.G. Stoletovy
vladlinguist@yandex.ru

НАШИ АВТОРЫ

АЛИЕВА Егяна Нураддин кызы — аспирант кафедры азербайджанского языкознания Бакинского государственного университета;
e-mail: yegane-aliyeva-84@mail.ru

БАТАЛОВ Александр Александрович — старший преподаватель ИИЯ РУДН;
e-mail: 7000travel@gmail.com

БОЛОТИНА Ксения Эдуардовна — аспирант кафедры иностранных языков филологического факультета РУДН; e-mail: k.e.bolotina@gmail.com

БРЕДИС Михаил Алексеевич — преподаватель кафедры скандинавских, финского, нидерландского и греческого языков МГИМО (У) МИД России; e-mail: briedis@yandex.ru

БУЦЫК Елизавета Дмитриевна — преподаватель кафедры английского языка № 1 МГИМО(У) МИД России; e-mail: l.butsyk@ya.ru

БЫКОВА Галина Ивановна — кандидат исторических наук, доцент кафедры иностранных языков ФГСН РУДН; e-mail: bykova.gi@mail.ru

ВОЛКОВА Злата Николаевна — доктор филол. наук, профессор кафедры иностранных языков и перевода факультета гуманитарных наук Университета Российской академии образования; e-mail: volkovazlata@yandex.ru

ГАМОВ Антон Николаевич — аспирант кафедры иностранных языков МСИ;
e-mail: gamov.anton@mail.ru

ДЖИОЕВА Алеся Александровна — профессор кафедры ЮНЕСКО по изучению глобальных проблем, факультета глобальных процессов МГУ им. М.В. Ломоносова, доктор филол. наук, профессор; e-mail: alecia28@yandex.ru

КРАСИЛЬНИКОВА Елена Павловна — доцент кафедры документоведения и стилистики русского языка Тульского государственного педагогического университета им. Л.Н. Толстого (ТГПУ им. Л.Н. Толстого), кандидат филол. наук; e-mail: tgpu@tula.net

КОЛЫШЕВА Ольга Николаевна — магистр кафедры общего и русского языкознания филологического факультета РУДН; e-mail: kaf_yazik_rund@mail.ru

ЛИПАТОВА Татьяна Васильевна — доцент кафедры русского языка № 1 факультета русского языка и общеобразовательных дисциплин РУДН, кандидат филол. наук; e-mail: lipatova60@hotmail.com

ЛУНЬКОВА Лариса Николаевна — профессор кафедры английского языка факультета иностранных языков Московского государственного областного социально-гуманитарного института (МГОСГИ), доктор филол. наук; e-mail: loralu@rambler.ru

МАМОНТОВ Александр Степанович — профессор ФГБЩН «Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, доктор филол. наук, профессор; e-mail: inbox@pushkin.edu.ru

МЕДВЕДЕВА Диана Игоревна — доцент кафедры романской филологии, второго иностранного языка и лингводидактики Удмуртского государственного университета, кандидат филологических наук; e-mail: diami@mail.ru

МОРОСЛИН Пётр Васильевич — профессор АНО ВПО «Международный славянский институт», доктор филол. наук, профессор; e-mail: mpV_1950@mail.ru

НИКАШИНА Наталья Викторовна — старший преподаватель ИИЯ РУДН, кандидат филологических наук; e-mail: nvnikashina@gmail.com

НИКУЛИНА Елена Фёдоровна — старший преподаватель кафедры иностранных языков ФГСН РУДН; e-mail: nikole4239@yandex.ru

ОМЕЛЬЧЕНКО Виктор Валентинович — главный научный сотрудник Отдела системного анализа бюджетной, налоговой политики и регионального развития Государственного НИИ системного анализа Счетной палаты Российской Федерации (НИИ СП), Заслуженный деятель науки техники Российской Федерации, доктор технических наук, профессор; e-mail: omelchenko.vv@niispr.ru

ОСОКИНА Елена Анатольевна — кандидат филол. наук, научный сотрудник Отдела экспериментальной лексикографии Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН; e-mail: lenazar@yandex.ru

ПЕТРОВА Елена Эмильевна — старший преподаватель кафедры иностранных языков ФГСН РУДН; e-mail: mahintosh@mail.ru

СТРЕЛЬНИКОВА Ольга Федоровна — преподаватель кафедры английского языка № 1 МГИМО(У) МИД России; e-mail: strelnikova.olgastrelnikova@gmail.com

СУПРУН Наталья Дмитриевна — магистр ИИЯ РУДН;
e-mail: comsuprunnata@mail.ru

ШУМБАСОВА Светлана Сергеевна — преподаватель кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации Государственного социально-гуманитарного университета; e-mail: svetlana-kudinova@mail.ru

ЧУЛКИНА Нина Леонидовна — профессор кафедры общего и русского языкознания филологического факультета РУДН, доктор филол. наук; e-mail: kaf_yazik_rund@mail.ru

ЩЕРБИНИНА Полина Александровна — аспирант кафедры общего и русского языкознания Витебского государственного университета им. П.М. Машерова кафедры иностранных языков МСИ; e-mail: anilop1988@yandex.by

---

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Журнал **Вестник РУДН Серия «Теория языка. Семиотика. Семантика»** издается с 2010 года (ISSN 2313-2299 print), является периодическим научным изданием, входящим в список журналов ВАК РФ. Журнал является международным и по состав редакционной коллегии, и по тематике и авторам публикаций. Журнал выходит 4 раза в год.

Издание адресовано филологам, философам и другим представителям гуманитарного знания. Его авторы — доктора и кандидаты филологических и философских наук, аспиранты, докторанты и студенты-магистры России, ближнего и дальнего зарубежья.

Журнал Вестник РУДН серии «Теория языка. Семиотика. Семантика» углубляет и разрабатывает вопросы общей и частной теории языка; теорию речевой деятельности и речи; семиотические характеристики знаковых систем, единиц языка разных уровней и текста; семиотику и поэтику художественных текстов; функциональную семантику лексических и грамматических единиц; предлагает вниманию комплексное и сопоставительное исследование типологии категорий и единиц языка.

Журнал публикует статьи доклады, рецензии и научную хронику ведущих ученых различных областей гуманитарной сферы, а также материалы молодых ученых — докторантов, аспирантов и магистров. Материалы публикуются на русском и английском языках.

Правила оформления статей и другая информация о журнале размещена на сайте <http://193.232.218.56/web-local/fak/rj/index.php?id=23&p=148#redcol>.

Статьи и анкеты авторов (Сведения об авторах) присылаются отдельными файлами на адреса: elena_krassina@mail.ru и novospasskaya72@mail.ru.

Каждая статья рецензируется анонимно двумя экспертами. Редакционная коллегия принимает решение о публикации с учетом мнения рецензентов.

Авторы, желающие получить номер с опубликованной статьей, оформляют подписку на два выпуска журнала; подписной индекс по каталогу Роспечати — 80555.

СПАСИБО ЗА СОТРУДНИЧЕСТВО!

INFORMATION FOR AUTHORS

Bulletin of Peoples' Friendship University series "Theory of Language. Semiotics. Semantics" elaborates and deepens the topics of general and special theories of language; theory of speech activity and speech; semiotic features of sign systems and those of language units, belonging to different levels and texts; semiotics and poetics of literary texts; functional semantics of lexical and grammatical units; pays attention to complex and comparative typological research of language categories and units.

General goals and objectives of the journal, besides the development and propaganda of humanities, include the integral characteristics of paradigms of philological and humanitarian knowledge — symbolic and social paradigms, in particular.

As to the application, methodology and complex, integral methods of theoretical research of language and society are being elaborated as well as the research in systemic linguistics; and language modeling is also included.

The journal introduces such sections as "Reviews", "Scientific Reviews", "Scientific Chronicles".

The journal addresses philologists, philosophers and other humanitarians. Its authors are PhDs, Doctors of Humanities, post-graduate students, PhD candidates and MA students from Russia, as well as from abroad.

Academic Journal "**Bulletin of Peoples' Friendship University series Theory of Language. Semiotics. Semantics**" was founded in 2010 (ISSN 2313-2299 print) and is a peer-reviewed journal on the list of the RF State Commission for Academic Degrees and Titles. It's international regarding both the editorial board and contributing authors as well as research and topics of publications. There are published 4 issues a year.

The journal is addressed to the attention of philologists and linguists, philosophers and other researchers in humanities. Its authors are leading researchers possessing PhD and PhDr degrees, and postgraduate students and MA students from Russia and abroad. The publication is carried out both in Russian and English.

The journal strives to elaborate and deepen the studies in the domains of general and special theory of language; theory of speech, semiotics of language and other systems of the kind, language units of various status, semiotics and poetics of fiction texts, cognitive science, functional semantics, comparative and typological studies of language and cognitive categories.

Submission requirements and stylesheet guidelines are available online: <http://193.232.218.56/web-local/fak/rj/index.php?id=23&p=148#redcol>. Articles and author's data (Author's data file) should be mailed to the following addresses: elena_krassina@mail.ru и novospasskaya72@mail.ru.

Each article is being reviewed anonymously (peer-reviewing) by two experts. The editorial board makes up a decision on publication referring to the opinion of the reviewers.

Authors are supposed to subscribe the Bulletin, if they'd like to have an issue with their article published.

**THANK YOU FOR COOPERATION!
WE ARE LOOKING FORWARD TO YOUR SUBMISSIONS.**

ВЕСТНИК
Российского университета
дружбы народов

Научный журнал

Серия
ТЕОРИЯ ЯЗЫКА.
СЕМИОТИКА. СЕМАНТИКА

2016, № 1

Редактор *К.В. Зенкин*
Компьютерная верстка: *Е.П. Довголевская*

Адрес редакции:
Российский университет дружбы народов
ул. Орджоникидзе, д. 3, Москва, Россия, 115419
Тел.: (495) 955-07-16

Адрес редакционной коллегии
серии «Теория языка. Семиотика. Семантика»:
ул. Миклухо-Маклая, д. 6, Москва, Россия, 117198
Тел.: +7 (495) 433-70-22
e-mail: kaf_yazik_rudn@mail.ru

Подписано в печать 02.03.2016. Формат 60×84/8.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Times New RomanPS».
Усл. печ. л. 21,39. Тираж 500 экз. Заказ № 117

Типография ИПК РУДН
ул. Орджоникидзе, д. 3, Москва, Россия, 115419
Тел. 952-04-41

BULLETIN
of Peoples' Friendship
University of Russia

Scientific journal

Series
THEORY OF LANGUAGE.
SEMIOTICS. SEMANTICS

2016, N 1

Editor *K.V. Zenkin*
Computer design *E.P. Dovgolevskaya*

Address of the editorial board:
Peoples' Friendship University of Russia
Ordzhonikidze str., 3, Moscow, Russia, 115419
Ph. +7 (495) 955-07-16

Address of the editorial board
Series «Theory of Language.
Semiotics. Semantics»:
Miklukho-Maklaya str., 6, Moscow, Russia, 117198
Ph. +7 (495) 433-70-22
e-mail: kaf_yazik_rudn@mail.ru

Printing run 500 copies

Address of PFUR publishing house
Ordzhonikidze str., 3, Moscow, Russia, 115419
Ph. +7 (495) 952-04-41